

БЕЛАЯ АРМИЯ
БЕЛОЕ ДЕЛО

ИСТОРИЧЕСКИЙ
НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ
А Л Ь М А Н А Х

№ 8

ЕКАТЕРИНБУРГ

2000

НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР «БЕЛАЯ РОССИЯ»

БЕЛАЯ АРМИЯ БЕЛОЕ ДЕЛО

**Исторический
научно-популярный
АЛЬМАНАХ**

№8

ЕКАТЕРИНБУРГ

2000

Очередной номер альманаха «Белая армия. Белое дело» продолжает освещение различных аспектов истории Белого движения в годы Гражданской войны в России. Авторы статей и материалов вводят в оборот многие неизвестные ранее факты и документы и на их основе предпринимают попытку правдивого воссоздания исторических картин прошлого. Издание рассчитано на всех, кому не безразлична судьба России.

**Научный редактор альманаха
ДМИТРИЕВ Н.И.**

- Мнение редакции не обязательно совпадает с мнением авторов публикаций
- Перепечатка только с разрешения редакции

© НИЦ «БЕЛАЯ РОССИЯ»
© Дмитриев Н.И. Составление, редакция.
Екатеринбург, 2000

ОТ РЕДАКТОРА

Уважаемые читатели! В ноябре этого года исполнилось семьдесят лет с того времени, когда согласно приказа главнокомандующего вооруженными силами на Юге России генерал-лейтенанта барона П.Н.Врангеля было «приступлено к эвакуации и посадке на суда в портах Крыма всех, кто разделял с армией ее крестный путь, семей военнослужащих, чинов гражданского ведомства с их семьями и отдельных лиц, которым могла бы грозить опасность в случае прихода врага». Эта дата естественно не должна была пройти незамеченной среди научной общественности. В Севастополе и Москве последовательно, с разницей в три недели состоялись сразу две научно-практические конференции, состав участников которых был абсолютно отличен. НИЦ «Белая Россия» получил приглашения от организаторов обоих форумов, но в силу общественного характера нашей деятельности и большой занятости на местах основной службы смог быть представлен лишь на одной встрече.

С 1 по 4 октября 2000 г. в Севастополе прошла конференция «Белая Россия: от прошлого - в будущее. Опыт государственного строительства генерала П.Н.Врангеля», посвященная осмыслению феномена русского Белого движения и приуроченная круглой дате завершения Белой борьбы на Юге России. Она была организована представителями Народно-Трудового союза российских солидаристов и Русской общины города. Участники встречи (около 50 человек) заслушали 22 доклада исследователей из Москвы, Санкт-Петербурга, Екатеринбурга, Севастополя, Николаева и Трускавца. Предварительно составленная программа предусматривала работу трех секций. Однако представляется, что конференция только выиграла от того, что все доклады стали пленарными, были прослушаны и обсуждены полным составом присутствующих.

Открывая собрание с докладом «Белая Россия: от прошлого - в будущее. Исторический опыт и правопреемственность в современной России». **Б.С.Пушкарев (Москва)** подчеркнул, что Крым при генерале П.Н.Врангеле стал наиболее зрелым прообразом послереволюционной страны и тем важнее сегодня проведение всестороннего исторического анализа его государственного устройства в применении к задачам современной России. В то же время хотя белые воины и проиграли Гражданскую войну, но защитили от большевизма Европу. И, видимо, давно уже пора определить истинное место Белого движения в истории XX века. В своем выступлении ведущий преподаватель Санкт-Петербургской Духовной академии **прот. Георгий Митрофанов** остановился на духовно-нравственном значении Белого движения, которое проявилось в удивительной духовно-исторической трезвости его участников. Белые - это реализм восприятия жизни, отстаивание религиозных, государственных, национальных традиций, воля, самоотвержение и бескорыстие (в массе своей). Красные - нравственная безответственность, мечтательность, безволие, разрушение традиций, одномерность суждений, упрощенчество. Но почему же тогда победил большевизм? Он распознал низменные страсти народа и был удивительно органичен для русского национального характера, тогда как идеалы Белого движения оказались чужды основной массе русского народа. Главный вывод докладчика: Белое движение - это движение победившее нравственно. В развитие и подтверждение этих мыслей с докладами на конференции выступили **И.Ю.Шауб (Санкт-Петербург)**, **А.В.Александрова (Санкт-Петербург)**, **М.В.Ветрова (Севастополь)**, посвятившие свои работы исследованию роли и места Белой идеи в философских и литературных исканиях представителей русской интеллигенции.

Еще одним направлением деятельности научного собрания стал анализ проблем военно-политической и социально-экономической истории Белого движения. С незаурядными докладами выступили: **К.М.Александров (Санкт-Петербург)**, рассказавший о службе русских белогвардейцев в вооруженных силах КОНР; **Н.И.Дмитриев (Екатеринбург)**, посвятивший сообщение рассмотрению экономических перспектив России в понимании правительства адмирала А.В.Колчака; **К.О.Орлов, А.Г.Митрошилин (Трускавец)**, в своем очерке рассказавшие о жизненном пути белых офицеров братьев Перхуровых, старший из которых - Александр Петрович как известно возглавил восстание против большевиков в Ярославле еще в июле 1918 г.; **А.В.Терещук (Санкт-Петербург)**, остановившийся на

проблеме освещения истории Белого движения на Юге России в русской и зарубежной военной периодике. В ходе конференции состоялись круглый стол редакторов военно-исторических журналов, панихида по погибшим Белым воинам в Свято-Владимирском соборе (усыпальнице адмиралов), панихида и мемориальная акция на Графской пристани с возложением цветов к памятному знаку «Соотечественникам, вынужденно покинувшим Родину в ноябре 1920 года».

К нашему большому сожалению редакции пока не удалось получить подробной информации о проходившей в Москве 21-22 октября 2000 г. военно-исторической конференции «Гражданская война в России. 1917-1922 гг.», посвященной 80-летию исхода из Крыма Русской армии генерал-лейтенанта барона П.Н.Врангеля и светлой памяти Л.А.Шапрон дю Ларрэ. Нам остается надеяться, что такая информация все же поступит в распоряжение Центра и призвать всех наших единомышленников к сплочению и продуктивному творческому сотрудничеству во имя общей цели - наращивания исследовательского потенциала по изучению различных сторон Белого движения. Это тем более важно потому, что, как показала Севастопольская встреча, наглядные примеры и факты приведенные на ней, в современной России по-прежнему приходится сталкиваться с необходимостью преодоления многочисленных препятствий на пути восстановления исторической правды и справедливости в отношении как движения в целом, так и его непосредственных участников.

В заключение позвольте пригласить всех, готовых откликнуться на наш призыв, коллег и читателей выступить со своими исследованиями на страницах будущих номеров альманаха. Требования к предлагаемым к опубликованию работам остаются прежними: наличие печатного текста в одном-двух экземплярах, его литературного изложения, иллюстраций, файла на дискете 3,5 дюйма в редакторе Microsoft Word 7,0 для Windows 95. Обращаем Ваше особое внимание на необходимость тщательной выверки научно-справочного аппарата, приводимого в сносках, в строгом соответствии с принятой в альманахе практикой.

Всех желающих установить с редакцией контакты, высказать свои отзывы и пожелания, сделать пожертвования в Общественный фонд издания и заявки на номера альманаха и публикацию в нем просим обращаться по адресу: Россия, 620002, г.Екатеринбург, до востребования. Дмитриеву Николаю Ивановичу или E-mail: evik@etel.ru.

ВОССТАНОВИМ ВМЕСТЕ ИМЕНА ГЕРОЕВ БЕЛОГО ДЕЛА!

В Екатеринбурге усилиями НИЦ «Белая Россия» начаты организационные работы по созданию памятного мемориала на месте массового захоронения Белых воинов на Михайловском кладбище города, павших в боях, умерших от ран и болезней, полученных в борьбе с большевиками на Среднем Урале. Братские могилы солдат и офицеров располагались с правой стороны от входа в церковные ворота. По далеко неполным данным здесь было погребено 168 воинов, включая 20 офицеров, из состава 25 Екатеринбургского адмирала Колчака, 26 Шадринского, 27 Камышловско-Орвайского, 28 Ирбитско-Перновского полков горных стрелков, 46 Исетского и 47 Тагильского стрелковых полков, а также 1-й, 2-й и 7 Сибирских стрелковых дивизий, ударных полков, артиллерии и тыловых частей. Сбор сведений продолжается.

Призываем все организации и частных лиц, обладающих какой-либо конкретной информацией по этому вопросу, а также желанием оказать реальное, прежде всего финансовое, содействие осуществлению данного проекта откликнуться по адресу: 620002, г.Екатеринбург, до востребования. НИЦ «Белая Россия». Дмитриеву Николаю Ивановичу либо E-mail: evik@etel.ru.

НА ФРОНТАХ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

Новиков П.А.

ЧАСТИ ЧЕХОСЛОВАЦКОГО КОРПУСА В ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ (МАЙ - АВГУСТ 1918 Г.)*

Антибольшевистское выступление 13-14 июня 1918 г. в Иркутске

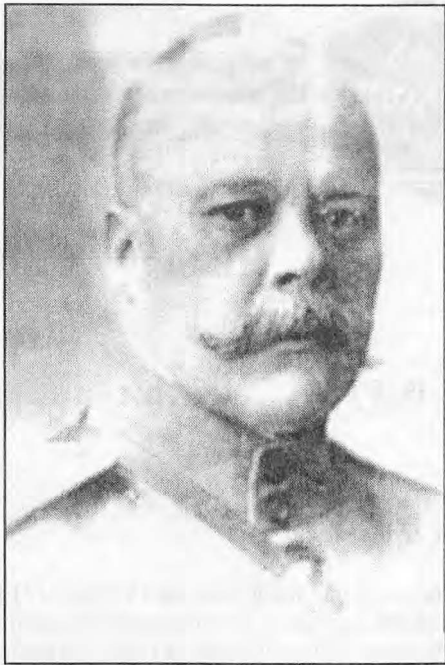
Самым ярким деянием иркутского подполья было выступление в ночь на 14 июня 1918 г. Используя наиболее полное описание из журнала «Забайкальский железнодорожник», дополним и уточним картину событий. Все началось с нападения на винный склад (караул красных насчитывал 7 человек от команды в 23 человека) у старого моста через р. Ушаковка. В двенадцатом часу ночи в караульное помещение склада неожиданно вошли 50 человек, вооруженных винтовками и револьверами, и обезоружили караульных. Выставив часовых у пирамид с винтовками, белогвардейцы приступили к розыску оружия. Пока не прозвучало ни одного выстрела. С разных сторон во двор винного склада стали прибывать «бандами» от 10 до 15 человек невооруженные люди, раздались выстрелы милиционеров. «Банды» захватили и арестовали четырех милиционеров и двух артиллеристов Красной армии. Белых было теперь более 200 человек¹.

Вооружившись отобранным оружием, белогвардейцы двинулись на губернскую тюрьму. Подошел отряд красноармейцев, в стычке был ранен его начальник. В сообщении Иркутского военно-революционного штаба говорилось, что «в тюрьме убили комиссара тюрьмы Аугула, его помощников, одного из арестантов и освободили контрреволюционеров и японских шпионов. В тюрьме контрреволюционеры прежде всего освободили из одиночных камер политических преступников числом около 50 человек, затем 57 человек убийц и грабителей и наконец остальной элемент; всего освобождено 157 человек [по другим данным - 129 человек²]. В том числе и все арестанты, числившиеся за чрезвычайной комиссией по борьбе с контрреволюцией, и арестованные по подозрению в шпионаже китайцы»³.

По версии военно-революционного штаба красных белогвардейцы «пытались перейти в наступление для захвата наиболее удобных стратегических пунктов. Однако они сразу встретили ожесточенное сопротивление красноармейских частей и отоблизовавшихся рабочих, созданных гудками фобозных мастерских (ныне завод им. В.В.Куйбышева).

Официальная антибольшевистская версия событий, изложенная уже после взятия Иркутска белыми 11 июля 1918 г., такова: «В ночь на 14 июня около 3 часов они [иркутяне - П.Н.] были разбужены гудком. Пальба началась около 5 часов утра, когда были подняты преторианцы-мадьяры, за Интендантским садом ружейная и пулеметная пальба. Выяснилось, что отлично вооруженные большевики без труда сметают кучку отважных людей, не смогших выносить ига хамодержавия. Потом выяснилось, что члены военной организации, поддержанные немногочисленной кучкой фронтовиков и казаков, успешно выполнили захват караула у винного склада в Знаменском предместье и затем освободили из тюрьмы всех «контрреволюционеров»... Среди освобожденных и скрывшихся «контрреволюционеров» оказался такой ценный общественный работник, как председатель Иркутской губернской управы П.Д.Яковлев...». Газета русских интернационалистов «Голос Иркутска» поспешила утешить сообщением, что, по заявлению весьма осведомленного большевистского деятеля, по приговору военно-полевого суда расстреляно

* Окончание. Начало см.: Белая армия. Белое дело. -2000. -№7.

**Генерал-майор
Эллерц-Усов Александр Васильевич.**
*Фото 1920 г.
из коллекции Г.М.Белоусова*

всего 12 человек и что слухи о десятках расстрелянных ни на чем не основаны. Всего в связи с восстанием 14 июня большевиками было арестовано свыше 100 человек, впоследствии увезенных за Байкал⁴.

14 июня были расстреляны участники выступления: есаул И. Тюменцев, поручики Д.И. Романенко (из крестьян Тайшетской волости) и П.С. Телятьев, В.А. Черепанов (мещанин г. Мысовска)⁵. Утром в субботу 15 июня слышались залпы. Говорили, что это казнили расстрелом по приговорам военно-полевого суда в военном училище, 14-го казнили троих, 15-го - у тюремного замка четырех: двух студентов, телеграфиста и еще кого-то. По улицам то и дело проводили партии арестованных под усиленной охраной. Красные утверждали: «Сколько было белогвардейцев? Общее количество выступивших 350 - 400. Количество пленных и арестованных около 150. Количество убитых еще не выяснено. Кто руководил? Одним из важнейших руководителей белогвардейского выступления были полковник Иванов и генерал Тарнопольский. Оба под вымышленными именами служили сторожами в 12 полку»⁶.

По приговору военно-полевого суда большевиков было расстреляно по 16 июня 12 участников выступления. По данным В.С. Познанского, среди расстрелянных находились член

Сибирской областной думы Беляков и штабс-капитан Телятьев. Главные же руководители подполья - полковник А.В. Эллерц-Усов, лидер эсеров Н.С. Калашников и «пробравшийся на пост комиссара Советской милиции» подпоручик В.А. Щепачев успели скрыться⁷. 16 июня все дела были переданы революционному трибуналу, а деятельность военно-полевого суда прекращена.

Известно, что 13 июня вечером милиция арестовала на улице «офицера Телятникова» (точнее Телятьева), который вез в повозке 20 винтовок и 10 ручных гранат⁸. Неожиданность выступления для красных тесно связана с арестом Телятьева. «Выступление военной организации должно было состояться в два часа ночи 14 июня. Вся тактика выступления была построена на внезапности его. Но в 11 часов вечера 13-го руководителям восстания стало известно, что их план большевиками открыт, кто-то донес»⁹. Красный участник В. Рябиков признавал, что Центросибирь накануне получила секретное сообщение о готовящемся выступлении и созвала ночью собрание актива¹⁰.

Из дела «По обвинению подполковника Иванова в выдаче большевикам под угрозой расстрела некоторых членов военной организации»¹¹ видно с какими трудностями столкнулось подполье в борьбе. Как писал в заключении военно-прокурорского надзора 28 сентября военный прокурор полковник Дубовик: «Уже после победы капитан Пахотин подал в Комиссию по выяснению причастности офицеров к службе во время большевистского правления рапорт о том, что Иванов назвал большевикам фамилии подпольщиков и предложил услуги по их задержанию. Был отправлен в Читинскую тюрьму, где 23 августа помог свергнуть советскую власть в Чите»¹².

26 октября 1918 г. исполняющие должности прокурора Иркутского военно-окружного суда генерал-майор Карвовский и военных судей полковники Потемкин и Рудьков утверждали: «Факт выдачи сомнителен, ввиду последующей деятельности названного подполковника, удачно организовавшего освобождение г. Читы от советских войск... В ночь с 13 на 14 июня Иркутская военная организация выступила с оружием в руках против большевиков неудачно, с замечательной легкостью подавлено: причины неудачи до сих пор остаются тайной, хотя известными из этих причин являются преступления со стороны руководства. Результат - расстрел некоторых членов и арест других. В числе арестованных «главари», председатель организации подполковник Ива-

нов. Расстрелян подпоручик Телятьев (шурин Пахотина), на которого и свалили вину. Утром 14 июня арестованы генерал Тарнопольский и подполковник Иванов. Полевым судом красных приговорены к смертной казни (оба). В конце июня в Читу большевики эвакуировали 108 заключенных, в т.ч. подполковника Иванова. Переворот застал его в Чите, он был выпущен, сформировал военный отряд. Он же приказал сжечь все документы по политическим заключенным. Членов Иркутской военной организации по целям, личному составу и характеру, а равно и по правам, представляемых этим членам приказом по войскам Сибирской армии 1918 г. № 65 надо считать состоящими на военной службе»¹³.

Ставя точку в кратком повествовании о составе и деятельности офицерской военной организации в Иркутске, укажем, что после взятия города белыми (11 июля) приказом начальника гарнизона полковника А.В.Эллерц-Усова от 19 июля для ликвидации Иркутской военной организации и удовлетворения ее членов содержанием была назначена при штабе округа комиссия в составе: председателя - прапорщика Сулова, и двух членов - прапорщика Смирнова и подпоручика Трутнева¹⁴.

Нижнеудинск - Белая

Следует отметить, что Иркутск был центром попыток советской власти мирно договориться с чехословаками. С 1-го до 10 июня здесь проходили переговоры, на которых продлили перемирие до 16 июня¹⁵. Во Владивосток телеграфировали, что в случае необходимости чехи будут перевозиться по Амурской железной дороге и водным путем. Ответа от чехов как с востока, так и с запада не последовало. Учитывая «отсутствие энтузиазма у нескольких тысяч чехословаков, находящихся во Владивостоке, стремление их в Европу, неодобрение авантюры Гайды и Войцеховского», 23 июня ЦИК советов Сибири (Центросибирь) создал мирную делегацию из двух своих членов, представителей Дальневосточного краевого совета, Владивостокского совета и других организаций, включив также со стороны чехов Приморья члена Чехословацкого национального совета (ЧСНС) Гауску, подкапитана Клевету, унтер-офицера Яновского, фельдфебеля Вильду и поручика Зазворку. Несмотря на то, что с «восточными» чехами было достигнуто предварительное соглашение, Гайда и Ушаков, «упоенные своими победами, сосредоточились на свержении советской власти»¹⁶. Из попыток делегации проехать в Мариинск для переговоров с Гайдой ничего не вышло. Она вернулась во Владивосток, где скоро чехословаки тоже выступили и арестовали совет.

Вернемся однако к противоборству в Восточной Сибири. 18 июня командующий антибольшевистской Западно-Сибирской армией, полковник А.Н.Гришин-Алмазов отдал директиву: «Вверенной мне армии поставлена задача очистить в кратчайший срок всю Западную Сибирь от большевистских войск». Средне-Сибирскому корпусу приказано очистить районы «южнее Барнаула и до китайской границы и к востоку от Мариинска вдоль Сибирской жд. (с ответвлениями Томской) до Иркутска включительно». В течение лета вдоль железной дороги между Новониколаевском и Читой совместно с Восточным отрядом чехословацких войск произведенного в полковники Р.Гайды (6-й и 7 чешские полки, часть артиллерии 2 Чешской дивизии) действовали русские части Средне-Сибирского корпуса (1600 штыков и сабель при 10 пулеметах и 7 орудиях) подполковника А.Н.Пепеляева, оперативно подчиненного командующему Восточным фронтом Р.Гайде. Поэтому в дальнейшем повествовании действия русских и чешских сил неразделимы.

В Средне-Сибирский корпус вошли силы подполья Новониколаевска, Томска, Барнаула, Красноярска и других городов, а также партизанских отрядов: Ачинского штабс-ротмистра Фрейберга (отряд действовал с февраля 1918 г.), сотника А.А.Сотникова (сформированный 1 июня в Томске кавалерийский дивизион) и Омского есаула И.Н.Красильникова. Последний срочно убыл из Омска на восток на Мариинский фронт 17 июня, чтобы действовать как партизанский, поднимающая на борьбу Енисейское казачество. В дальнейшем он «широко использовался, как высокоподвижный и сильный ударный кулак».

Местные антибольшевистские силы (до 800 человек, командир - полковник В.П.Гулидов) захватили 19 июня Красноярск, а в Ачинске произошло соединение сил Гайды и Ушакова. Была объявлена мобилизация, начато формирование полка и батареи. Остатки красноармейской части, потрепанной под Мариинском, и руководящие работники Красноярского совета погрузились на пароход и стали спускаться по Енисею с целью... пробраться в Архангельск. У с.Монастырское они были настигнуты отрядом подполковника Мальцевского и с помощью местных кулаков частью уничтожены (более 100 человек), частью взяты в плен¹⁷.

Дальнейшей задачей антибольшевистских сил стало продвижение на восток от Нижнеудинска. Сводки белых отмечали, что восточнее Нижнеудинска их четыре раза атаковали большие силы красных, в рядах которых действовало «много мадьяр и немцев». По оценке красного военачальника Г.Х.Эйхе, на Нижнеудинском фронте действовали 1-й, 2-й, 3-й, 4 Томские, 2 Ново-николаевский полки белых и мелкие отряды, общей численностью 132 офицера, 1900 штыков, 117 сабель и 24 пулемета. От чехов 1500-1800 штыков¹⁸. По сведениям белого участника событий А.А.Кирилова к 20 июня в Красноярске было сосредоточено из состава Средне-Сибирского корпуса до 2800 бойцов при 8 орудиях. В силу невозможности сразу отправить по железной дороге на восток всю эту группу, подполковник А.Н.Пепеляев организовал авангард в 400-500 бойцов и перебросил его в район Нижнеудинска. В группу вошел также отряд чехословаков в 700 человек под командой капитана Гайды¹⁹.

Еще во время мирных переговоров в сторону Тулуна красные выдвигали отряды: 100 зиминских железнодорожников Гершевича, 75 фронтовиков из 400 черемховцев, 150-200 интернационалистов и около 300 рабочих красноярцев, канцев и енисейцев, возвращенных с Семеновского фронта. 22 июня в Иркутске было получено сообщение, что советские войска заняли ст. Тулун, а после прибытия подкрепления - батальона начали наступление на ст.Худоеланская, где находился чешский эшелон. Два красных эшелона в 300-350 человек дошли до выходной стрелки ст.Худоеланская и выгрузились. По тракту часть интернационалистов Лаврова, вышла в тыл чехам, взорвала стрелку, закупорив чехов на станции. Бой вначале носил упорный характер, но вскоре чехи, видя бесполезность сопротивления, отступили, надеясь добраться до своих частей в Нижнеудинске пешим порядком...²⁰. Прошел день и иркутяне прочитали, что красные отошли от Нижнеудинска на 19 верст и что обходное движение на Шеберту ликвидировано. Ход операции обсуждался на заседании Центросибири. Утром 27 июня командующий фронтом красных Лавров передал из с.Будагово, что его отряд ночью совершил переход в 70 верст, а в 4 часа утра 25 июня начал атаку на Нижнеудинск. Бой за город шел весь день. Против Лаврова, по его уверениям, действовало около 1500 чехов, 500 белогвардейцев, 60 пулеметов и 8 бомбометов²¹.

По воспоминаниям красных партизан, в начале июня в Зиме стали сосредотачиваться «около 3000 человек, разделенных на 12 рот, преступлено к военному обучению... В середине июня уже начались стычки с чехами под ст.Тулун. При первых столкновениях успех был... Наше командование (Батько, Конторович и др.) повело наступление на ст.Худоеланскую. Она была атакована броневиком (приспособленными углярками), бронеавтомобилем и отрядом Центросибири (1 ротой Зиминского отряда)... Противник в панике бежал, оставив пленных, броневик, 8 пулеметов, 4 состава вагонов с разным военным имуществом. Проночевав здесь, наш отряд двинулся к Нижнеудинску, оставив на каждой станции железной дороги по маленькому гарнизону. Части отряда расположились на берегу р.Уды, приготовившись к наступлению. Наступление на Нижнеудинск, по словам некоторых военных товарищей, было бы успешное, если бы командир отряда, составленного из военнопленных мадьяр, не снял своего отряда с позиции, который уже из орудий начал обстреливать Нижнеудинск. Неизвестно почему, отряд Лаврова оголил своим уходом фронт. Противник воспользовавшись этим, послал в тыл нашим казачий отряд, наведший панику на наши части, которые, не принимая активных мер, стали отходить к Иркутску»²². Другой красный участник - Рябиков приводит иную последовательность: «Белые, получив «арт-подкрепление», перешли в контр наступление... Напор их был сосредоточен на левом фланге, который занимали... черемховские рабочие под командой черемховского же рабочего. Они отошли, что вынудило отойти и иркутских интернационалистов. Последние еще держали фронт, когда им подали состав и предложили отступить. Приказ исходил, по-видимому, от командира интернационалистов-анархистов Лаврова...»²³. По мнению В.С.Познанского, негатив о Лаврове - миф-ложь более позднего периода.

По сведениям очевидца боев телеграфиста ст.Хингуй П.А.Маценко, красные по деревянному мосту перешли Уду (район Вознесенской горы), но, не выдержав контратаки, с чувствительными потерями отошли на правый берег к разъезду Уда-II. Чаша весов колебалась, пока красные не узнали, что белые с помощью местных казаков²⁴ небольшим отрядом вышли на ст.Шеберта, уничтожили 400 человек красногвардейцев с Касьяновской шахты, «которые, устав с дороги, поужинали с выпивкой и заснули, не выставив даже охраны. Ночью (на 26 июня) просочившийся на Московский тракт отряд казаков, ворвавшись на станцию, изрубил спящих»²⁵.

Налицо пример содействия со стороны казачьего населения. Следует отметить, что этот рейд был ответом на какую-то акцию красных, так как «27 июня в Нижнеудинск были доставлены девять изуродованных трупов большевистских жертв, в том числе офицер(?) чехословаков, а

также начальник разезда Шебарта Эйдригенич. Трупы, по распоряжению Пепеляева, отправили в Томск для составления актов в присутствии представителей иностранных держав»²⁶.

Приведем белую версию событий. Она гласит, что «26 июня 1918 г. восточнее Нижнеудинска разгорелось серьезное сражение. В 3 часа утра чехословаки и сибирские войска перешли в наступление. Головные отряды подьесаула Красильникова и 4 Томский полк бросились в атаку. Приходилось преодолевать трясииную болотистую местность, избранную для неожиданного удара. По грудь в воде, несмотря на жестокий пулеметный и орудийный огонь, части ворвались в окопы противника, обратившегося в паническое бегство. Подоспевшим ударом казаков на правом фланге большевистские банды были окончательно расстроены и начали отступление, пока в шести верстах не были остановлены их резервами. Подоспевший другой Томский полк вторично атаковал их, снова обратил в бегство, погнав за ст. Хингуй».

Таким образом, завязав демонстративный бой в центре, А.Н.Пепеляев приказал начать обходное движение с правого фланга неприятеля 1 Томским полком (150 бойцов), а конница отряда И.Н.Красильникова начала глубокий обход для появления с тыла неприятеля на ст.Шебарта. Из донесений, убитого в этом бою, капитана Неволлина²⁷, державшего связь с чехами, выяснилось, что последние (600 человек) интенсивного наступления не предпринимают, а неопределившиеся отношения с ними, как с соратниками - одна из причин глубокого обходного движения с левого фланга белых, где действовали только русские части.

Красные начали отступать. В условиях, по крайней мере с красной стороны, «эшелонной войны» белые успешно применяли тактику «бесконечных фланговых обходов и восстаний в тылу красных (в Шеберте, в Тулуне, в районе Зимы, в Усолье), заставляя откатываться, а в некоторых случаях вызывая настоящую панику». 30 июня А.Н.Гришин-Алмазов поставил задачу «по овладению Иркутском продолжать наступление на восток с целью овладеть Забайкальем, подтянув свои части из тыла». Отступив, красные сосредоточили силы по восточному берегу реки. Белая, в открытой, слегка овражистой местности с небольшими перелесками. К ним с семеновского фронта прибыли части томских, песчанских и читинских интернационалистов, батарея трехдюймовых и три шестидюймовых орудия, в донесениях отмечался меткий огонь артиллерии и венгерской пулеметной команды. Красные утверждали, что «6 июля у Мальты произошел упорный пятитчасовой бой, чехи потеряли не менее 200 человек»²⁸. В свою очередь по сведениям белых: «В бою на Белой чехи перебили метким огнем свыше 200 человек, потеряв не более четырех».

Далее, по свидетельству А.А.Кирилова, «по соприкосновению... был немедленно рассыпан в цепь один из томских полков в составе 250 штыков, который и завязал интенсивный ружейный огонь. В это время было получено донесение, что недалеко от головного отряда красные заняли деревню, угрожая нашему флангу и тылу. Понимая серьезность положения, Пепеляев двинул туда 3 Томский полк (450 бойцов) полковника Укки. Деревня была занята нами с боем. Вместе с тем, красные предприняли еще глубокий обход нашего левого фланга, предполагая войти нам в тыл. Но этому... помешали чехословаки, которые в составе 600 штыков и 180 сабель встретили обходную колонну и завязали с ней бой».

С рассветом бой стал особенно интенсивным. Под прикрытием сильного оружейного и артиллерийского огня 1 Томский полк, под командой полковника Иванова начал переправу через реку Белая, причем делалось это для демонстрации. Нами был предпринят глубокий обход левого фланга красных, куда направлен 4 Томский полк и один батальон чехословаков, а спешно сформированный отряд конницы, собранный со всего фронта, в составе 300 сабель (два эскадрона чехов и эскадрон ротмистра Цевловского)²⁹ получил задание выйти в тыл неприятеля. Действие обходных частей было так стремительно и успешно, что неприятель, не разобравшись в обстановке, видя перед собой с левого фланга и с тыла наши части, окончательно потерял голову и в панике бежал на восток, прикрывая путь своего беспорядочного отступления при помощи броневиков. Чтобы не дать нашим частям форсировать переправу, красные взорвали железно-дорожный мост через Белую, но это не задержало наступления, так как войска переправились на лодках, а, где можно, даже в брод»³⁰.

Захват Иркутска белыми. Формирование частей

Для взятия Иркутска белые создали четыре колонны. Первая колонна (чешский ударный батальон и 1 Томский полк, всего 700 штыков) под началом капитана Э.В.Кадлеца, направлялась на Култук в тыл Иркутска с юга для захвата и сохранения Кругобайкальских тоннелей. Вторая колонна (2 Новониколаевский полк и батальон чехословаков, всего 600 штыков) полковника Пер-

Генерал Эдуард Кадлец

чука выдвигалась для лобового удара на город по линии железной дороги. Третья колонна (3 Томский, 3 Барнаульский полки и отряд Красильникова, всего 800 человек) подполковника А. Н. Пепеляева³¹ двигалась по Александровскому тракту для нанесения флангового удара. Четвертая колонна (сводный отряд в 300 штыков) полковника Е. К. Вишневецкого направлялась на Верхоленск, чтобы отрезать красным пути отхода на север. Численность белых под Иркутском, таким образом, составила 2400 человек против 7000-8000 человек в советских войсках.

По признанию красных, данному «Верховным командующим» Голиковым, «паническое отступление было результатом слабой боевой подготовки нашей армии, случайного состава ее, отсутствия командного состава и отсутствия центра высшего командования... Абсолютная усталость частей, бывших в боях на Белой, отсутствие свежих частей, провокация с наступлением чехов вынудили верховное командование, не заняв позиций на ст. Суховской, отойти до Батарейной, а затем до Иркутска. Не было удобных позиций для удачного развития боевых операций, в виду наличия вблизи контрреволюционного Иркутска и массы обходных путей. Стратегическая необходимость диктова-

ла необходимость отхода от Иркутска и сдачи его без выстрела, так как принимая бой в Иркутске, можно было бы с уверенностью ожидать крупного поражения...»³².

С 16 июня из госбанка и золотоплавильни стали вывозить на вокзал золото и дензнаки. 2 июля началась эвакуация советских учреждений в Верхнеудинск, спешно разгружались военные склады в Иннокентьевской и Военном городке, часть имущества «не нужного фронту» раздавалась населению. Паровозы и одиннадцать годных пароходов были отправлены к Байкалу. С 8 июля на ст. Иннокентьевская стали прибывать с фронта эшелоны красных войск. 9-го и 10 июля уже вся станция была запружена ими³³. Вынужденный «питаться» скудными бюллетенями «верховного командования», иркутянин с жадностью набросился на вышедший 8 июля листок «Известий Военной Организации Восточной Сибири №1». Из него впервые узнали о движении чехословаков и сибиряков по Заангарскому тракту и о продвижении тункинских казаков к Мотам. Тираж вышел «в собственной подпольной типографии» в количестве 20 000 экземпляров.

В 4.57. утра 11 июля произошел взрыв на ст. Батарейная пороховых погребов с 7000 пудов. Уже в 11 часов говорили, что помещение 2 школы прапорщиков (здание мужской гимназии) занято военной организацией, сюда спешно собирались люди, сносились оружие, началась «запись добровольцев, организованная полковником Усовым и подполковником Петровым». Вскоре оттуда были посланы первые патрули в направлении понтонного моста. «Одна за другой на Большой и прилегающих улицах начали появляться фигуры с белой повязкой на левом рукаве и с ружьем на правой. У многих, почти у всех берданки, но не так уж мало и трехлинеек, и карабинов, и винчестеров. Сразу же образовалась густая цепь патрулей»³⁴.

По Знаменскому мосту «в полдень в город ворвался отряд есаула И. Н. Красильникова и повел упорный бой за вокзал. Окружив духовную семинарию - оплот засевших там анархистов и заняв тюрьму, ...казаки быстро проезжают, на ходу отвечая на приветствия публики. Они спешат на подмогу Белой гвардии и дружине эсеров, отгесняющей мадьяр к понтону и далее за Ангару. Прибывающие части сибирских войск и чехословацких отрядов, соединившись с местными силами направились занимать понтон, у которого завязалась перестрелка. Со стороны Знаменского предместья прибывали, сначала небольшими группами, чехословацкие конные отряды, затем уже большими эшелонами пешие части, продвигаясь до самой ночи. Через город проходят чехословацкие эшелоны и белогвардейские полки. Прошли полки Томский и Барнаульский, принявшие непосредственное участие в очистке города от остатков мадьярских и красногвар-

дейских банд. С трудом отстояли понтонный мост от поджога: красногвардейцы, пробравшиеся на один из понтонов с горючими веществами под прикрытием огня, были расстреляны».

Вот художественное описание картин 17 июля, когда в гимназии Хаминова остановился «новый отряд сибиряков-красноярцев, состав почти весь офицерский». Они рассказывали: «Тяжело нам было в Красноярске, как и в Иркутске справиться с большевиками. Правда у вас тут венгерцы, а у нас почти 9000 - толпа рабочих, вооруженных и озлобленных как звери. Офицерский состав в Красноярске ведь меньше вашего, иркутского. Мы при всех усилиях могли сформировать только бригаду, а у вас формируется целая дивизия, то есть около 4000 человек. При том к вам ближе был Семенов», а неизвестный иркутянин отвечал: «К несчастью эта близость и надежда на Семенова и приучила нас, иркутян, к выжидательной политике, что нас кто-то выручит»³⁵.

14 июля в Иркутск от генерал-майора А.Н.Гришина-Алмазова поступила телеграмма: «Получив известие о падении последнего оплота большевизма в Сибири - Иркутска и предвидя приближение радостного дня - соединения с Дальним Востоком, прошу принять мое сердечное поздравление и восхищение действиями доблестных войск молодой Сибирской армии и пожелания дальнейших успехов Сибирскому казачьему войску». В городе началось формирование 1 Иркутской Сибирской стрелковой бригады (впоследствии - 3 Иркутская дивизия)³⁶. 27 июля в 18.00. на Тихвинской площади архимандритом Софронием был отслужен торжественный молебен отправлявшимся «на фронт за большевиками войскам 1 Сибирской дивизии». Присутствовали: главный начальник округа полковник А.В.Эллерц-Усов, командир Средне-Сибирского корпуса подполковник А.Н.Пепеляев, другие официальные лица и много публики. Во время церемонии был освящен стяг с изображением образа Св.Иннокентия, с одной стороны, и надписью «С нами Бог», с другой. Глава Думы М.С.Стравинский поднес стяг начальнику дивизии полковнику П.П.Гривину³⁷ от имени граждан Иркутска, и высказал надежду, «что славные сибирские войска, с помощью Божьей и покровителя Сибири Св.Иннокентия одолеют внутреннего врага - большевиков, победоносно доведут начатое нашими братьями чехословаками дело победы до конца». После всех церемоний войска прошли торжественным маршем.

3 августа в Иркутске были повешены: председатель ЧК - И.Постоловский, командир 1 роты Забайкальского дивизиона - Яньков, организатор коммунистических отрядов в Барнауле - австриец Гросс Оскар, «один из участников расстрела чешского прапорщика Климеша» - Богданов, старший унтер-офицер 2 чехословацкого полка и командир 3 красноармейской роты в Красноярске - Карел Петрак организатор Тункинских красноармейцев - Карнуков³⁸.

При штабе Восточно-Сибирского военного округа с 18 июля приступила к работе комиссия по выяснению причастности офицеров к службе во время большевистского правления под председательством генерал-майора Васильева. Комиссия по проверке военного имущества при окружном артиллерийском управлении должна была привести в известность всю наличность инвентаря, оружия, орудий и прочего военного имущества. Одновременно с проверкой имущества в Иркутске и на ст.Батарейная происходило снабжение частей военными припасами. Приказ по войскам Восточно-Сибирского военного округа №9 от 20 июля гласил: «Все отобранное при обысках у частных лиц и обнаруженное в тайниках оружие должно быть безотлагательно сдаваемо в распоряжение коменданта города... Необходимость этой меры вызывается крайней нуждой в оружии, и от правильного распределения его по частям войска острота этой нужды снижается. Виновные в неисполнении этого приказа в случае обнаружения подлежат строгой ответственности. Начальник округа полковник Эллерц-Усов»³⁹. Начальник артиллерии Иркутского военного округа генерал-майор Тарнопольский в августе был вынужден лично распределять каждый ящик патронов к винтовкам Бердана и разоружать милицию, чтобы вооружить войска.

24 июля войсковой атаман Иркутского казачьего войска С.Лукин объявил обязательную мобилизацию всех офицеров, врачей, военных чиновников и казаков сроков службы 1916-1919 гг. Приказом по войскам Иркутского военного округа от 9 августа был объявлен призыв лиц 18-25 лет, имевших высшее и среднее образование, окончивших и прослушавших 4 класса средних учебных заведений, городских, высших начальных, специальных с правами высших начальных училищ, получивших права вольноопределяющихся 2-го разряда. «Причины, которые заставили генерал-майора А.В.Эллерц-Усова⁴⁰ произвести мобилизацию 10 августа заключалась в чрезвычайных обстоятельствах того времени. Нужны были люди, и притом надежные настолько, чтобы в лице их нельзя было встретить скрытых сторонников большевиков и врагов начинаниям Временного правительства. Между тем в распоряжении главного начальника Иркутского военного округа генерал-майора Эллерц-Усова людей было очень немного... На 15 августа во всех гарнизонах округа значилось офицеров, классных чинов и солдат 3578 человек, между тем как в

тех же гарнизонах военнопленных офицеров состояло 4324 и солдат 14 607. Обсудив создавшееся положение вещей, генерал-майор Эллерц-Усов решил объявить мобилизацию молодой интеллигенции»⁴¹.

Командир Западно-Сибирской отдельной армии генерал-майор А. Н. Гришин-Алмазов 2 августа указывал: «Молодая Сибирская армия наша, окруженная врагами государства, военными изменниками и предателями большевиками, находится в условиях не бывавших в истории. В борьбе с поименованными врагами каждый начальник должен быть настойчив и беспощаден, проявляя необходимую инициативу, не боясь ответственности за превышение власти.... Каждый воинский начальник должен помнить, что на театре войны все средства, ведущие к цели, одинаково дороги и законны, и что победителя вообще не осудят любящие родную землю современники и благоразумные потомки»⁴².

Он же приказывал «при осуществлении набора соответствующим начальствующим лицам и учреждениям «приказывать», «требовать», а отнюдь не просить, не уговаривать. Уклоняющихся от воинской повинности арестовывать и заключать в тюрьму для осуждения по законам военного времени. По отношению к открыто неповинуящимся закону о призыве, а также по отношению к армии и подстрекающим к тому должны применяться самые решительные меры, до уничтожения на месте преступления...».

Прибайкальский фронт: Мурино - Посольская

Перед отступлением из Иркутска красные войска были сведены в две дивизии. Командиром первой, состоявшей из красноярских, канских, енисейских и иркутских отрядов и сотни аргунских казаков, назначили казачьего офицера Метелицу, прибывшего с Семеновского фронта. Вторую дивизию из шахтеров Черемхово, интернационалистов, анархистов возглавил Каландарашвили. Главкомандующим был назначен Голиков, начальником штаба - Метелица. Войска отступали к Байкалу тремя путями: кавалерия Каландарашвили и отряд пехоты правой стороной Ангары к Лиственичной, откуда на ст. Байкал и пароходами в Култук; второй отряд в 400 человек направился по Тункинскому тракту на Култук; остальные следовали по железной дороге⁴³.

12 июля в с. Лиственичное пришли отходившие анархисты и Ангарская дружина красноармейцев. В ночь на 15 июля с пароходов красные обстреляли с. Никольское, где было убито 5 местных жителей. С утра началась посадка на суда красноармейцев и погрузка на баржи лошадей, использовались пароходы «Малыгин», «Муравьев», «Иннокентий» и оба ледокола. «Кругобайкалец» заранее был отправлен в Култук, а с машин четырех оставленных пароходов сняли золотники, кулисы и т. п. После начала наступления белых ледоколы «Байкал» (водоизмещение - 4200 тонн), «Ангара» (1400 тонн) и остальные пароходы с баржами на буксирах отошли от пристани на ст. Байкал. В это время «Новониколаевский полк наступал на ст. Байкал, а чехословаки шли по тракту от Никольского и обходили горами Лиственичное»⁴⁴. Белыми были захвачены доки, склады, пять пароходов, разукomплектованных красными. Они расстреляли пятерых мадьяр, прятавшихся под настилом пристани с пулеметом.

При взятии ст. Байкал отличился 2 Новониколаевский полк «молодого, но талантливого» капитана Ивакина, пешим порядком преследовавший противника. Утром 15 июля была занята Подорвиха, где выяснилось, что противник планирует сопротивление на ст. Байкал. Наступало немногим более 200 человек с винтовками и двумя пулеметами. Людские силы красных были многократно больше. Они имели два бронепоезда и не менее 12 пулеметов. Команда конных разведчиков и взвод пехоты совершили дерзкий обход, горами выйдя на железнодорожный путь на восток в 600 шагах от станции, и на виду у красных разобрали полотно, отрезав противнику дорогу к отступлению. Основные силы полка повели энергичное наступление через сопки на станцию. Удачными выстрелами и гранатами в 1.50. был взорван подрывной поезд красных с 250 пудами динамита. Взрыв снес с лица земли несколько построек, погибло несколько служащих. Атакой были захвачены два бронепоезда, пушка, четыре пулемета, много винтовок, патронов и пр. Перед отплытием большевики сообщили в Култук: «Белогвардейские банды разбиты на голову и отступают». По сведениям белых на ст. Байкал красные потеряли до 150 человек убитыми. Собственные потери составили один убитый (доброволец Щукин) и 8 раненых⁴⁵.

Обходными маневрами белым удалось с минимальными потерями овладеть важными пунктами - с. Лиственичным, ст. Байкал и с. Култук. Последние успехи имели стратегическое значение, ибо отрезали красным пути отступления по Кругобайкальской ж. д., заставив их бежать пароходами. Белые были избавлены от необходимости фронтального наступления через десятки тонне-

лей и сохранили их от разрушения. Для взрыва тоннеля на Толстом мысу красные выслали катер «Волна» с комиссаром Н.П. Улановым. Но неожиданно обстрелянный белой засадой катер едва добрался до базы. Тоннель и путь остались невредимыми.

Хорошо иллюстрирует крах планов красных их собственный «разбор полетов». Большевики констатировали: «Невыполнение ряда диспозиций командованием боевых районов, выразившееся в несвоевременном занятии култукских укрепленных позиций (на возвышенности Синий камень у стыка Иркутской и Тункинской дорог), отсутствие разведки от ст. Байкал, не развитие действий из Лиственичной, невыполнение приказа об отходе войск 3-го района из Иркутска пешим порядком по Култукскому тракту до Култука дало возможность противнику взять инициативу в свои руки и повести наступление во всех путях, результатом чего явилось оставление нашими войсками Байкала и Лиственичного и захват противником господствующих высот на Култукском тракте»⁴⁶.

Силы белых продвигаясь пешим порядком по старому Кругобайкальскому тракту от Иркутска через с. Веденское на Култук опередили красных, выбравших движение в эшелонах по железной дороге. Аналогичная ситуация возникнет зимой 1919-1920 гг., когда «каппелевцы» в Великом Сибирском походе, продвигаясь пешком, обгонят эшелоны Чехословацкого корпуса. Сейчас же белые, опередив отступающих красных, неожиданно появились на Иркутском тракте и, разогнав работавших китайцев, почти без сопротивления захватили приготовленные для красных позиции. Култук был оставлен красными, которые откатились к ст. Слюдянка⁴⁷.

Белые разделяли противника на четыре категории: «Красноармейцев - вольнонаемных ушкунников, красногвардейцев - мобилизованных рабочих, интернациональные отряды - военнопленных и части русских, отряды анархистов», и отмечали «самостоятельность красных отрядов: Барнаульского, Томского, Канского, Омского», множество «штабов». Судорожные реорганизации советских войск следовали одна за другой. В.С. Познанский пишет о создании 12-15 июля следующих частей: 1 Интернационального стрелкового полка, 2-го (командир С.С. Блюменфельд) и 3 (А.П. Прижибыляк) Сибирских советских стрелковых полков (в один были сведены красноармейские, в другой красногвардейские отряды), 1 Иркутский и 2 (Хлебников) Верхнеудинский кавалерийские полки, два артдивизиона, Отдельный отряд при штабе Верховного командования (смешанный)⁴⁸. Из Читы прибыло пополнение в составе полка и отряда интернационалистов, затем смешанный полк красногвардейцев и группа инструкторов. Красными также была создана военная флотилия. На ледокол «Байкал» поставили потрепанную мортиру, на «Ангари» - два трехдюймовых орудия и по четыре станковых пулемета. Кроме того во флотилию включили буксирный пароход «Кругобайкалец», колесные пароходы «Михаил», «Муравьев-Амурский» и катер «Волна».

В большую, хотя и тщательно замалчиваемую проблему для руководства Центросибири к августу 1918 г. превратились черемховские рабочие-красногвардейцы, в т.ч. бывшие ссыльнокааторжные. А ведь именно они еще в мае были опорой большевиков. За три месяца, бросив работу, разложившись от безделья и вседозволенности, рабочие и члены их семей требовали жалования, вагонов для перевозки, питания и прочего, не оказывая подчас никакой пользы фронту красных⁴⁹. Именно среди них, руководимых Каландарашвили, а не у мадьяр Лаврова (как придумали позже) были сильные анархистские настроения.

Весьма информативны заметки С.Хлебцевича, которые он отсылал по пути на Байкал, находясь в составе подкреплений. Автор писал: «17 июля, село Веденское, мое общество - чехословацкие пушки, офицеры и солдаты... полковника Гайды и прикомандированные к батарее офицеры, выросших почти во мгновение ока сибирских войск, идущих в бой не с «золотыми погонями», а обыкновенными бойцами... Начинаем спускаться к Култuku. Направо от тракта две могилы чехословаков. В головах березовые кресты в сажень высотой. На одной могиле положена шапка защитного цвета с бело-красной полоской и на кресте нет надписи, на втором старательно чернильным карандашом выведено - «Josef Machalicky udemye prapor 1 rota adl 18/VII 1918 г.» К нашему обозу присоединяется молодой семипалатинский казак, везущий сухари своему полку. На позиции уже третий день голодают, и его вместе с другими отправили по обходной дороге к поезду, нагруженному провиантом, на 19-ю версту ж.д. от ст. Култук в сторону Иркутска. На опушке неотстающего от тракта леса на верхушке дерева висит труп мадьяра... Еще вчера деревня Култук находилась в руках большевиков, но сегодня в 12.00. она с бою взята нашими войсками. Проезжаем через двор местной школы, где расположился штаб Восточного фронта, и вот наши пушки готовы к бою, а три шестерки лошадей, привезшие их сюда, отводятся в соседнюю рошу. Артобстрел красных, которые все еще надеются пробиться по Тункинскому тракту в Монголию. «Шалишь, голубчик!» - отзывается солдат-сибиряк⁵⁰.

18 июля закончился бой, начавшийся двумя днями ранее. Мадыяры и красногвардейцы делали последние попытки задержать наступление чехословаков на высотах Байкала и непроходимых участках Кругобайкальской ж.д. Все препятствия были преодолены. Движение белых войск проходило по двум направлениям: обходному - по линии Култук-Тункинская и фронтальному - по берегу оз. Байкал по линии железной дороги. С белой стороны были задействованы пароходы, отбитые несколько дней назад в Лиственичной, а также аэроплан, вновь захваченный у красных. Белая сторона указывала, что «замечено присутствие китайцев, а также большого числа мадыярских и германских офицеров. Осмотр укреплений показывает присутствие опытных специалистов». 26 июля на рассвете после часового боя белыми, численностью 1200 человек была занята ст. Мурино. Передовые части 2 Томского полка встретились с пулеметным и ружейным огнем, но после короткой перестрелки бросились в атаку и выбили противника. Первыми на станцию ворвались прапорщик Стрижалковский и штабс-капитан Корсак. По данным белых, «красные потеряли только убитыми 40 человек, как показали пленные, переброшенные с Семеновского фронта, с нашей стороны потерь нет».

Ожесточение боев нарастало, и все большее значение приобретали пополнения. А.Н. Пепеляев 28 июля издал приказ: «В то время, как лучшая часть офицерства потом и кровью зарабатывает счастье нашей измученной Родины, находятся офицеры, которые наводняют тыловые штабы и попросту просиживают по многочисленным городам освобожденной Сибири. Приказываю начальникам всех гарнизонов всех офицеров отправить немедленно на фронт, штабы свои расформировать, оставив у себя одного адъютанта. Сейчас же проверить все отсрочки и всех не явившихся по окончании таковых предать суду, как уклоняющихся от военной службы... Довольно таких картин! Насмотрелись на них в минувшую кампанию!».

События у ст. Мурино со всеми подробностями уже были описаны⁵¹, поэтому позволим себе ограничиться кратким схематичным изложением. Из газеты «Известия отряда Чехословацких войск» от 1 августа следует: «30 июля в районе происходило серьезное сражение. Противник, видимо, решил наступать и ввел значительные силы - более 2000 штыков при 4 орудиях. С нашей стороны участвуют Томские полки и барнаульцы. Мурино в настоящее время находится в нейтральной полосе. Наше продвижение задерживается тоннелем №39 (взорванным красными), что замедляет подвозы к тылу передовых частей. Броневики неприятеля обнаружены на ст. Выдрино. Бой продолжается, противник пытался испортить разобранный нами ж.д. путь перед мостом через реку Паньковка и переправиться на левый берег, по которому расположены наши части, но каждый раз был отражаем нашим огнем. Всю ночь на 31 июля неприятель обстреливал наши позиции, а в 4.45 пытался вновь перейти в наступление, но был отражен. 3-6 августа все белые части были брошены в бой, свежие части из тыла задействовались немедленно».

А.А. Кирилов указывал, что, «не имея укрепленных позиций, при отсутствии провианта и патронов (не исправлен взорванный красными тоннель №39), при невозможности ввести в действие артиллерию сибирские войска (до 1200 бойцов) вынуждены были после жесткого боя под ст. Паньковка, где с нашей стороны вышло не менее 20% убитыми и ранеными, поспешно отойти верст на 20 назад в район ст. Салзан. Чувствовалось, что если войскам не будет дан отдых, провиант и боеприпасы, а, главное, если не будут введены в бой свежие силы из резервов, то гибель будет для нас неизбежной... Пепеляев решил применить правило партизанской войны. План заключался в том, чтобы ввести в заблуждение неприятеля, симулируя отступление, в то время как главные силы должны были уйти в горы (на расстояние перехода от ст. Салзан) и образовать там засаду для флангового удара. Чтобы приступить к осуществлению этого плана, поздно ночью войскам в составе 2-го и 3-го Томских и 2-го Новониколаевского полков, офицерской роты и команды конных разведчиков, двух рот чехословаков под командой поручика Янычек, всего до 1000 бойцов, - было приказано двигаться по линии ж.д. к позициям... Вскоре все двинулось. Пепеляев шел впереди всех, шагая крупными шагами по шпалам. Его шаг был твердый и уверенный. Он шел как-то наклоняясь, боком, словно его все время кто-то хотел придавить или насесть, а он все время отталкивался и отбивался. В старой, поношенной шинели, которую он носил еще с германской войны, в обыкновенной солдатской фуражке, сдвинутой на бок, он походил на солдата, а не на ответственного начальника, в руках которого находились жизни этих людей, темными, молчаливыми рядами тянувшихся за ним по шпалам»⁵².

К рассвету 5 августа засада была создана, а остальные части белых отступили от Мурино. Красные послали для преследования броневики и спешно начали переброску войск в эшелонах, ни о чем не подозревая. Дать бой совместно с частями Гайды, «собравшего группы (Енисейский и 1-й Томский полки, чехословацкие роты, конница, всего до 2000 человек) для лобового удара на

ст.Утулик» белые планировали 7 августа. Но разведка красных обнаружила противника, и белым пришлось начать действовать на рассвете 6 августа, взорвав железнодорожный мост. Одновременно Р.Гайда начал наступление со ст.Утулик. Сражение было очень упорным и кровопролитным, но к вечеру 6 августа группы белых соединились. «Разбитые 15 000 красных, частью попали в плен, частью бежали на восток. Вблизи взорванного моста захвачено 12 эшелонов».

А вот свидетельство человека с противной стороны, находившегося в Чите и воспроизводящего информацию газеты «Центросибирь»⁵³: «Блестящее наступление красных под командой Хлебникова в сторону ст.Мурино - Утулик неожиданно закончилось катастрофой. Он погорячился и, не закрепив занятых позиций и не очистив фланги от отступивших в горы отрядов врага, пошел дальше за ст.Утулик к Слюдянке... Продвижение продолжалось до 6 августа. В ночь на 7 августа, получив разрешение продвинуться на 7 км, наши части зарвались «в пылу увлечения», уйдя вперед на 20 км, потеряли связь с главными силами. Этим воспользовался отступивший по флангу в лес отряд чехов и белых в 400 человек. Наши части оказались по ж.д. отрезанными и должны отступить к Танхой в пешем порядке, неся значительные потери. У Мурино были введены в бой ледоколы «Байкал» и «Ангара», но большого значения выступление не имело, только «Ангаре» удалось нанести повреждение бронепоезду чехов. Поняв свою ошибку, вызвавшую тяжелые последствия для фронта, Хлебников выстрелом из винтовки покончил с собой. Потеряно 2 бронепоезда, целиком погиб добровольный отряд прикрытия»⁵⁴.

В приветствии с фронта говорилось: «Иркутский стрелковый полк, получивший первое боевое крещение при взятии ст.Мурино 7 августа, шлет привет всем родным, знакомым и гражданам г. Иркутска... Роты полка после тяжелого двухдневного перехода по горам, под непрерывным дождем, без горячей пищи и почти без сна, через обстреливаемый артиллерией и пулеметами ж.д. мост, быстро развивали успех и, заставив при помощи чешских пулеметов отступить «красный» бронепоезд, решительно перешли в наступление и вскоре заняли станцию, причем 2-я рота с частью 1-й роты атаковала цепь мадьяр с криком «Ура» и захватила пулемет...». Прапорщик команды связи полка Н.И.Первушин в письме со ст.Мурино 8 августа писал: «Вчера наш полк получил боевое крещение. В какие-нибудь полчаса мы сбили противника и заняли ст.Мурино, это на 201 версте от Иркутска. Сейчас стоим на отдыхе. Неприятель отошел. Разведка наша ходила на 20 верст, никого не нашла. Утром холодные и голодные, т.к. кухня осталась в Утулике, и мы ничего не ели 3 дня, стали наступать. До этого времени артиллерию мы только слышали. Правда, в Утулике нас обстреливали, но немного. Теперь же «Ангара» открыла огонь прямо по нас. Стали наступать на мост. Мы были развернуты в цепь со всеми ротами. Заняли мост, выбив оттуда красных. После занятия моста красные отступили, забрав своих убитых и раненых. Приехал Гайда. Поздравил с победой и уехал. Теперь стоим до завтра. А там вперед. Гайда потерями недоволен...»⁵⁵.

На начало августа белые в боях под ст.Паньковка потеряли до 250 человек убитыми, ранеными и пропавшими без вести. Их части на ст.Слюдянка и восточнее включали в себя: четыре Томских полка, Барнаульский и 2 Новониколаевский, семь рот 7 Чешского полка (капитан Э.Кадлец), Томский артдивизион (4 орудия), три чешских гаубичных батареи (4-я, 5-я, 6-я) по 4 орудия, 1 эскадрон Томского кавдивизиона (штабс-капитан Плотников), 3 сотню Енисейских казаков и Отдельную Нижнеудинскую сотню. Всего: 3580 штыков и 250 сабель⁵⁶. За 40 дней боевых действий, от Нижнеудинска до Мурино, удельный вес чехословаков в составе белых частей постепенно снижался.

«Белая кавалерия заняла ст.Танхой и Переемная. Байкальский и Нижнеудинский полки с артиллерией вступили на станции. Перед ст.Танхой красные преследуются броневиками и свежими частями в эшелонах. Цель - взятие Мысовой и Верхнеудинска. Окраины Мысовой горят от артиллерийского огня»⁵⁷. У красных росло недовольство командованием. Командующим фронтом назначили Метелицу, были приняты меры к реформированию. На фронт прибыл отряд китайских рабочих-интернационалистов под командой Либкнехта.

Пароход «Бурят», захваченный белыми в мае под Балаганском, подошел 12 августа к Мысовой и был опознан только тогда, когда с отшвартованной им баржи открыли артиллерийский огонь. Долго «Байкал» развертывался с целью ответить врагу обстрелом из орудия, но, потеряв управление, должен был вернуться в вилку, осыпаясь снарядами. Загорелось находившееся на борту масло (64 бочки), усилия потушить ни к чему не привели, пламяхватило деревянные части. Вскоре запылал складированный на ледоколе антрацит (60 000 пудов), и огромный корабль сгорел с 12 вагонами продовольствия и снаряжения. В середине августа цепи 7 Чехословацкого полка, благодарядействию «насилияственно эвакуированного большевиками» машиниста ст.Слюдян-

ка Дунаева, захватили «башенный броневик» (присланный из Читы бронепоезд с клепанной броней - даррабочих железнодорожных мастерских и рабочих-интернационалистов) с мадьярами.

Решающее и одновременно последнее крупное сражение на Байкале произошло под ст.Посольская 15-17 августа. У Посольского монастыря на берегу Байкала белыми был 15 августа высажен десант (900 человек на пароходах «Феодосий», захваченном в Лиственичном, «Сибиряк» и «Бурят») под началом начштаба Восточного фронта подполковника Б.Ф.Ушакова. На железной дороге образовалась пробка из поездов красных. Выдавая себя за командира отряда мадьяр, Ушаков смог затребовать из Верхнеудинска поезд с подрывными материалами, чем предотвратил взрыв моста через р.Селенга. «Заняв ст.Посольская, подполковник Ушаков распределил свои части на флангах, направив их по линии ж.д. в обе стороны... Благодаря этой ошибке, десант не сумел выдержать натиска наступающих красных. После жестокого боя [он] рассеялся по лесам вместе с красными, которые тоже были разбиты». Утром 17 августа красные убили подполковника Ушакова, предлагавшего им сдаться. Одновременно был зверски убит и его адъютант-чех⁵⁸.

Красные потеряли самообладание. Однако силы десанта не смогли создать плотного кольца, и часть большевистских войск сумела уйти на юг в горы. «Метелица был убит, никакого командования не было, каждый думал лично о себе. Где-то впереди были свои, в Селенгинске стояли части Лаврова и Каландарашвили». Бои под Посольской по упорству и по количеству крови превосходили все бывшие до сих пор. Из 3000 человек, пытавшихся пройти через Посольскую, пробилось 200 интернационалистов, столько же из читинских красногвардейцев и человек 25 из отряда анархистов. Видимо, это были те 400 человек, которые под началом Д.Н.Сенотрусова ушли 18 августа в горы Хамар-Дабана пробиваться на Селенгинский тракт. «Говорят, будто бы Гайда приказал расстрелять 10 000 большевиков за Ушакова»⁵⁹. Свыше тысячи красногвардейцев были зарыты белыми в ямах под Посольской.

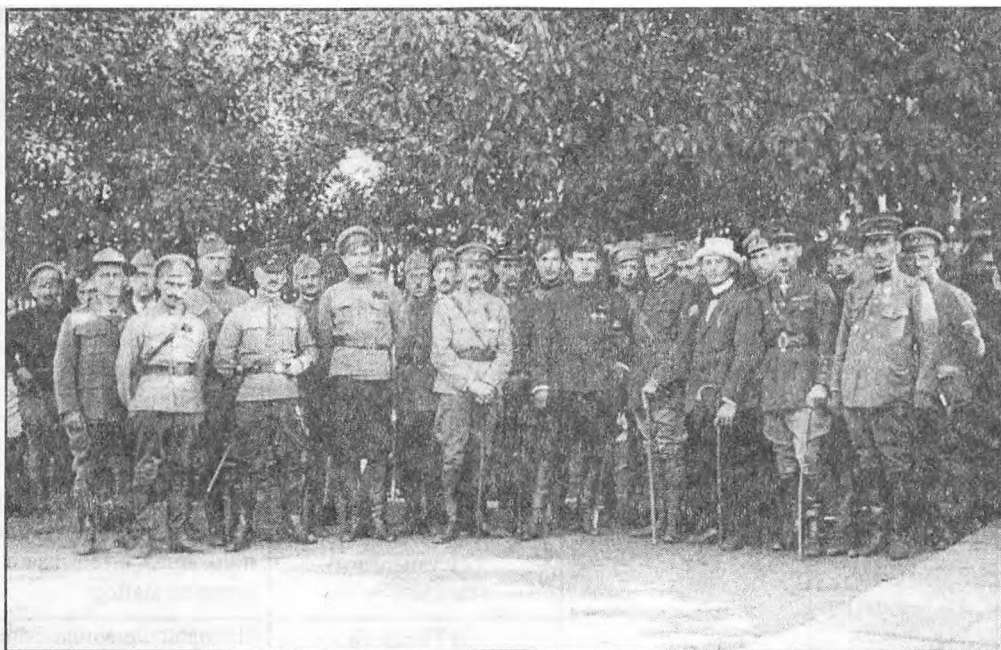
Р.Гайда так определял масштабы катастрофы красных: «Военная добыча огромна. Взято 59 поездов со штабами корпусов и дивизий, большими складами военного и медицинского снабжения, продовольствия»⁶⁰. Небольшие части красных, узнав о катастрофе, не доходя до Посольской; ушли в горы и тайгу. Это поражение было последним и полным поражением Красной гвардии на Прибайкальском фронте. Рассчитывать на восстановление фронта уже не приходилось. 20 августа у Березовки китайские интернационалисты были окружены и погибли. На ст.Дивизионная белые отрезали несколько эшелонов. 26 августа в 12.00 в штабе Восточного фронта стало известно о соединении телеграфом с Читой, занятой восставшей офицерской организацией под руководством полковника Иванова.

Встреча на ст.Оловянная

Начальником штаба Восточного фронта стал полковник Б.П.Богословский⁶¹. Атаман Г.М.Семенов писал, что около 20 августа посланец подполковника Ушакова доставил ему письмо с просьбой о наступлении на Читу. На другой же день после получения письма части Особого Маньчжурского отряда, 28 июля отступившие в Маньчжурию, из Хайлара были двинуты на Забайкалье.

Между красными руководителями Лавровым и Каландарашвили в Селенгинске произошел раскол-спор: куда уходить? Здесь «скопилось свыше 3000 человек, т.е. примерно столько же, сколько в это время вело непосильную борьбу с врагом на фронте без отдыха, без замены». Еще до катастрофы под Посольской Лавров и руководимые им мадьяры, видимо, понимая куда идет дело, начали зондировать почву у китайских властей на предмет интернирования за границу. После же событий все части из Селенгинска двинулись в Троицкосавск, чей совет «не без основания опасаясь наступления анархистов, эвакуировался вместе с ценностями на восток». Придя в Троицкосавск, Лавров начал переговоры с китайскими властями в Маймачине и вскоре в присутствии датского консула подписал соглашение. По нему китайцам было сдано 2000 винтовок, 40 пулеметов, несколько орудий. Венгров можно понять. Им надо было или пробираться домой или защищать черемховских, усольских, зиминских красногвардейцев и анархистов. Лавров, по версии В.В.Рябикова, «не веря в прочность соглашения, решил скрыться, но был достигнут Каландарашвили и расстрелян как изменник». Белые под началом Б.Зиневича после небольших стычек в Убукунской долине пленили красных. Прибыв в Троицкосавск, чехи и белые не признали соглашения с китайцами и «жестоко расправились с захваченными мадьярами Лаврова»⁶².

На восточном направлении события развивались следующим образом. 20 августа красными был оставлен Верхнеудинск. 23 августа белые выступили в Чите, и 26-го красные оставили город. Для преследования красных по Амурской ж.д. двинулся отряд полковника Е.К.Вишневецкого -

Станция Оловянная. 6 сентября 1918 г.
Стоят в первом ряду слева направо: полковники Б.П.Богословский, неизвестный, А.Н.Пепеляев, генерал-лейтенант М.К.Дитерихс, полковник Р.Гайда

1-й, 2-й и 4 Томский полки, 1 батальон 7 чешского полка и две сотни Енисейских казаков. Последним пристанищем красных стал Благовещенск, «переполненный ими до отказа». От ст.Карымская по железной дороге к ст.Маньчжурия двинулся отряд А.Н.Пепеляева - 3 Томский полк, Барнаульский, Енисейский и 2 Новониколаевский полки⁶³.

30 августа на р.Онон на ст.Оловянная сибирские и чехословацкие части соединились с силами атамана Семенова. По версии последнего, возникло недоразумение из-за распространения чешскими солдатами приказа за подписью Р.Гайды с угрозами в адрес Г.М.Семенова и Д.Л.Хорвата. Ситуация разрядилась после того, как Временное Сибирское правительство по представлению А.Н.Пепеляева произвело Семенова в полковники и назначило командиром 5 Приамурского корпуса (две казачьи и одна пехотная дивизии). Анализируя произошедшее, Г.М.Семенов пришел к выводу, что Гайда «или сознательно лгал, отрицая свою причастность к приказу, или не был осведомлен о том, что делалось у него в штабе (Богословский-?), и приказ был выпущен без его ведома»⁶⁴. 1 сентября Читу заняли и семеновские части. 6 сентября на ст.Оловянная состоялось совещание Р.Гайды, А.Н.Пепеляева, Б.П.Богословского и М.К.Дитерихса. После чего Гайда направился во Владивосток, где 24-25 сентября встретился с вице-адмиралом А.В.Колчаком. 27 сентября Р.Гайда отбыл в Екатеринбург, назначив полковника Э.Кадлеца главнокомандующим в полосе отчуждения КВЖД. Так закончилась полугодовая славная эпопея чехословаков.

Ставя точку в повествовании, воспроизведем приказ по 1 Средне-Сибирскому корпусу, отданный в десятых числах сентября: «После жестоких боев под Мурино, Танхоом, Мысовой и Посольской, закончившихся полным поражением большевиков и мадьяр и очищением всего Забайкалья, войска Средне-Сибирского, совместно с чехословаками победно вступили в г.Читу. Жалкие остатки противника бежали на Амурскую ж.д. и Троицкосавск. От лица службы благодарю бойцов за беззаветную храбрость. Впереди нас идет победа, ибо воодушевленные любовью к Родине мы не можем не победить. Благодарная, свободная Россия не забудет погибших сынов своих, покрывших себя славой на далеких полях Сибири. Она не забудет также и тех, кто погиб за свободу и счастье России, кто смертью запечатлел любовь к дорогой Родине. Вечная Память Павшим! Вечная Слава Живым! Приказ прочесть во всех ротах, батареях, сотнях, эскадронах и командах. Командир Средне-Сибирского корпуса полковник Пепеляев...».

К октябрю 1918 г. «Восточный фронт прекратил свое существование. Все его части после пополнения в октябре... уже отправлены на поддержку Русской народной армии, сражающейся на Урале и в Поволжье»⁶⁵.

Приложение 1

Средне-Сибирский корпус *

Дивизии**	Начальники дивизий и их штабов	Сибирские стрелковые полки	Командиры полков***
1 Томская (2 Сибирская)	Евгений Кондратьевич Вишневский - полковник, на 20.7.18 г. Крепкогорский - поручик, на 26.3.19 г. Овчинников - штабс-ротмистр	1 Томский (5 Томский)	Борис (?) Иванов - полковник, затем Шуман - подполковник
		2 Томский (6 Мариинский)	Е.К.Вишневский - полковник, затем Степан Владимирович Пирожков - капитан, с 13.8. 18 г. подполковник
		3 Томский (7 Кузнецкий)	Альфонс Укке-Уговец - полковник, с 13.8. 18 г. генерал-майор
		4 Томский (8 Бийский)	Николай Феофилактович Шнаперман - штабс-капитан, затем Эпов - подполковник
2 Сводная (1 Сибирская)	Бронислав Зиневич-полковник, с 23.8. 18 г. генерал-майор	1 Новониколаевский	Травин - капитан Перчук - полковник,
		2 Новониколаевский (2 Барабинский)	Аркадий Ивакин - капитан, подполковник, с 13.8. 18 г. полковник
		Барнаульский (3 Барнаульский)	Вольский - подполковник, бывший слушатель Академии Генштаба
		Енисейский (4 Енисейский)	до 30.7. 18 г. Б.Зиневич - полковник, затем Мальневский - подполковник, далее Игнатюк
3 Иркутская (3 Сибирская)	Петр Петрович Гривин – полковник, с 31.1.19 г. генерал-майор, на 7.3.19 г. Савченко – подполковник, затем Иван Иванович Попов - капитан, с 7.6.19 г. подполковник	Иркутский (9 Иркутский)	Василий Георгиевич Осипов - подполковник, с 20.1.19 г. полковник (5.4.19 г. принял 3 Сибирскую дивизию)
		Байкальский (10 Байкальский)	на 18.10.18 г. Рудаков - капитан, на 6.3.19 г. Гегелашвили-подполковник
		Нижнеудинский (11 Нижнеудинский)	на 27.1.19 г. Василий Дмитриевич Боярсков (в 1918 г. около 30 лет) - капитан
		Хамардабанский (12 Верхнеудинский)	Попов - капитанна 5.5.19 г.

*Сформирован 13 июня 1918 г. С 21 июля все действовавшие в Восточной Сибири русские части были подчинены его командиру подполковнику А.Н.Пепеляеву. В скобках указаны названия, присвоенные частям 26 августа 1918 г. в связи с получением общеармейской нумерации.

**Сформированы 20.7.1918 г.

***Командиры полков 1-й и 2 дивизий утверждены в должности 20.7.1918 г.

Приложение 2

На приходском (Глазковском) кладбище Николо-Иннокентьевской церкви похоронены (дата погребения, имя, возраст, причина и дата смерти):

В братской могиле - 6 июля 1918 г.⁶⁶ чехословак Иосиф Крадохвиль Спронтишек, от огнестрельной раны полученной в бою на ст.Култук 2 июля; 11 июля чехословак Игнатий Хмелик (28 лет), от огнестрельной раны в живот 10 июля; 27 июля чехословаки 7 Татранского полка Змек, Цоплак, Люпиненг, Гоштялек, убиты 24 июля под Мурино.

Там же: 31 июля гражданин доброволец 2 Новониколаевского полка Емельян Иванович Дворнин (29 лет), огнестрельная рана 29 июля; 10 августа гражданин доброволец 1 Барнаульского полка 4 роты из Томска Савелий Федорович Еродеков (19 лет) огнестрельная рана 8 августа; другие⁶⁷. 7 августа капитан 1 Иркутского полка Иван Григорьевич Карабанов (42 лет), убит 4 августа; 9 августа подпоручик Иван Васильевич Жигалев (26 лет), от огнестрельной раны 9 августа; другие⁶⁸.

В церковной ограде 8 апреля 1919 г. командир 6 Мариинского Сибирского стрелкового полка полковник Стефан Владимирович Пирожков (27 лет), от брюшного тифа 26 марта.

На Иркутском городском кладбище - 19 августа капитан, командир 1 батареи Иркутского арtdивизиона Феодор Валерианович Вериги, убит 17 августа. В ограде Благовещенской церкви - 16 июня подполковник Владимир Николаевич Ткачев (38 лет), убит 7 июня⁶⁹.

19 июля в вагоне-церкви Св.Ольги Великого Сибирского пути отлет и увезен для погребения в г.Мариинск поручик 3 Томского полка 2 роты 2 взвода Константин Никитич Кузнецов (30 лет), убит в бою при раз.Паньковка 18 июля⁷⁰.

¹ Забайкальский железнодорожник (Иркутск). -1918. -№11. -С.2-3.

² Там же.

³ Власть труда (Иркутск). -1918. -16 июня.

⁴ Свободный край (Иркутск). -1918. -16 июля.

⁵ Власть труда. -1918. -18 июня.

⁶ Забайкальский железнодорожник. -1918. -№11. -С.2-3.

⁷ См.: Познанский В.С. Очерки истории вооруженной борьбы советов Сибири с контрреволюцией в 1917-1918 гг. -Новосибирск.1973. -С.86.211.250.

⁸ Власть труда. -1918. -16 июня.

⁹ Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф.524.Оп.2.Д.103.Л.2,7-8.

¹⁰ См.: Рябиков В.В. Центросибирь. -Новосибирск.1949.-С.70-76.

¹¹ В середине 1919 г. подполковник Борис Петрович Иванов (26 лет) - командир 1 Восточно-Сибирского тяжелого арtdивизиона.

¹² ГАИО. Ф.524.Оп.2.Д.103.Л.2,7-8.

¹³ Там же.

¹⁴ Сибирь (Иркутск). -1918. -20 июля.

¹⁵ ГАИО. Ф.342.Оп.1.Д.51.Л.1-18.

¹⁶ См.: Рябиков В.В. Центросибирь. -С.84-85.

¹⁷ См.: Познанский В.С. Очерки истории вооруженной борьбы... -С.86,211.

¹⁸ См.: Эйхе Г.Х. Опрокинутый тыл. -М.,1966. -С.25.

¹⁹ См.: Кирилов А.А. Сибирская армия в борьбе за освобождение //Вольная Сибирь (Прага). -1928. -Т.4. -С.48-56.

²⁰ См.: Познанский В.С. Очерки истории вооруженной борьбы... -С.86.211.

²¹ Подвиг Центросибири. Сб. док. -Иркутск,1986. -С.333,402.

²² ГАИО. Ф.1739.Оп.2.Д.132.Л.34-35.

²³ См.: Рябиков В.В. Центросибирь. -С.70-76.

²⁴ В Куйтунской волости проживало до 900 казаков, выставлявших по призыву 85 человек. До 1917 г. в Нижнеудинске дислоцировалась 1 сотня Красноярского казачьего дивизиона.

²⁵ Машенко П.А. Записки хирурга. -Иркутск.1984. -С.28.

²⁶ Свободный край. -1918. -19 июля.

²⁷ Смертью запечатлевший любовь к Родине партизанского отряда есаула Красильникова капитан Константин Неофитов (Неволин) за отличия в боях против неприятеля приказом по Сибирской

- армии от 1 июля 1918 г. был произведен в подполковники со старшинством с 26 июня 1918 г. -См.: Российский государственный военный архив (РГВА). Ф.39617.Оп.1.Д.291.Л.21.
- ²⁸ См.: Рябиков В.В. Центросибирь. -С.84-85.
- ²⁹ 3 февраля 1924 г. военным трибуналом 5 армии подполковник Цевловский Андрей Григорьевич, 30 лет, из дворян г.Смоленска, командир кавалерийского дивизиона в Якутском походе А.Н.Пепеляева был приговорен к расстрелу с конфискацией имущества.
- ³⁰ Кириллов А.А. Сибирская армия в борьбе за освобождение. -С.50.
- ³¹ Командир Средне-Сибирского корпуса А.Н.Пепеляев за особые боевые отличия на пользу Сибирской армии приказом по армии от 2 июля 1918 г. был произведен в полковники со старшинством с 3 июля 1918 г., а полковник Б.Зиневич, командир 1 Енисейского полка, приказом по корпусу от 28 июля 1918 г. назначен начальником 2 стрелковой дивизии.
- ³² Свободный край. -1918. -13 авг.
- ³³ См.: Романов Н.С. Летопись города Иркутска за 1902-1924 гг. -Иркутск,1994. -С.298.
- ³⁴ Свободный край. -1918. -17 июля.
- ³⁵ Свободный край. -1918. -18 июля.
- ³⁶ См.: Романов Н.С. Летопись города Иркутска за 1902-1924 гг. -С.337.
- ³⁷ В 1910 г. Петр Петрович Гривин служил штабс-капитаном в 28 Восточно-Сибирском стрелковом полку.
- ³⁸ См.: Романов Н.С. Летопись города Иркутска за 1902-1924 гг. -С.337.
- ³⁹ ГАИО. Ф.2р.Оп.1.Д.52.Л.10,73.
- ⁴⁰ 9 сентября 1920 г. военно-революционным трибуналом 5 Красной армии генерал-майор Александр Васильевич Эллерц-Усов, 44 лет, из граждан г.Риги был приговорен к расстрелу. -См.: ГАИО. Ф.157р.Оп.3.Д.19673.
- ⁴¹ См.: ГАИО. Ф.524.Оп.2.Д.29.
- ⁴² Сибирь. -1918. -7 авг.
- ⁴³ См.: Рябиков В.В. Центросибирь. -С.105-112.
- ⁴⁴ Свободный край. -1918. -19 июля.
- ⁴⁵ Свободный край. -1918. -17 июля.
- ⁴⁶ Свободный край. -1918. -13 авг.
- ⁴⁷ См.: Рябиков В.В. Центросибирь. -С.105-112.
- ⁴⁸ См.: Познанский В.С. Очерки истории вооруженной борьбы... -С.250.
- ⁴⁹ См.: Буйских А.Н. Революционные очерки из воспоминаний за 25 лет. -Новосибирск,1922. -Кн. 1. -С.43.
- ⁵⁰ Свободный край. -1918. -20,28,30 июля.
- ⁵¹ См.: Езеев А. Салзан: из истории Гражданской войны на востоке России летом 1918 г. //Военная быль (Москва). - №1. -С.22-30; №2. -С.17-24.
- ⁵² См.: Кириллов А.А. Сибирская армия в борьбе за освобождение. -С.48-56.
- ⁵³ См.: Подвиг Центросибиря. -С.402.
- ⁵⁴ См.: Рябиков В.В. Центросибирь. -С.105-112.
- ⁵⁵ Революционные события и Гражданская война в Сибири глазами очевидцев //Краеведческие записки (Иркутск). -1998. -№ 5. -С.50.
- ⁵⁶ См.: Езеев А. Салзан //Военная быль. -№2. -С.20.
- ⁵⁷ Сибирь. -1918. -18 авг.
- ⁵⁸ Упоминается адъютант Ушакова Рифесталь. -См.: Миронов М. Красная гвардия на берегу Байкала //Бойцы революции. Сб. -Иркутск,1980. -С.104.
- ⁵⁹ Сибирские записки (Красноярск). -1918. -№ 1. -С.22.
- ⁶⁰ Познанский В.С. Сибирский красный генерал. -Новосибирск,1972. -С.161.
- ⁶¹ Богословский Борис Петрович летом 1918 г. - командующий 3 армией красных. После сдачи Екатеринбургa красными 25 июля 1918 г. остался в городе с частью штаба.
- ⁶² См.: Рябиков В.В. Центросибирь. -С.105-112.
- ⁶³ См.: Кириллов А.А. Сибирская армия в борьбе за освобождение. -С.48-54.
- ⁶⁴ Семенов Г.М. О себе: воспоминания, мысли и выводы. -М., 1999. -С.170.
- ⁶⁵ Известия войск Восточного фронта (Иркутск). -1918. -15 авг.
- ⁶⁶ Все даты даны по старому стилю.
- ⁶⁷ Архив управления ЗАГС г.Иркутска (АУ ЗАГС). Метрическая книга Глазковской Николо-Инокентьевской церкви. ИНН 139.Б.л.
- ⁶⁸ АУ ЗАГС. Метрическая книга Крестовоздвиженской церкви. ИНН 140А.Л.173.
- ⁶⁹ АУ ЗАГС. Метрическая книга церкви Благовещения Пресвятой богородицы. ИНН 140.Л.72.
- ⁷⁰ АУ ЗАГС. Метрическая книга вагона-церкви Св.Ольги Великого Сибирского пути. ИНН 135.Л.38.

МАТЕРИАЛЫ К ИСТОРИИ СИБИРСКОГО КАЗАЧЬЕГО ВОЙСКА ПЕРИОДА ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ: ОХРАНА ПОРЯДКА И БОРЬБА С ВОССТАНИЯМИ И ПАРТИЗАНАМИ В ТЫЛУ (1918 - 1919 ГГ.)

Сибирское казачье войско¹ сыграло в Белой борьбе на Востоке России исключительную роль. Самый яркий, но не единственный, факт - осуществление Омского переворота 18 ноября 1918 г. силами партизанского отряда войскового старшины И.Н.Красильникова и 1 Сибирского казачьего Ермака Тимофеева полка войскового старшины А.В.Катанаева.

Если говорить о собственно военной стороне дела, то надо отметить роль добровольческих партизанских и мобилизованных первоочередных частей в освобождении от большевиков в 1918 г. Сибири, Урала и Северного Семиречья. Анненковцы сражались тогда на Западно-Омском (Марьяновском) и Верхнеуральском, красильниковцы - на Нижнеудинском и Ленско-Витимском (Киренском) фронтах. 1 Сибирский казачий полк войскового старшины В.И.Волкова совершил рейд по Алтаю, завершившийся полным уничтожением крупного красного отряда Сухова. 2 Сибирский казачий полк (командиры - войсковые старшины Рагозин, затем Блохин), в составе Западно-Сибирского отряда Г.А.Вержбицкого, девять месяцев воевал (и как воевал!) в Западной Сибири и на Урале. 3 Сибирский казачий полк совершил поход в Семиречье.

В летних оборонительных боях 1919 г. в Уфимской губернии и на Урале хорошо показала себя 1 Сибирская казачья дивизия (начдив - генерал-майор Н.П.Кубрин, начштаба - Генерального штаба войсковой старшина А.Н.Федоров). Наконец, летом-осенью 1919 г. Сибирское войско провело тотальную мобилизацию, призвав в Русскую армию адмирала А.В.Колчака в общей сложности свыше 20 тысяч казаков. Войско выставило 15 конных полков, отдельную бригаду, 4 артдивизиона, несколько инженерных сотен, отдельных сотен и батарей, различные команды (пулеметные, связи, конно-саперные и т.д.). В составе Войскового Сибирского казачьего корпуса (комкор - генерал-лейтенант П.П.Иванов-Ринов, начштаба - Генерального штаба генерал-майор Боровский) и Сводно-казачьего корпуса (комкор - генерал-майор В.И.Волков, начштаба - полковник И.И.Смелов, затем войсковой старшина барон Н.А.Деллингсгаузен) сибирцы участвовали в осенних боях в междуречье Тобола и Иртыша.

Особо следует отметить роль сибирских казаков в сентябрьском контрнаступлении, когда они отбросили красных с территории войска. При этом было несколько успешных боевых дел со значительными трофеями. Наиболее яркие бои произошли 9 сентября. Конная атака Сибирского казачьего корпуса у пос.Островной станицы Пресновская, завершилась разгромом двух стрелковых бригад красных. А жесточайший, почти суточный, бой за саму станицу Пресновская привел к окружению и уничтожению части 35 стрелковой дивизии красных. Встречающаяся в литературе сугубо критическая оценка действий Сибирского казачьего корпуса и его командира П.П.Иванова-Ринова (провал рейда на Курган) основана, фактически, на одном субъективном мнении генерал-лейтенанта А.П.Будберга. Она не учитывает всего комплекса факторов и, прежде всего - реального соотношения сил сторон. Можно ли было требовать чуда от только что собранного, и то не полностью, не сколоченного и не до конца снаряженного конного корпуса в 7500 шашек, которому пришлось без пехоты и почти без артиллерии наступать против численно и технически превосходившего противника?

Сибирское войско однако сражалось не только на внешних фронтах Белой Сибири, но и на фронте внутреннем. Власти широко привлекали казаков, как мобильную и надежную силу, к подавлению различных беспорядков в тылу. Это была работа далеко не благородная, но совер-

шенно необходимая для упрочения любого режима. Задача данной статьи как раз и состоит в обозначении, описании и, по возможности, характеристике наиболее заметных карательных операций, в которых участвовали партизанские, строевые и самоохранные части Сибирского казачьего войска.

1. Подавление Славгородского (Чернодольского) восстания (сентябрь 1918 г.). Активное участие в нем приняла одна сотня Сибирского казачьего полка из состава партизанского отряда войскового старшины Б.В. Анненкова. Командир сотни - подьесаул Е.И. Сергеев.

Карательная операция сопровождалась целым рядом жестокостей. Тот, кто делает акцент именно на этой стороне, видимо, не знает популярной крестьянской частушки того времени:

*«Бога - нет,
Царя - не надо!
Мы урядника убьем,
Податей платить не станем
И в солдаты не пойдём».*

Крестьянство восприняло революцию как освобождение от гегемонии города и вообще от всякой власти. Как подчинить крестьянскую стихию? Эта проблема стояла и перед белыми, и перед красными. И те, и другие решали ее главным образом силой. Становление власти Временного Сибирского правительства (ВСП) - «наведение порядка» - выливалось для населения на местах во взыскание податей и земских сборов, в запрещение рубки казенного леса, в конфискацию принесенного с фронта имущества военного образца и т.п. Крестьянство расценивало такую политику как посягательство на свои завоеванные революцией права и свободы. Сплошь и рядом оно не считалось с новой властью и продолжало действовать по своему усмотрению, нередко доводя дело до открытых конфликтов. Призыв же новобранцев вообще был «встречен в штыки» - по всей Сибири прошли волнения, бунты и восстания. Платить «налог кровью» - отдавать детей на убой - крестьянство не желало.

Наиболее сильная вспышка, вызванная призывом в армию, произошла 2-10 сентября 1918 г. в Славгородском у. Алтайской губернии. Ее эпицентр - с. Архангельское (Черный дол). Восставшие легко взяли уездный город Славгород, учинив там расправу над офицерами, выпустив из тюрьмы красногвардейцев и мадьяр и захватив на артскладе значительное количество оружия. Озлобленные мобилизацией, подбодренные самогонкой толпы вооруженных крестьян занимали все новые деревни. В них создавали ревкомы. Временный революционный штаб, образованный повстанцами, готовил созыв уездного съезда советов, т.е. речь шла о восстановлении советской власти. Движение грозило распространиться на всю Кулундинскую степь и севернее нее. Повстанцы разрушали железную дорогу, вынашивали планы наступления на запад - на Павлодар. Командир 4 Степного Сибирского стрелкового полка, на которого возложили сначала руководство карательной операцией в Славгородском у., доносил: *«Восстание настолько разрослось, что необходимо поголовное уничтожение деревень...».*

Власть, если она хотела оставаться таковой, должна была преподать крестьянству урок. Но наличных белых сил было недостаточно. Операция стрелковой бригады полковника Зеленцова (два офицерских полка, пулеметная команда) из состава Степного корпуса развивалась недостаточно энергично, хотя части бригады и смогли отбросить наступавших повстанцев от ст. Бурла (8 сентября 1918 г.). Не имея кавалерии, Зеленцов боялся оставить свои эшелоны и удалиться от железной дороги. Тогда штаб Сибирской армии решил привлечь к участию в операции «самого боевого и дисциплинированного» командира - Б.В. Анненкова. Командарм и военный министр генерал П.П. Иванов-Ринов вызвал атамана к прямому проводу и приказал ему немедленно отправиться в Славгородский у. и возглавить все действующие против повстанцев войска. Задачи Иванов-Ринов поставил три: 1). подавить восстание и примерно наказать местных жителей за попытки противодействовать призыву новобранцев; 2). собрать у населения оружие; 3). провести мобилизацию. Известный советский историк В. Д. Вегман полагал, что именно Иванов-Ринов «внушил Анненкову учинить восставшим славгородцам кровавую баню».

Б.В. Анненков в тот момент находился на железнодорожной ст. Татарская. Получив приказ командарма, он выделил из своих сил сводный отряд в составе двух стрелковых рот, двух казачьих сотен, эскадрона Черных гусар², одной батареи и, возглавив его лично, двинулся к Славгороду. В ночь на 10 сентября анненковцы прибыли в район боевых действий, а в 7.00 начали общее наступление. Штаб восставших, видя полное превосходство противника, решил не обороняться и, как можно быстрее, уводить свои отряды на юго-восток, по тракту Славгород - Кулунда - Ключи, с тем, чтобы укрыться в бору в районе с. Волчиха. Подкрепленные анненковцами, не встречая серьезного сопротивления, офицерские полки быстро овладели главными пунктами: к 11.00 взяли с. Архан-

гельское (Черный дол), к 14.00 - Славгород. Архангельское сотней 1 Оренбургского казачьего полка³ было подождено. В Славгород правительственные войска вошли без боя. Жители и депутаты уездного съездов советов в панике стали разбегаться, не думая о последствиях своего беспорядочного бегства. Между тем, белые приняли их за повстанцев, побросавших оружие и спасавших свои жизни. Казаки стали вылавливать беглецов и отводить в северную часть города, где их раздевали, расстреливали и сваливали в ямы из-под самана. Анненковским казакам и гусарам удалось нагнать «хвост» повстанцев, удиравших на бричках на Кулунду и Ключи. В четырех верстах от Славгорода Ключинский тракт сжимался в узкий проход. В этом месте повозки беглецов образовали затор, а белые партизаны «сняли обильную жатву». Объятые ужасом повстанцы, по-видимому, толком и не сопротивлялись. Некто С.П.Полянский, провозивший после боя по тракту почту, вспоминал, что сначала на дороге стали попадаться тела, порубленные шашками. В узком же рукаве их было столько, что Полянскому многократно приходилось слезать с повозки, стаскивать трупы на обочину, и только тогда ямщик двигался вперед.

Таким образом, анненковцы включились в операцию только на заключительном этапе, в последний день, хотя их участие - ввиду наличия у них конницы, значительного числа пулеметов и артиллерии - имело решающее значение.

Атаман выполнил приказ начальства. Восстание было подавлено, и подавлено жестоко: по словам Б.В.Анненкова, «расстреливали, рубили». По советским данным, в Архангельском было убито 18 человек, в Славгороде и по тракту на Ключи - более 400, а всего при усмирении Славгородского у. белые уничтожили 1667 человек. Правда наибольшую свирепость проявили офицерские полки, мстившие за своих растерзанных в Славгороде товарищей. Позднее атаман говорил, что офицерские части, состоявшие из элементов, ценных в боевом отношении, дисциплиной не блистали и позволили себе исключительные бесчинства в отношении населения. Рассыпавшиеся по уезду автомобильные, конные и пешие отряды карателей «прочищали» отведенные им районы: пороли, расстреливали, попутно грабили и насиловали. Активнейшее участие в восстании приняли крестьяне-новоселы немецкой национальности. Каратели уделили им особое внимание, выместив на русскоподданных немцах злость за проигранную Мировую войну. Например, в немецком поселке № 42 они изнасиловали поголовно всех женщин.

В две недели весь Славгородский у. был покорен. Он стал управляем. Вместо разогнанных исполкомов были назначены волостные старшины и сельские старосты. Расправы и страх сделали свое дело. Напуганное население не смело теперь перечить власти. Под угрозой расстрела каждого пятого крестьянские общины выражали покорность, сдавали имеющееся оружие, выплачивали наложенную на них контрибуцию (зерном и деньгами). Мужики повезли сыновей на призывные пункты. Всего белые изъяли в уезде около 2000 винтовок, мобилизовали в армию 11 тысяч человек, собрали с деревень большие суммы денег, много хлеба. Кажущийся парадокс - многие славгородские крестьяне попали в анненковские части и вплоть до падения правительства А.В.Колчака служили вполне исправно.

2. Ликвидация крестьянского восстания в Змеиногорском уезде с центром в с.Шемонаиха (начало октября 1918 г.). В ней участвовали казачьи сотни Партизанской дивизии атамана Б.В.Анненкова и, вероятно, дружины ближайших станиц Сибирского казачьего войска.

3. Пресечение всеобщей забастовки рабочих и служащих Омского железнодорожного узла 19 октября 1918 г. Из казачьих подразделений участвовали: Сибирская казачья сотня партизанского отряда войскового старшины И.Н.Красильникова (командир сотни - подьесаул С.М.Попов) и сотня самоохраны станицы Атаманская.

Войсковой старшина
Анненков Борис Владимирович
(1889-1927)

Забастовка началась 17 октября в 12.00. Основа требований была экономическая. ВСП еще 31 июля 1918 г. в целях увеличения эффективности производства издало «Положение о мерах к восстановлению нормального хода работ промышленных предприятий и поднятию их производительности». Согласно этому закону, повременная (поденная и помесечная) оплата труда, введенная в период советской власти, отменялась. В место нее вводилась сдельная, т.е. оплата по результату. Для рабочих это означало интенсификацию их труда и возможное сокращение реальной зарплаты. И они попытались защитить свои интересы. Распространение сдельщины на Омскую железную дорогу вызвало забастовку. Однако к ее экономическим требованиям рабочие примешивали и почти чисто политические, например, возврата на работу уволенных сторонников советской власти. А главное - забастовка сопровождалась актами явного саботажа и вредительства. Рабочие испортили 19 паровозов, вывели из строя электростанцию, выкрали из контор адресные книги, чтобы затруднить вызов бастующих на работу. Стачечное движение грозило перекинуться на Омск и на другие железнодорожные станции. Оно могло парализовать все военные перевозки по Транссибирской магистрали, сорвать снабжение фронта. Собственно говоря, на это и рассчитывали руководители большевистского подполья.

Узнав о начале забастовки, военное командование срочно ввело на ст.Омск целый ряд воинских частей и подразделений: 1 железнодорожную роту, по одной роте сербов и чехов, полусотню казаков (от 1 Сибирского казачьего полка?), пулеметную команду польского легиона, команду 1 кадрового стрелкового полка, небольшое подразделение анненковцев. Войска взяли под контроль вокзал, телеграф, Главные железнодорожные мастерские, депо, паровозы, стрелки и другие важные объекты. В частности, казачья полусотня усилила охрану вокзала. Власти боялись настоящих диверсий, которые в Омске уже случались (взрыв в июле эшелона со снарядами на городской железнодорожной ветке, напротив здания управления Омской ж.д.; подрыв у железнодорожного депо подпольщиками вагона с патронами и ручными гранатами в сентябре). Был вероятен и террористический акт против членов Директории, поезд которой стоял на путях ст.Омск.

Чтобы движение по Омскому железнодорожному узлу совершенно не замерло, военные власти составили паровозные, кондукторские, ремонтные бригады из офицеров и солдат 1 железнодорожной роты, а также инженерной роты Средне-Сибирского армейского корпуса, части которого в это время как раз перебрасывались на фронт. В течение 17-18 октября военные собирали информацию о наиболее нужных специалистах (машинистах, кочегарах, смазчиках, кондукторах), - разыскивали их и хватали, силой принуждая работать. Однако такая «охота» была малоэффективна ввиду круговой поруки железнодорожников и того, что они заранее выкрали все книги и списки с адресами рабочих и служащих. Кроме того на станции не осталось исправных паровозов, одна железнодорожная рота не могла справиться с задачей их ремонта. Настроение рабочих было приподнятым, они приперли начальство к стенке. В Омске также началось брожение, там готовилась забастовка солидарности. Движение разрасталось. Белым же поначалу явно не хватало силы, а главное - решимости, чтобы переломить ситуацию. Наконец власти твердо решили во что бы то ни стало подавить забастовку. Руководство операцией было возложено на войскового старшину И.Н.Красильникова.

Партизанский отряд атамана явился на ст.Омск в ночь на 19 октября. Красильников имел приказ штаба Сибирской армии «принять самые решительные меры к ликвидации забастовки, включительно до расстрела на месте агитаторов и лиц, активно мешающих возобновлению работ». Утром 19-го, в субботу, Красильников прошел по всем цехам Главных железнодорожных мастерских и обнаружил там только 50-60 человек работавших. Тогда атаман организовал грандиозную облаву. Рабочие поселки, составлявшие часть Атаманского хутора⁴, были оцеплены войсками и милицией. Солдаты, казаки и милиционеры входили в каждый дом, штыками и нагайками гнали всех рабочих на станцию, где образовалось две больших толпы: одна на привокзальной площади, другая - во дворе мастерских. Первая толпа была окружена конными казаками во главе с самим Красильниковым. Сидя верхом на лошади и размахивая плетью, атаман огласил обращение к рабочим, в котором требовал прекратить забастовку и грозил ослушникам расстрелом. Такой же «митинг» он устроил затем и во дворе мастерских. Зачитав свой ультиматум, угрожавший непреклонным забастовщикам расправой, Красильников добавил: «А как я буду расправляться, разрешите это вам, господа, показать». После этих слов красильниковцы тут же, во дворе мастерских, поставили к стенке пятерых рабочих активистов, арестованных накануне - 18 октября - и расстреляли их на глазах толпы.

В Омске тем временем, по инициативе подпольного комитета РКП(б), началась общегородская забастовка солидарности с бастующими железнодорожниками (19 октября). В ней участво-

вали рабочие-металлисты самых крупных местных заводов (Рандрупа, 1-го механического, механолитейного и др.), а также работники городской железнодорожной ветки, водники, грузчики, печатники, кожевники, булочники. Более того, забастовка против введения сдельной оплаты труда перекинулась на многие станции Транссиба, от Челябинска до Иркутска. Но в самом главном месте, на ст.Омск, уже произошел перелом. Власть, решившись на применение прямого физического насилия, теперь должна была идти до конца. Подавление общегородской забастовки было поручено генералу Лящину. С помощью контрразведки и милиции он организовал розыск и аресты руководителей рабочего движения. В наиболее важные места послал воинские подразделения, в том числе казахи. Так, к водникам был направлен поручик Четыркин с командой казаков. Угрозой расстрела он принудил забастовщиков приступить к работе. А самое важное то, что на всех бастующих предприятиях был оглашен ультиматум власти: всем рабочим и служащим в понедельник, 21 октября, не позднее 8.00, явиться на работу и приступить к труду. К тем, кто проигнорирует это распоряжение, «будут приняты меры вплоть до расстрела». Красильниковцы уже доказали, что угроза расстрела - это не пустой звук. Поэтому вечером 20-го рабочие собрания и подпольный комитет РКП(б) постановили временно подчиниться грубой силе и прекратить забастовку с 8 часов утра 21 октября.

Срыв перевозок войск и боевых припасов посредством саботажа и вредительства во все эпохи и у всех народов считался в военное время пособничеством врагу, предательством и карался смертью. Красильников и его партизаны лишь выполнили обычный приказ того жестокого времени.

4. Подавление Омского восстания 22 декабря 1918 г. Наряду с пехотой, контрразведкой, милицией участвовали и казаки: сотни 1 Сибирского казачьего полка, одно орудие Сибирского казачьего ардивизиона и сотня самоохранны станицы Атаманская.

Колчаковская контрразведка имела агентурные данные о намерениях и подготовительных мероприятиях большевистского подполья. Но Белое командование недооценило размаха работы врага. Начальник Омского гарнизона имел расписание, по которому каждая воинская часть знала, где должна находиться и что делать в случае мятежа. В 1 Сибирском казачьем полку постоянно была наготове дежурная сотня.

Коммунисты планировали начать всеобщее восстание в Омске и его пригородах в ночь на 22 декабря. Белая контрразведка, узнав о нескольких сборищах заговорщиков, решила нанести 21-го числа превентивный удар и тем самым сорвать вооруженное выступление. Вечером на Плотниковскую улицу был направлен отряд из полуроты пехоты и сводной сотни казаков. Около 22.00 он оцепил квартал, в котором находился дом № 98. В самом доме белые арестовали 38 человек рабочих и солдат, нашли оружие, патроны, гранаты, военное обмундирование. В этой операции от 1 Сибирского казачьего полка участвовало два взвода 3 сотни, дежурившей в ту ночь (остальные два взвода от Отдельной Сибирской казачьей бригады?). Еще 43 заговорщиков белые захватили в доме Соничева на Красноярской улице. Эти аресты имели решающее значение, т.к. в руки властей попало все руководство второго боевого района подпольщиков (левобережье р.Омь, включая концентрационные лагеря и Военный городок между городом и ст.Омск). В результате, получив сведения о провалах, военно-революционный штаб принял решение о переносе восстания на неопределенный срок. Однако центральный штаб не смог дать отбой всем боевым группам, чем объясняются вооруженные выступления на окраинах Омска и в его пригородах. Четвертый район - ст.Куломзино и пос.Ново-Омск (на левом берегу Иртыша, в семи километрах от города) - приказ об отмене восстания вообще не получил.

Около 2.00 22 декабря рабочие авторемонтной мастерской подняли на восстание ряд подразделений 8 Степного кадрового стрелкового полка (Военный городок). Изменившая присяге 3 рота 1 батальона 8 полка, тихо сняв казаков-часовых, разоружила располагавшуюся поблизости казачью сотню. Казаки (47 человек) крепко спали, и их «взяли тепленькими». Сопrotивление оказал только командир сотни, которого мятежные солдаты ранили. Ранним утром пленных казаков отбили подразделения 1 запасного полка Чехословацкого корпуса, подавившие выступление в 8 полку. Освобожденные казаки помогли водворить порядок в районе Военного городка.

Когда Белое командование поняло, что восстание большевиков все-таки началось, то дежурная сотня 1 Сибирского казачьего полка была немедленно вызвана в Ставку. Привел ее прапорщик Городецкий. Затем туда же прибыл и командир сотни подьесаул В.В.Вологодский. Казаки заняли все наружные входы Ставки и выслали разъезды в сторону ближайшего лагеря военнопленных, в котором тоже могло произойти выступление. Затем два взвода 3 сотни получили задачу произвести обыски и аресты на Думской и Плотниковской улицах. Оттуда они привели человек десять арестованных, которых сдали коменданту Ставки.

Командир 2 Степного армейского корпуса генерал А.Ф.Матковский приказал начальнику Омского гарнизона генералу В.В.Бржезовскому объявить «общую тревогу». В 4.00 части гарнизона были подняты по боевой тревоге. Наиболее надежные из них сначала стягивались к ключевым пунктам (в «крепость», к Ставке, к вокзалу городской железнодорожной ветки и к вокзалу ст.Омск), а затем уже их подразделения получали конкретные задачи. Самыми верными частями считались Унтер-офицерская школа (начальник - капитан П.М.Рубцов), 1 Сибирский казачий Ермака Тимофеева полк (командир - войсковой старшина В.Водопьянов), конвой при штабе 2 Степного корпуса от Партизанской дивизии атамана Б.В.Анненкова, добровольческая рота сербов и др. 5 сотня 1 Сибирского казачьего полка под командой сотника Рыжкова прибыла на усиление охраны Верховного правителя адмирала А.В.Колчака. В руках генерала Матковского, которому поручили подавить восстание, был сосредоточен ударный кулак из надежных войск (до 1500 штыков и сабель), не считая 1 чешского запасного полка и английского батальона. В 6.00 войска заняли правительственные учреждения и мосты через р.Омь, установили контроль над городской железнодорожной веткой, начали массовую проверку документов. К уничтожению обнаруживших себя групп восставших приступили несколько ранее. Однако продвижение правительственных войск от городской ветки и ст.Омск в направлении ст.Куломзино началось только в 8.00, после того, как в самом Омске уже был восстановлен порядок.

К утру 22 декабря ст.Куломзино и пос.Ново-Омск оказались во власти «Штаба рабочей армии», располагавшего отрядами общей численностью 500-600 человек. В этих пригородах Омска восставшие разоружили в течение ночи находившийся в стадии формирования батальон карпаторуссов, полуроту охраны железнодорожного моста и железнодорожную милицию. Ядро местных красных составляли грузики, рабочие чугунолитейного завода «Азия», шпалопродиточного завода и мельницы Колокольникова. К ним присоединились солдаты железнодорожной охраны, а также бывшие военнослужащие, возвращавшиеся из германского плена, эшелон которых прибыл накануне на станцию. Все куломзинские повстанцы вооружились захваченными винтовками, правда, в значительной части берданками, да и патронов было мало. Пулеметов и пушек вовсе не имелось.

Правительственные войска вступили в боевое соприкосновение с куломзинцами только поздним утром. Причина такой медлительности состояла не в растерянности Белого командования и не в недостатке у него военной силы. Просто требовалось некоторое время, чтобы полностью восстановить управляемость гарнизоном и городом и чтобы подготовить базу для решительного наступления непосредственно на Куломзино. Рано утром 22 декабря власти восстановили нарушенную подпольщиками телефонную связь между штабами и частями, подавили отдельные вспышки мятежа в городе и ближайших окраинах, «осветили» весь Омск и окрестности на предмет обнаружения там новых, еще не проявивших себя групп боевиков, твердо закрепились на городской железнодорожной ветке и нашли паровозы взамен тех, которые угнали с нее подпольщики. Белые не могли сразу же, в открытую и без подготовки, кинуться на Куломзино еще и потому, что повстанцы захватили железнодорожный мост через Иртыш, имевший огромное стратегическое значение. Большевики были вполне способны его как-нибудь повредить. Для дела снабжения колчаковского фронта это имело бы тяжелые последствия.

На Куломзино и Ново-Омск комкор генерал А.Ф.Матковский первоначально двинул следующие подразделения: команду отдела военного контроля штаба Сибирской армии во главе с полковником И.Зайчеком (75 человек), две роты одного из кадровых полков и 4 сотню 1 Сибирского казачьего полка (командир сотни - подъяесаул Г.В.Катанаев). Этим сборным отрядом сначала командовал полковник И.Зайчек, чех, начальник отдела военного контроля штаба Сибирской армии. Казачья сотня выступила от здания Ставки, команда Зайчека - со ст.Омск, а роты пехоты - с занятой ими ранее городской железнодорожной ветки. В качестве вспомогательной силы привлекались казаки станицы Атаманская. Их сотня самообороны получила задачу, действуя от своей станицы, перерезать противнику путь отступления на юг.

Около 11.00 поезд с командой Зайчека вышел со ст.Омск. Перед мостом через Иртыш чины контрразведки покинули вагоны. Они были в штатском, и в первые минуты красная охрана приняла их за своих - рабочих Атаманского хутора. Куломзинцы очень надеялись, что те тоже восстанут, но этого не произошло. Неожиданно с поезда был открыт сильный пулеметный огонь, а «штатские» - люди Зайчека - пошли в атаку. Они легко овладели мостом и закрепились на западном берегу. Затем туда прибыли две пехотные роты, которые рассыпались в цепь и повели наступление на Куломзино. Тем временем, примерно в полдень, атаманские казаки попытались перейти Иртыш по льду. Однако красные (около 30 человек) залповым огнем отогнали их обратно. Станичники залегли на своем, правом берегу и повели перестрелку. 4 сотня подъяесаула

Г.В. Катанаева, придя на помощь пехоте, получила приказ полковника Зайчека взять под наблюдение линию железной дороги, занять постами все выходы из Куломзино и Ново-Омска, а также перерезать телеграфные и телефонные провода западнее станции. Фактически, речь шла об окружении противника конницей, о разрушении казаками вражеских коммуникаций, и сотня, не медля, приступила к глубокому охвату красных с фланга.

В течение нескольких часов ружейным огнем повстанцы сдерживали продвижение белой пехоты. Они удачно использовали расположение зданий, в которых частью засели и откуда вели прицельную, достаточно действенную стрельбу. *«Бой, - по оценке белогвардейцев, - был довольно упорный».* Тогда генерал Матковский отправил под Куломзино подкрепление: еще две роты пехоты и одно орудие Сибирского казачьего арtdивизиона. К этому времени казаки завершили окружение противника. Ближе к вечеру в боевых действиях произошел перелом. Расстреляв почти все патроны и увидев, что помощи ждать неоткуда, а в тылу казаки, восставшие пали духом. Белые со свежими силами поднялись в очередную атаку. В некоторых местах дело

дошло до рукопашной. Цепь повстанцев в панике кинулась врассыпную. Многие, бросившись прочь из Куломзино, легли под казачьими шашками. Но далеко не все красные побежали. Группы, стрелявшие из зданий, продолжали сопротивляться, и белой пехоте пришлось постепенно, с боем, подавлять эти очаги. Фактически, ст.Куломзино и пос.Ново-Омск были взяты концентрическим ударом, т.е. наступлением пехоты и конницы со всех сторон. Красные потеряли в Куломзинском бою 144 человека убитыми. Потери правительственных войск, в силу их технического и тактического превосходства, были значительно меньше. Казаки понесли потери, кажется, только ранеными.

В Куломзино из Омска прибыли вице-директор департамента милиции МВД Траутман и начальник Акмолинского областного управления государственной охраны подполковник Руссиянов. Был создан военно-полевой суд, приговоры которого приводились в исполнение немедленно. Солдаты и казаки осуществляли облавы, обыски, аресты, ведь многие повстанцы (из местных жителей), разбежались и попрятались по домам. Фактически, это была сплошная «зачистка». Военнопленных и арестованных, взятых в Куломзино и Ново-Омске, расстреливали пачками. Всего было казнено, по белым данным, 117 человек. Несомненно 4 сотня 1 Сибирского казачьего полка принимала в расстрелах активнейшее участие. Утром 23 декабря в Куломзино ее сменила 3 сотня подъесаула В.В. Вологодского, казаки которой, очевидно, также участвовали в обысках, арестах и приведении в исполнение приговоров военно-полевого суда.

Следует упомянуть, что и во время второго Омского восстания, имевшего место в ночь на 1 февраля 1919 г., сибирские казаки вновь продемонстрировали верность присяге и начальникам. По сути, то было даже не восстание, а заговор с целью вооруженного переворота, т.к. расчет подпольщиков на массовую поддержку запасных солдат совершенно не оправдался. В 4.00 1 февраля две группы боевиков (около 30 человек) ворвались в казармы 51-го и 52 кадровых полков. Офицеры пытались оказать сопротивление. Красные убили четверых из них, восемь ранили. Но солдаты, помня кровавый урок 22 декабря, колебались. Поднятые по тревоге казачьи сотни прискакали к казармам и начали их оцеплять. Большевикам пришлось спасаться бегством. При этом они потеряли часть людей убитыми, ранеными и пленными.

5. Подавление Мариинского восстания в Атбасарском уезде (апрель-май 1919 г.). Это самая крупная из успешных карательных операций с участием сибирских казаков, причем последние сыграли ведущую роль. Руководили операцией генерал В.И. Волков и полковник А.В. Катанаев. Участвовали сотни 1 Сибирского казачьего полка, 1-го и 2 Сибирских казачьих отдельных

Генерал-майор
Волков Вячеслав Иванович
(1877-1920)

дивизионов, самоохранные сотни станиц Атбасарская и Акмолинская, а также четыре роты пехоты под началом капитана Ванягина. Несколько попыток белых взять с. Марииновку, центр повстанческого района, малыми силами не удались. У красных здесь было четыре батальона пехоты (до 3000 человек) и один конный эскадрон (120 человек). Решающий бой произошел 13 мая. Генералу Волкову, чтобы поднять дух своих войск, пришлось лично появиться в боевых порядках на автомобиле. К вечеру белые разорвали фронт повстанцев, ворвались в село, и красные побежали. Казаки стали рубить беглецов, в частности, уничтожили весь кавэскадрон. Когда 15 мая генерал Волков с конвоем вернулся из Марииновки в Атбасар, город встретил его колокольным звоном всех церквей и благодарственными молебнами. За эту операцию к боевым наградам были представлены: у казаков 20 человек к Георгиевским крестам и 20 человек к медалям, в пехоте - 15 и 10 человек соответственно.

6. Подавление восстания в Усть-Каменогорске 30 июня 1919 г. Выступление было подготовлено политическими заключенными тюрьмы. Заговорщики, воспользовавшись мягкостью тюремного режима, в ночь на 30 июня взбунтовались, разоружили охрану, за ней солдат местной команды и, наконец, захватили «крепость» с цейхгаузом, в котором взяли около 700 винтовок и 20 тыс. патронов. Против 200 повстанцев действовали 3 сотни 3 Сибирского казачьего отдельного дивизиона, 2-я и 3 сотни 6 Сибирского казачьего полка (правда, полк только приступил к получению огнестрельного оружия), самоохранные сотни ближайших станиц, а также милиция и добровольцы из жителей города. Первыми из станичников на помощь войскам подоспели казаки станицы Ново-Устькаменогорская. Руководил подавлением войсковой старшина Ляпин, начальник гарнизона и вр.и.д. атамана 3 военного отдела. Захватив «крепость», красные попытались через Ульбинский мост переправить своим сторонникам в дер. Долгая оружие (на 8 подводах), но белые перестреляли возчиков и сопровождавшее обоз прикрытие (около 40 человек). К 20.30 правительственные войска с боем овладели «крепостью». Всего было убито и потонуло в Иртыше более 150 повстанцев. Потери белогвардейцев: убито 6 человек (из них 5 казаков), ранено 6 человек (в том числе 3 казака).

7. Участие 6 сотни 3 Сибирского казачьего полка в борьбе с партизанами в Урянхас⁵ и Минусинском уезде (лето 1919 г.). По квартирному расписанию частей Сибирского казачьего войска за апрель-июль 1919 г. названная сотня временно числилась в г. Белоцарске, центре Урянхайского края. Когда же она пришла в Урянхай? Точных данных на этот счет пока нет. Возможно еще осенью 1918 г.⁶ Известно, что назначенный ВСП главой Урянхая Турчанинов прибыл в край в октябре не один, а с сотней казаков. Но то могли быть не сибирцы, а енисейцы⁷. Командование могло также перебросить 6 сотню в Урянхай уже после возвращения 3 полка из Семиречья, весной 1919 г., причем только на определенное время: для участия в широкомасштабных карательных операциях против партизан и повстанцев, запланированных на май-июнь. Так или иначе, но 6 сотня 3 Сибирского казачьего полка летом оказалась вовлеченной в тяжелейшую, и с переменным успехом, войну против партизан Енисейской губернии.

Надо сказать, что енисейское казачество, в помощь которому пришла сотня сибирцев, кажется, первым в Сибири познало всю глубину, весь ужас межсословной Гражданской войны. Еще в ноябре 1918 г. в Минусинском у. на почве взыскания властями податей, ловли дезертиров и уничтожения самогонных аппаратов случилось крупное крестьянское восстание (до 8 тысяч участников, но с огнестрельным оружием не более 2 тысяч человек). Одно из главных требований повстанцев состояло в уничтожении казачества как привилегированного сословия, немедленном уравнении его с крестьянством в отношении размеров земельных наделов. В своем стремлении сбросить «казацкое иго» крестьяне стали угрожать станицам, и казаки вынуждены были приступить к созданию самоохранный. Одной из первых возникла дружина в станице Каратузская (до 200 человек). Каратуз - это большое казачье-крестьянское селение, почти город, центр минусинского казачества. Но не успели каратузские дружинники толком организовать, как подверглись неожиданному нападению. 11 ноября восставшие во главе с самогонщиком Кульчицким ворвались в станицу. Часть казачьей дружины (около 100 человек) заняла оборону в центре селения. Казаки залегли за церковной оградой, заперлись в самом храме и встретили повстанцев ружейным огнем. Произошла небольшая перестрелка. Затем крестьяне затеяли переговоры, требуя от дружинников сдать оружие. Выхода казаки не видели, они были обложены со всех сторон и на скорый приход помощи не надеялись. А восставшие соблазняли их пощадой и забвением прежних вин. *«Получив обещание оставить их живыми, казаки выдали мятежникам 147 винтовок, после чего крестьяне бросились в церковь, вытаскивали оттуда по одиночке и с диким криком убивали казаков кто чем мог».*

Повстанцы с трех сторон обложили Минусинск. Гарнизон города состоял всего лишь из 50 штыков при одной рудии и четырех пулеметах. Но городская дума мобилизовала свыше

900 «надежных граждан». Да и енисейские казаки, наученные каратузскими событиями, более не колебались. Их сборная дружина в 250 человек активно включилась в боевые действия. Минусинск тогда удалось отстоять. На подавление восстания Белое командование двинуло сборный отряд из войск 4 Сибирского стрелкового корпуса под началом забайкальского казака генерала И.Ф.Шильникова в составе трех рот пехоты и двух казачьих сотен при одном орудии и нескольких пулеметах. Скоротечными боями в районе с.Городок и под Минусинском Шильников разгромил и рассеял повстанцев. В уезде наступило успокоение. Однако для Енисейской губернии в целом описанное восстание имело огромное значение. Оно дало толчок повстанческому движению на р.Мане (первая половина декабря 1918 г.), которое, в свою очередь, вылилось в создание на юге Красноярского и Канского у. в марте 1919 г. «Степно-Баджейской партизанской республики» («Манского» или «Камарчагского» фронта).

В июне 1919 г. белые и интервенты уничтожили «Степно-Баджейскую республику». Разбитая партизанская «армия» в ужасном морально-психологическом состоянии бежала в глубь безлюдной тайги. Спасло ее чудо. Красные нащупали в белом окружении слабое место: там, где стоял дивизион итальянских интервентов. Бросившись в отчаянии на итальянцев, они прорвались и, совершив тяжелейший переход по тайге, горными тропами ушли на юг в Минусинский у. Затем случилось еще одно чудо, впрочем, хорошо известное со времен Крестьянской войны Е.Пугачева. У дракона вместо отрубленной головы выросло три. Только что разбитая армия начала расти, как снежный ком, катящийся с горы.

Минусинск красные обошли, зато заняли Каратуз. Станичные власти, не сумев организовать сопротивления и страшась повторения ноябрьской резни, позорно бежали. И впоследствии их поведение специально рассматривал в Красноярске Войсковой Круг Енисейского казачьего войска. После Каратуза счастье однако еще раз изменило партизанам. Их настиг и дважды (под с.Ермаковское и южнее дер.Григорьевская) разбил отряд сотника Г.К.Бологова. Полуразбежанные красные спаслись бегством через Саянский хребет в Урянхайский край. Сначала они хотели бежать дальше в Монголию. Но неожиданность и быстрота вторжения в Урянхай позволили партизанам занять 18 июля Белоцарск, где им достались большие трофеи: два пулемета, несколько сот винтовок (правда, частью берданки), свыше 100 тыс. патронов. Красные повесили духовного главу урянхайцев Хайдупа и расстреляли его приближенных.

Белые преследователи явно недооценили противника. Храбрый сотник Бологов со смешанным, казачье-пехотным отрядом, с пулеметами и артиллерией спешил к Белоцарску, чтобы окончательно уничтожить чуть-чуть недобитого им врага. Но красные уже несколько оправились и стали способны на контрудар. А главное, во главе партизан стояли люди, вне всякого сомнения, выдающиеся: командарм А.Д.Кравченко и начштаба П.Е.Щетинкин. Первый был мозгом «армии», второй - ее сердцем. Оба крестьянские сыны. Кравченко - агроном, лесничий, прапорщик военного времени, член Ачинского совдепа и большевик. Щетинкин - простой крестьянин, солдат, заслуживший на Германском фронте не только четыре Георгиевских креста, но и офицерский чин штабс-капитана! Это был военный самородок. Енисеец Г.К.Бологов тоже являлся одним из выдающихся казачьих офицеров Гражданской войны⁸. Например, позднее на Дальнем Востоке, он в чине войскового старшины просто блестяще командовал конным отрядом из енисейцев и сибирцев во время похода в верховья р.Иман (декабрь 1921 г. - январь 1922 г.) или Сводно-казачьим полком из енисейских, сибирских и уральских казаков во время боев в районе с.Ивановка (сентябрь 1922 г.). Но это будет потом, а тогда, летом 1919-го, молодой и горячий Бологов не заметил ловко расставленных сетей. Кравченко и Щетинкин заманили его к самому Белоцарску в западню, устроенную на левом, высоком берегу Енисея. Как только сотник с отрядом попался, красные захлопнули ловушку и всеми силами навалились на окруженного противника. 16 августа белые были буквально сброшены с крутых скал в Енисей. Из этого побоища мало кто из них ушел, во всяком случае, невредимым. Сам Бологов, раненый, бежал на Минусинск. Партизаны взяли огромную добычу: два орудия, 10 пулеметов, сотни винтовок, 3 тыс. снарядов, около 400 тыс. патронов!

С новыми силами красные перешли из Урянхая в наступление на Минусинск, который 13 сентября после нелепой судорожной эвакуации был белыми сдан. Заняв Минусинскую котловину, Кравченко и Щетинкин приобрели прекрасную базу: богатейший земледельческий район с 350-тысячным населением, железодельным заводом, больницами и различными запасами. Здесь они довели к середине ноября свою «армию» до 8 тысяч человек пехоты и полутора тысяч конницы, при двух орудиях и 25 пулеметах. С такими силами партизаны продолжали борьбу с белыми на северной границе Минусинского у. вплоть до окончательного разгрома последних. При этом лозунги партизанской «армии» были просты. Щетинкин тогда говорил: «*Я иду против милиции, против казаков, против Колчака*».

Имеющиеся данные о действиях белоказаков в Минусинском у. и Урянхайском крае, к сожалению, не дают возможности распознать, в каких случаях действовали енисейские казаки, в каких сибирские, а в каких - те, и другие. Неизвестно, отозвали ли 6 сотню 3 Сибирского казачьего полка в августе-сентябре 1919 г. в свое войско, или она до конца, до краха армии адмирала А.В.Колчака, так и оставалась на «Минусинском» фронте. Осенью в станицах 3 военного отдела Сибирского казачьего войска о сотне не было никаких сведений. На письма и телеграммы родственников казаки не отвечали. Среди станичников пошел слух, что 6 сотня 3 полка в Урянхайском крае «сильно пострадала». По-видимому, если принять во внимание падение Белоцарска, Минусинска и разгром отряда Бологова, так оно и было.

8. Освобождение строевыми и самоохранными сотнями Бийской казачьей линии от восставших крестьян (август-сентябрь 1919 г.). В августе на Алтае Сибирское казачье войско получило сильный удар. Крестьяне-повстанцы напали на Бийскую линию и взяли на ней семь станиц. Особенно драматично развивались события в станице Чарышская.

4 августа чарышцы получили от антоньевского станичного атамана, сведения о появлении на казачьей линии красных партизан. *«Станица всколыхнулась и стала в боевую готовность»*. Антоньевский атаман новым сообщением успокоил, что «банда незначительна, опасности никакой». Но вскоре он запросил помощи, т.к. партизанский отряд быстро увеличивался за счет восставшего крестьянского населения. Чарышская сотня самоохраны (выборный командир - ст.урядник И.С.Иванов) незамедлительно выступила на север, на помощь станице Антоньевская. В том же направлении пошла и сотня самоохраны станицы Тулатинская (в 17 верстах к югу от Чарышской). Чарышцам и тулатинцам не удалось достичь цели своего движения. Они столкнулись с повстанцами на полпути к Антоньевской у станицы Маральевская. Красные угрожали Маральевской с двух сторон: от дер.Крутишки и от дер.Полушиха. Соединившись с маральевцами и тулатинцами, чарышцы вступили в бой. Два наступления на станицу казаки успешно отбили. Однако севернее Маральевской обстановка складывалась неблагоприятно. Пополнившись местными крестьянами, красные усилили нажим, и соседняя станица Слюденская не выдержала и сдалась. Связь с Антоньевской и другими станицами, лежавшими на пути к Бийску, прервалась. Последнее сообщение, полученное из того района, от начальника бийской уездной милиции, было крайне пессимистично: *«Красные теснят, заняты переправы на Чарыше и окольные села, патроны на исходе, поддержки со стороны Бийска ожидать безнадежно»*. Тем не менее, в районе станиц Маральевская и Сосновская (25 верст севернее Чарышской) казаки продолжали «стойко бороться с многочисленными бандами». Основную роль играли чарышцы, тулатинцы и часть сосновцев. Станичные сотни самоохраны все время, почтой и нарочными (телеграфа на Усть-Каменогорск не было), просили у атамана 3 военного отдела срочной помощи. Но никакого ответа так и не получили. Между тем красные давили все сильнее и охватывали со всех сторон. Казаки были вынуждены отступать. Пала Маральевская, затем Сосновская. На очереди была Чарышская.

С наступлением партизанской «армии» на Чарышскую пламя крестьянского мятежа охватило район к югу от нее (станицы Тулатинская, Яровская, Тигирецкая). Повстанцы (до 5000 человек) обложили Чарышскую. В станице сгрудились беженцы, остатки самоохраны станиц Маральевская и Сосновская и даже крестьяне соседней дер.Верзиловка. Тулатинская сотня по призыву своего общественного сбора ушла защищать родную станицу. Станицы Яровская и Тигирецкая ничем помочь не могли, т.к. сами были «в опасности со всех сторон». Из Усть-Каменогорска не было никаких вестей. Чарышская оказалась предоставленной сама себе. Надежда на поддержку угасла. Патроны кончались. Разлившаяся река Чарыш препятствовала свободному отступлению, особенно с семьями. Положение казалось безнадежным. Станичные власти выпустили управление из рук. Дух большинства казаков был подорван. *«Ужас и паника охватили всех, гибель была перед глазами. Тут же упорно распространялись слухи, что город Усть-Каменогорск отрезан красными. Все метались в разные стороны, и восстановить какой-либо порядок власти были бессильны. Все это создало благоприятную почву большевизму»*.

Смутьянами выступили разночинцы, а также сосновцы, многие из которых в дореволюционный период по сути окрестьянились, а весной 1918 г. официально расказачились. Они вернулись в казачье сословие только после угрозы 4 Войскового Круга отобрать у них юртовые наделы и выдворить всех их с территории Сибирского войска. Теперь просоветские элементы подняли головы и открыто стали критиковать местные власти, чинов милиции, командный состав самоохранных сотен и вообще всех казаков, активно боровшихся с красными. В условиях паники, разброда и шатаний левые смогли организовать. *«Большевистки настроенных оказалась сильная группа, и они повели аресты»*. То есть в станице Чарышская произошел переворот. Заго-

ворщики начали хватать стойких защитников. Белые разбежались. Каждый сам искал спасения для себя и близких. Многие казаки с семьями укрылись в окрестностях станицы, в горах, лесах и оврагах. Некоторые, бросив домочадцев, спаслись вплавь через р.Чарыш. Они полагали, что лучше бежать на Усть-Каменогорск, а если он отрезан, скрыться в лесах, только бы не попасть в руки врага. Тем временем переворотчики отправили из Чарышской депутацию к повстанцам. Красные без боя вошли в станицу и первым делом потребовали собрать все оружие. Казаки сдали им четыре воза винтовок и один пулемет, а часть оружия зарыли в назьмах и оврагах. Повстанцы при помощи местных большевиков стали искать и хватать прятавшихся казаков, милиционеров и вообще всех сторонников колчаковского правительства. Их помещали под арест. Уже тогда были учинены первые жестокие расправы над частью арестованных чарышцев. Так, красные зверски убили есаула В.И.Шестакова, бывшего чарышского станичного атамана.

На левом, южном берегу Чарыша собралась группа казаков (до 35 человек) из числа тех, кто спасся вплавь через реку. Этот маленький отряд двинулся на станицу Тулатинская, которую нашел пустой. Местная самоохранная сотня и жители отступили на юг, на станицу Яровская. Чарышцы пошли в том же направлении. На седьмой версте от Тулатинской, на Малиновой горе, они встретились с тулатинцами, прикрывавшими эвакуацию своих семей. Отряды соединились, что подняло дух бойцов. Казаки решили снова оказать сопротивление. Они были настроены так непримиримо, что когда к ним приехали делегаты повстанцев с предложением о сдаче, то порубили их шашками. Перейдя в контрнаступление, станичники выбили красных из Тулатинской, а затем двинулись далее на север. Впереди шли 20 чарышцев. Однако казаки смогли пройти только полпути до Чарышской (около 8 верст) и перешли к обороне. Здесь они продержались двое суток. Потом красные, собравшиеся с силами, стали наступать. Натиск был такой мощный, что тулатинцы и чарышцы обратились вспять. Они сдали вторично Тулатинскую, а затем и Яровскую. Под станицей Тигирецкая отступавшие казаки, наконец-то, встретили помощь, посланную атаманом 3 отдела полковником Ляпиным. Это был отряд есаула Горбунова.

Крестьянское восстание в районе Бийской линии достигло значительного масштаба. Белому командованию пришлось бросить на его подавление немалые силы: с севера - чехов и поляков, с юга, из Усть-Каменогорска - строевых казаков. Точных данных о составе казачьего «Карательного отряда по усмирению красных Бийской линии» нет. Но есаул Горбунов командовал 3 Сибирским казачьим отдельным дивизионом. Значит основу отряда составляли 2-я и 3 сотни его дивизиона, расквартированные в Усть-Каменогорске. По-видимому, им придали еще какие-то подразделения из 9-го, 12-го или 15 Сибирских казачьих полков, формирование которых шло в центре 3 военного отдела. Несомненно должны были дать и несколько пулеметов, скорее всего из пулеметной команды 9-го или 12 полков.

Тулатинцы, чарышцы и яровчане присоединились к Горбунову. Есаул повел наступление и отбил Яровскую и Тулатинскую. В авангарде отряда Горбунова находились чарышские казаки, буквально рвавшиеся к родным очагам и семьям. В 8 верстах от Чарышской Горбунов остановил отряд на отдых. Чарышцы же выдвинулись вперед и заняли берег р.Чарыш. Вероятно, именно они захватили на переправе через реку и изрубили повстанческую заставу В.И.Кондратьева из 14 человек. Со своей позиции казаки хорошо видели, что творится на другом берегу в станице. На их глазах красные издевались над казачьим населением, расхищали имущество, нажитое тяжелым трудом. Не имея более сил терпеть, чарышцы просили Горбунова разрешить им действовать. Есаул сковывать инициативы не стал. На рискованное предприятие добровольно вызвалось 18 чарышцев. В ночь на 28 августа они бросились к переправе, под залповым огнем противника перешли реку, а на заре кинулись в атаку. Красные панически бежали. По-видимому, они уже не надеялись сохранить Чарышскую и держали в ней лишь слабый заслон. Иначе не объяснить, как 18 смельчаков смогли взять станицу, на которую не решился сразу идти есаул Горбунов, имевший пулеметы и не одну сотню строевых казаков и дружинников самоохранны. Ворвавшись в Чарышскую, белые стали выискивать и вязать тех, кто был повинен в сдаче станицы. Среди арестованных оказалось и 18 казаков. Их увели из станицы и, вероятно, расстреляли.

Красные заранее эвакуировали из Чарышской и других станиц пленных и арестованных казаков. Полмесяца их водили из деревни в деревню и издевались. Наконец между дер.Сибирячиха и Черемшанка повстанцы учинили казни. Всего, по советским данным, здесь было расстреляно и зарублено 205 человек. Самой массовой казнью стало уничтожение на горе близ Сибирячихи большой группы казаков станицы Чарышская (до 130 человек). Повстанцы срывали со станичников одежды и рубили. Из всех арестованных и уведенных красными чарышцев остались в живых только двое - В.Я.Николаев и И.К.Серебрянников. Им помогло давнее знакомство с командиром одного из партизанских отрядов Пичугиным, который их и спас. Впрочем у коммунистов

была хорошая память. Оба счастливица, избежавшие смерти в 1919 г., были арестованы через десятилетие во время коллективизации и расстреляны в декабре 1929 г.

Из приговора Чарышского станичного общества № 47 от 5 октября 1919 г.: *«Вечная память невинно сложившим свои буйные головы. Видя гибель своих семейств, вы погибли за них сами. Мы, оставшиеся в живых чарышане, Ваши братья и дети, считаем священной обязанностью и даем клятву отомстить гнусным злодеям за невинно пролитую кровь. Мы не пощадили и выдали предателей ваших. С твердой уверенностью в правоте нашего дела неукоснительно будем преследовать всех виновных и обещаем твердо исполнить по совести Святой долг перед Родиной и Отечеством... А память мучеников-казаков просим разрешить увековечить постройкой памятника на братской могиле.»*

Правительственные войска при поддержке сотен станичной самоохранный очистили Бийскую казачью линию. Все освобожденные от повстанцев станицы оказались жестоко разграбленными. От рук красных погибло более 300 казаков Бийского и Змеиногорского уездов. Белые, естественно, стали мстить. По повстанческим селениям пошли «гулять» карательные отряды, которые арестовывали, расстреливали, вешали. Одним из таких отрядов командовал хорунжий Щеголов. Под его началом, по-видимому, поступили и уцелевшие казаки Чарышской и соседних станиц. Возможно они составили в карательном отряде Щеголова отдельный взвод (командир - ст. урядник И. Г. Баженов, казак станицы Тигирецкая).

Мстя врагу, белоказаки не забывали и о материальной стороне дела, стремясь хоть как-то компенсировать потери своих хозяйств от повстанцев. Один из красных свидетельствовал: *«Деревни, расположенные вблизи казачьей линии, каратели подвергли поголовному ограблению. Из Чарышской станицы и других казачьих поселков потянулись целые вереницы обозов: ехали старики, ехали женщины и подростки, чтобы грабить крестьянское добро. Под охраной вооруженных казаков погружалось и увозилось все, что попадалось на глаза и имело ценность: хлеб, сельскохозяйственные машины, телеги, сруби, кожи, одежда...»*

Казаки, выполнявшие особые сословные обязанности, имели за это и более крупные земельные наделы, что являлось предметом зависти со стороны других земледельцев, тем более, что обремененные военной службой казаки не всегда могли обрабатывать свои паи эффективно и нередко сдавали их в аренду крестьянам. Поэтому столь популярный лозунг революции о передаче земли тем, кто обрабатывает ее собственным трудом, натравливал крестьян не только на помещиков, но и на казаков. Это являлось общей причиной межсословной борьбы в казачьих областях в Гражданскую войну.

На Алтае положение еще в дореволюционную эпоху было усугублено земельными противоречиями между Сибирским казачьим войском и Алтайским горным округом, и особенно ошибками при практическом землеустройстве и межевании. Кровавопролитие на Бийской линии произошло на почве давних споров между казаками и крестьянами из-за земельных и лесных угодий, которые и до революции приводили к дракам, увечьям, а то и к смертоубийству. Еще в 1871 г. Томская казенная палата водворила на земли чарышских казаков, всего в 8 верстах от станичного поселения, новоселов, что вызвало недовольство и насилия казаков по отношению к крестьянам. Здесь были корни особенно обостренной вражды. В период первой русской революции власти часто привлекали легких на подъем и благонадежных станичников для подавления крестьянских волнений. Именно сибирцы усмиряли лесные бунты в Бийском и Змеиногорском уездах. Например, в 1906 г. казаков пос. Сосновский станицы Чарышская послали утихомирить соседнюю дер. Сосновка, дело тогда дошло до перестрелки между станичниками и крестьянами.

В Гражданскую войну участие самоохранных сотен в мероприятиях по поддержанию порядка и укреплению власти еще более раздражало крестьянское население. Вражда перерастала в неприязнь всего казачьего, в ненависть и жгучее желание «вырезать казаков». Приведем символический пример. Общество дер. Мирнолюбовская Устькаменогорского у. категорически отказалось принять чтимую икону Св. Ильи из казачьего пос. Северный, хотя прежде икона ежегодно обносилась по окрестным селам и деревням. Летом же 1919 г. крестьяне заявили: *«Нам не надо казачьего Бога!»*.

Вооруженная борьба обеими сторонами велась крайне жестоко и корыстно (убийства, порки, сожжение домов, грабежи, изнасилования и т.д.). Эти события настолько очевидно показали беззащитность станиц Бийской линии в окружающем их крестьянском мире, что верхушка войска серьезно обсуждала мысль о переселении (к весне 1920 г.) бийских казаков на юг Семипалатинской области с тем, чтобы «разъединить элементы, вспыхивающие при соприкосновении и необходимые, полезные государству в отдельности».

Объективности ради следует упомянуть, что некоторые бийские казаки, особенно станицы Сосновская, в результате описанных событий оказались в рядах партизан. Разночинцы и казаки,

выявившие во время захвата их станиц повстанцами свое «большевистское настроение», конечно, не могли рассчитывать на прощение. При отступлении с Бийской линии повстанческой «армии» они присоединились к ней. Заметная группа «чарышских казаков» образовалась в 7 полку Красных орлов Ф.Е.Колядо. Советский мемуарист, бывший партизанский комкор И.В.Громов определил ее численность примерно в 300 человек. Но такое число красных казаков для данного, пораженного восстанием участка Бийской линии просто нереально. Приведенная цифра не соотносится с общим количеством казаков, годных к военной службе, уже частью призванных в Русскую армию, частью уничтоженных повстанцами, частью воевавших на стороне белых в составе самоохранных сотен и карательных отрядов. Очевидно, что настоящих казаков среди «красных орлов» Колядо было в несколько раз меньше.

И при этом численность «казачьих сотен» 7 партизанского полка, действительно, могла достигать 300 человек. Дело в том, что в некоторых станицах Бийской линии разночинцы численно и морально преобладали, особенно сильно влияя на казачью бедноту. В то же время, живя бок о бок с казаками, они многое перенимали у них, например, казачью манеру верховой езды, правила ухода за лошадью и т.д. В Гражданскую войну большевики, ненавидя и уничтожая «казару» (белоказак) вместе с тем отдавали должное высоким и специфическим качествам казачьей конницы. Известны случаи, когда красные из рабочих и крестьян, даже видные командиры, любили носить казачью форму (кроме погон и кокард), предпочитали использовать казачьи седло, нагайку, шашку. Из истории Гражданской войны на Дону, в Оренбуржье и Забайкалье хорошо известно, что так называемые красноказачьи кавотряды часто имели только ядро из казаков. То были молодые и горячие головы из станичной голытьбы, бесхозные и непутевые в мирной жизни, зато научившиеся за 1914-1917 гг. виртуозно воевать, почувствовавшие вкус к войне, и к тому же увлеченные идеей социальной справедливости и просто возможностью «тряхануть буржуев». Но большинство этих отрядов составляла иногородняя (разночинская) бедняцкая молодежь. Конной службы она, как правило, не знала. Поэтому с жадностью перенимала опыт своих товарищей-казаков: приемы владения оружием, езды, ношения формы и амуниции, кавалерийскую тактику, лихость и т.д., - словом, училась воевать «по-казацки». Еще более ярким примером подражательства и псевдооказачивания большевиков было так называемое «червонное казачество» на Украине, никакого прямого отношения к казачьему сословию не имевшее. Полагаю, на Бийской линии «красноказачьи» подразделения также были смешанными, разночинско-казачьими. В захваченных станицах Сосновская, Чарышская и др., повстанцы взяли достаточное количество казачьих строевых лошадей, седел, шашек и пр., чтобы составить одну-две конные сотни. Так что какая-то часть пришлых крестьян и местных разночинцев вполне могла вооружиться и снарядиться «по-казацки», став товарищами-учениками для немногочисленных «красных казаков».

Во всяком случае эти несколько десятков, максимум сто с небольшим человек - это единственное, что дало сибирское казачество в красные формирования за период с мая 1918 г. по октябрь 1919 г.⁹ Любопытен финал службы этих сибирцев в партизанском корпусе И.В.Громова. В середине ноября 1919 г., во время ширококомасштабной карательной операции против партизан 300 «чарышских казаков», помитинговав и решив, что сражаться вдали от родных мест нет никакого смысла, дезертировали из 7 полка Ф.Е.Колядо и вообще из повстанческой «армии» и направились по своим селениям.

9. Ликвидация восстания петроградских коммунаров¹⁰ и крестьян на Бухтарминской линии 23-28 сентября 1919 г. Восстание было подавлено в зародыше самоохранными сотнями ближайших станиц. Около 200 арестованных отправлено в Зырянск и далее на Змеиногорск, а группа в 28 коммунаров («большевики-агитаторы», начальник конвоя Решетников) - в Усть-Каме-ногорск. В дороге Решетников получил из станицы Бухтарминская, от начальника милиции И.Е.Щербакова¹¹ приказ расстрелять всю группу. Сход станицы Старо-Александровская (станичный атаман Злобин), на котором был оглашен приказ, постановил выполнить его, и 28 коммунаров были казнены 1 октября 1919 г. в Александровском ущелье при большом стечении казачьего населения. Расстреливали арестованных казаки станиц Старо- и Ново-Александровских и Березовская.

10. Наступление 14-16 ноября 1919 г. от ст.Рубцовка Алтайской железной дороги на с.Волчиха - одну из основных баз партизанской армии Мамонтова. Кроме регулярной конницы и пехоты в наступлении участвовал один казачий полк. Командовал операцией Сибирского казачьего войска генерал-майор И.С.Ефтин¹². Действия не были завершены из-за крушения главного фронта.

Среди менее значимых карательных операций отметим участие 3 сотни 1 Сибирского казачьего полка под началом прапорщика В.Губина в подавлении восстания в Тюкалинске, сотни

2 полка - в Тарском уезде и др. Нередко командирование казачьих подразделений имело не карательный, а превентивный характер. Если власти начинали чувствовать шаткость своего положения, боялись восстаний, забастовок и других актов неповиновения, то заранее просили казаков как надежную военную силу. Например, весной 1919 г. команда в 30 человек 3 сотни 1 Сибирского казачьего отдельного дивизиона охраняла порядок на Спасском медеплавильном заводе (более 200 верст юго-восточнее Акмолинска). А в июне там расположилась вся 3 сотня. Когда в начале августа 1919 г. в Войсковом штабе узнали о ненадежности гарнизона Атбасара, состоявшего тогда из одной роты пехоты, то начальник штаба полковник Михайлов приказал срочно перебросить из Кокчетава в Атбасар одну сотню 1 Сибирского казачьего отдельного дивизиона, что и было выполнено. С приходом казаков ненадежную роту из Атбасара скорее всего увели. Во всяком случае полковник Михайлов настоятельно просил об этом начальника штаба Верховного главнокомандующего. Привлекали казаков и к конвоированию пленных и заключенных. Так, однажды в Омске казаки 1 Сибирского казачьего полка конвоировали из концлагеря для посадки на пароход партию в тысячу человек. Казачьи части выполняли охранные и карательные задачи, как правило, в ближайших к войсковой территории районах. Но бывали и исключения. Наиболее яркий пример - участие 6 сотни 3 полка в борьбе с партизанами в Урянхайском крае и Минусинском уезде, о чем уже упоминалось выше.

Станичники часто привлекались властями к ловле крестьян, уклонявшихся от призыва в армию, и солдат, дезертировавших из нее. Причем эти операции обычно сопровождалась порками населения, укрывавшего своих родственников-дезертиров. Боролись казаки и с уголовной преступностью. Так, летом 1918 г. Атаманская самоохранный сотня уничтожила конокрадов, скрывавшихся на казачьих заимках.

Следует отметить упорную работу войска по созданию частей местной самоохранный. Первое Положение об этих частях было разработано Войсковым штабом в сентябре 1918 г. Предназначались они для охраны территории войска и войсковых интересов. Зачислялись в сотни, полусотни и взводы самоохранный казаки 18-45 лет. Командовали отставные офицеры и урядники. Обмундирование и снаряжение допускались произвольные. Казаки жили по своим домам, а на охранную службу привлекались периодически и поочередно. Службу несли на основе воинских уставов. Конечно, даже временная служба отвлекала казаков от хозяйства, от семьи, и они тяготились ею, тянули с образованием самоохранный, если, конечно, не было какой-либо реальной опасности их интересам со стороны других групп сельского населения. К 7 мая 1919 г. почти в 40% станиц самоохранный еще не было. А в созданных частях не хватало строевых лошадей, седел, винтовок, патронов, шашек и пр. Главным оружием являлась устаревшая винтовка Бердана № 2. Увеличение количества самоохранный частей, улучшение управления ими, усиление вооружения (вплоть до отправки в отдельные станицы пулеметов) - все это произошло летом-осенью 1919 г., когда многие станицы оказались напрямую вовлечены в борьбу с красными.

В 1919 г. Войсковой штаб Сибирского казачьего войска настолько усовершенствовал «Положение о самоохранный», что действие его приказом начальника штаба главноверха от 29 июля было распространено на остальные казачьи войска Азиатской России. Согласно Положения, вся территория войска делилась на «районы взаимопомощи», в каждом из которых ежедневно дежурила команда из состава самоохранный сотен и полусотен. Она объезжала свой район, в том числе соседние крестьянские деревни, и наблюдала за тем, что происходит среди жителей. В случае серьезной опасности посылались гонцы в соседние районы. Казачья самоохранный производила также разведку селений и местностей одиночными людьми. Отдельно имелись планы привлечения частей местной самоохранный к подавлению восстаний в областных и уездных центрах. Чинам этих частей разрешено было уничтожать красных агитаторов на месте преступления.

Иногда в «сети» дежуривших казаков попадала крупная «рыба». Так, в начале сентября около станицы Ачаирская чины сотни самоохранный, перехватив обоз подпольщиков с оружием, взяли в нем 170 винтовок, несколько пулеметов, гранаты. Разумеется самоохранный станиц широко привлекалась властями к поддержанию порядка в ближайших крестьянских волостях. Эффективность системы самоохранный, созданной в 1919 г. в Сибирском войске, была доказана быстрым подавлением ряда восстаний. Разгром же в августе самоохранный частей Бийской линии объясняется, главным образом, слишком большим неравенством сил, а также отсутствием телеграфной связи станиц с Усть-Каменогорском, центром 3 отдела, что не позволило вовремя вызвать помощь. Безусловно сыграли свою роль и такие факторы, как внутренняя нестабильность в некоторых станицах (окрестьянивание беднейшей части казаков, сильное влияние разночинцев) и начало тотальной мобилизации, ослабившей станичную самоохранный. В период оставления войсковой территории под ударами Красной армии командование пыталось использовать каза-

чи самоохранные части на фронте. Однако в силу низких боевых качеств личного состава (старики и малолетки), плохого вооружения и всеобщего хаоса эти части могли играть лишь вспомогательную роль и при отступлении расходились по домам прежде, чем казаки строевых полков.

¹ Сибирское казачье войско - третье по старшинству казачье войско России (после Донского и Терского). Вело начало от дружины Ермака, точнее - от легендарного дня принятия ее на царскую службу 6 декабря 1582 г. (день войскового праздника). Состояло из трех военных отделов: 1-й - с центром в Кокчетаве, 2-й - в Омске, 3-й - в Усть-Каменогорске. Отделы делились на станицы (к 1914 г. всего 48). Столица войска - Омск, где находились все общевоисковые учреждения. Население войска к 1 января 1914 г. - 298 284 человек, в том числе 167 985 душ войскового сословия, остальные - разночинцы (иногородные). Казаки делились так: 1349 человек - генералы, офицеры и чиновники с семьями, нижних чинов с семьями - 166 636 человек. Этнический состав сибирского казачества: 94,3% русские. 4.89% мордва. 0.81% татары. Последние - мусульмане. Раскольников и сектантов среди сибирцев был 1%. Остальные 98,19% - православные. Проживали казаки в 48 станичных поселениях (центрах станиц), 123 поселках и 16 выселках. В 1917 г. большинство казачьих поселков выделилось в самостоятельные станицы, число коих к 9 августа 1917 г. достигло 133. В Омском у., например, не осталось ни одного поселка, все стали станицами.

Территория войска в начале XX в. напоминала об утраченных им функциях защиты границы и колонизации степи. Основная часть казачьих земель тянулась узкой (шириной 10-30 верст) сплошной лентой от р. Тобол через Петропавловск, Омск, Павлодар, Семипалатинск и Усть-Каменогорск до пос. Мало-Красноярский. Эта лента по традиции разделялась на линии: *Пресновскую* - от пос. Сибирский, на границе с Оренбургской губернией (чуть восточнее Тобола), до Петропавловска; *Горькую* - от Петропавловска до Омска; *Иртышскую* - от Омска до Усть-Каменогорска. После Усть-Каменогорска лента казачьих земель раздваивалась на две линии: *Бухтарминскую* и *Бийскую*, которые, в отличие от вышеназванных, не были сплошными земельными полосами. Бухтарминская шла по р. Иртыш, Нарым и Бухтарма до пос. Урьльский, почти на китайской границе. Бийская - от Усть-Каменогорска на Бийск, не доходя 50 верст до этого города. Остальные поселения войска были разбросаны «оазисами» по степи, на важнейших коммуникациях. Более всего таких станиц находилось к западу и юго-западу от Кокчетавы. Казачьи поселения входили во все уезды Степного генерал-губернаторства: в Акмолинской области - в Омский, Петропавловский, Кокчетавский, Акмолинский и Атбасарский; в Семипалатинской области - в Павлодарский, Семипалатинский, Усть-Каменогорский, Каркаралинский и Зайсанский уу. Кроме того, Бийская линия шла через Змеиногорский и Бийский у. Томской (с 1917 г. Алтайской) губернии. Таким образом, войско было разбросано на огромной территории. Расстояние от пос. Сибирский до пос. Урьльский равнялось 1801,5 верстам. Удельный вес казаков в составе сельского населения края был незначителен: от 20% в Петропавловском у. до 0,5% - в Каркаралинском. Влияние казачества как бы дробилось и растворялось в окружающий его крестьянском и казахском «моря».

В мирное время войско выставляло полусотню Лейб-гвардии Сводно-казачьего полка и 3 Сибирских казачьих полка (18,5 конных сотен), в военное - после всеобщей мобилизации - еще 6 конных полков и 3 запасных сотни с отделениями конского запаса при них (всего 57,5 сотен). Реально в Мировую войну 1914-1917 гг. войско выставило: гвардейскую полусотню, 9 полков, артдивизион (3 батареи). 3 отдельные сотни, 3 особые сотни, 2 запасных дивизиона (6 сотен), 2 взвода Сводно-казачьей запасной батареи, всего 66,5 конных сотен и 3,5 конно-артиллерийских батареи. И это, не считая специальных команд Сибирской казачьей дивизии (пулеметной, конно-саперной, связи, партизанского отряда), 4 отделений конского запаса и станичных самоохранных частей периода киргизского восстания 1916 г. (2 сотни и 4 полусотни). К середине 1917 г. войско дало армии более 16 тысяч казаков.

² Между прочим, вступавшие в этот эскадрон добровольцы давали обещание не пить спиртных напитков.

³ 1 Оренбургский казачий полк (в составе четырех конных сотен) входил в партизанский отряд Б.В. Анненкова. Атаман сформировал его в районе Троицка в августе 1918 г. после боев на Верхнеуральском фронте из оренбургских казаков-добровольцев.

⁴ Атаманский хутор - пригород Омска, вокруг одноименной железнодорожной станции. Основан в 1896 г. как выселок казаков станицы Омская. К 1917 г. представлял собой совокупность следующих поселений: станица Атаманская, ст. Омск. Белый и Черный городки, Порт-Артур, выселок Сильвестровский, курорт Чертова Яма. Все строения этих населенных мест, за исключением находившихся в полосе отчуждения железной дороги, располагались на юртовой земле казаков станицы Атаманская. К революции хутор по размерам, населению и экономическому потенциалу фактически являлся городом. К 1 января 1918 г. в нем проживало 28 750 человек. Казаков же из них было всего 1050 душ обоего пола.

⁵ Урянхай, Урянхайский край - современная Тува.

⁶ Тогда получается, что 6 сотня со своим полком летом 1918 г. в Семиречье не ходила.

⁷ Енисейцы - казаки Енисейского казачьего войска (в 1917 г. свыше 14 тысяч человек обоего пола). Историческое начало их относится к XVII в., когда сибирскими казаками были основаны Турухан-

ское зимовье (1607 г.) и Енисейский острог (1619 г.). До революции своего войска не имели. В 1900-1901 гг. обсуждалась идея о присоединении енисейских и иркутских казаков к Сибирскому войску в качестве 4 военного отдела. Для исследования вопроса на местах военный министр командировал в Енисейскую и Иркутскую губернии двух офицеров Сибирского казачьего войска: войскового старшину Н.Г.Путинцева и есаула А.Р.Елфимова. Идея реализована не была, главным образом ввиду страшной разбросанности енисейцев на огромной территории (от верховьев до устья р.Енисей). При таком положении руководить казаками из Омска было нереально. Но енисейцы и без войсковой организации безусловно были необходимы для охраны внутреннего порядка, прикрытия государственной границы в районе горных проходов через Саяны и для проведения русского влияния в Урянхайском крае и Внешней Монголии. В Минусинском у. меньшая часть казаков проживала в трех станицах, а большая - в крестьянских деревнях (группами по 5-80 человек).

В мирное время енисейцы имели на службе Красноярскую казачью сотню, в военное - Красноярский казачий дивизион трехсотенного состава и три страничные дружины, последние направлялись в Усинский пограничный округ (1900, 1904, 1914 гг.). Кроме того, в русско-японскую войну енисейцы выставили добровольческую сотню, воевавшую в составе 1 армейского корпуса, а в Мировую - конный Енисейский казачий полк (1915 г.). Полк сначала был на Кавказском фронте, а затем вошел в состав Уссурийской конной дивизии. Одна из сотен енисейцев (командир - есаул Коршунов), являвшаяся конвоем командира 3 конного корпуса генерала П.Н.Краснова, сыграла яркую роль во время наступления войск на захваченный большевиками Петроград в конце октября 1917 г.

После Февральской революции I съезд енисейцев (Красноярск, май 1917 г.) постановил образовать Енисейское казачье войско, его делегат вошел в состав совета Союза казачьих войск. В сентябре был избран войсковой атаман хорунжий А.А.Сотников. Однако верховная всероссийская власть образование нового казачьего войска не санкционировала. По сути далее принятия резолюций организационная работа тогда не продвинулась.

После Октябрьского переворота эсеры-областники из Временного Сибирского областного совета задумали на основе сохранившихся частей «старой» армии создать новую Сибирскую армию как вооруженную силу будущего Сибирского антибольшевистского правительства. Для руководства этим делом они создали в Томске в декабре военный совет. Атаман енисейцев «сомнительный эсер» Сотников вошел в его состав и решил включить в Сибирскую армию Красноярский казачий дивизион (около 350 сабель), казаки которого сохраняли дисциплину и сочувствовали правым эсерам. Но Красноярский совдеп постановил разоружить дивизион. Казаки стали оспаривать это решение и попросили несколько часов для обсуждения вопроса внутри части. Сотников при этом заявил большевикам: *«Разоружение казаков - это равносильно потере ~~е~~вушкой своей невинности»*. Тогда председатель военной секции совдепа А.Г.Перенсон предъявил казачьему дивизиону ультиматум: сдать оружие в 24 часа, иначе Красная гвардия применит силу. Но атаман енисейцев обхитрил большевиков. 18 января 1918 г. он скрытно вывел дивизион из Красноярска в станицу Торгашинская. Затем отряд Сотникова совершил конный поход в Минусинский у., где атаман надеялся создать очаг сопротивления большевизму. На Минусинск, где имелась Красная гвардия, он не пошел, а остановился в станице Каратузская (начало марта 1918 г.), в которой местные казаки во главе с Шошиным еще в феврале разогнали крестьянский совдеп, арестовав его руководителей. Сотников объявил в Каратузе казачью мобилизацию. Тем временем в Минусинск прибыли красные подкрепления из Красноярска и Ачинска. Соединенный отряд в тысячу человек с несколькими пулеметами и пушкой двинулся на Каратуз. Одновременно уездный крестьянский съезд потребовал от казаков сдать оружие. Сотников думал сопротивляться, но в его отряде началось разложение. На этом этапе, как и в других войсках, казаки жаждали отдохнуть от тягот мировой войны. В Каратузе казачье-крестьянское собрание решило не воевать. Казаки сдали оружие подошедшим красным войскам, но сам Сотников с остатками дивизиона бежал в станицу Монокская. В пути многие казаки дезертировали из отряда, среди оставшихся упала дисциплина. Когда красные подошли к Моноку, атаман приказал готовиться к бою. Но рядовые казаки отказались и вступили в переговоры с противником. Затем они сдались. Большинство офицеров дивизиона были арестованы. Хорунжий Сотников в конце марта с несколькими офицерами и казаками скрылся в тайге. Летом сотник А.А.Сотников уже командовал Томским гусарским дивизионом (2 эскадрона) в составе Средне-Сибирского корпуса Сибирской армии.

Казачья сотня, дислоцированная в Белоцарске (командир - подьесаул Магомаев), также отказалась разоружиться, разогнала местный совдеп и Красную гвардию и через Монголию ушла в Забайкалье. Впрочем последний момент указывает на то, что это, скорее всего, была сотня забайкальцев, а не енисейцы.

В Гражданской войне, начиная с майско-июньских восстаний 1918 г., енисейские казаки приняли активнейшее участие. Они выставили в Белую армию два конных полка шестисотенного состава, конную батарею (3 орудия) и запасную сотню. Особенно отличился 1 Енисейский казачий полк (командир - полковник Розанов), который в составе войск Р.Гайды и А.Н.Пепеляева наступал на восток. Затем две его сотни (3-я и 4-я) убыли со Средне-Сибирским корпусом Пепеляева на Урал и сражались под Пермью. Остальные 10 строевых сотен 1-го и 2 полков, батарея и запасная сотня енисейцев оставались в своей губернии, где охраняли порядок и подавляли ряд восстаний.

Российское правительство адмирала А.В.Колчака законом от 10 июня 1919 г. возвело енисейское и иркутское казачества в ранг казачьих войск на общих для казачьих войск основаниях. Войсковым атаманом енисейцев в 1919-1920 гг. был генерал-майор Феофилов. Однако своей особой войсковой территорией Енисейское и Иркутское войска по-прежнему не имели. Распыленность енисейцев в массах крестьянского населения стоила им в 1918-1919 гг. большой крови и многих жизней. Выход виделся в переселении казаков, в основании группы компактно расположенных станиц, в обретении собственной войсковой территории. Поэтому в награду за труды и жертвы, принесенные енисейцами во благо возрождения России, адмирал А.В.Колчак назначил им для поселения Урянхайский край.

Во время падения власти А.В.Колчака Енисейские казачьи части уцелели, успев вовремя проскочить на восток, и с оружием прибыли в Читу. Из всех подразделений енисейцев только сотня хорунжего Занина вынуждена была отойти на юг, в Урянхай. В Забайкалье в 1920 г. воевала Отдельная Енисейская казачья бригада полковника Розанова, включавшая в себя два четырехсотенных полка и батарею с одним орудием (всего около 700 человек). В Приморье в 1921 г. се свернули в полк из конного и пешего дивизионов (до 450 человек). Командовал им войсковой старшина Г.К.Бологов. К 1 сентября 1922 г. от полка осталась только Енисейская казачья дружина: 70 штыков, 40 сабель, командир - тот же Бологов.

Казачьи семьи и некоторые казаки, не пошедшие с белыми, а оставшиеся по домам, подверглись целому ряду насилий со стороны победившего крестьянства и частей Красной армии. Результатом стало враждебное отношение енисейцев к коммунистической власти. В 1920-1921 гг. они участвовали в повстанческом движении. Самым крупным отрядом, по-видимому, был партизанский отряд казаков станицы Таштыпская Минусинского у. (до 100 штыков и сабель).

Еще один отряд енисейских казаков, под началом есаула И.Г.Казанцева (до 150 человек), собрался в 1921 г. во Внешней Монголии, в г.Улэсутай (более 500 верст к западу от Урги). Возможно основой его стала сотня хорунжего Занина, к которой могли присоединиться другие белогвардейцы и повстанцы, бежавшие из Енисейской губернии через Урянхай. Летом 1921 г. отряд Казанцева, согласно приказа № 15 генерала Р.Ф.Унгерна, пытался через Урянхайский край проникнуть в РСФСР и наступать по Енисею. После неудачи, спасаясь от красных преследователей, перешедших вслед за енисейцами монгольскую границу, Казанцев в районе хурэ Сауруль-Гуна присоединился к войскам генерала Бакича и есаула А.П.Кайгородова. После снятия неудачной осады хурэ, во время очередного бегства, деморализованный отряд Казанцева распался. При этом группа енисейцев во главе с есаулом осталась с Бакичем и разделила судьбу его отряда. Сам Казанцев пал в бою у с.Атамановка в Урянхае 21 декабря 1921 г.

После оставления Приморья большая часть белоказаков Енисейского войска осела в Харбине, занимаясь в основном извозом. Группа енисейцев в 1923 г. предприняла поездку на Филиппины и в Японию с джигитовкой. Выступления прошли блестяще. В Харбине до 1945 г. существовало землячество енисейцев - «Енисейская казачья станица» (станичный атаман - почетный казак войска полковник А.Н.Тялшинский).

⁸ Энергичный и решительный сотник Г.К.Бологов выделился в боях с повстанцами «Степно-Баджейской республики» (первая половина 1919 г.). Когда ядро красных ускользнуло в Минусинский у., его послали с отрядом в погоню. Гражданскую войну Бологов окончил в 1922 г. в чине полковника. В эмиграции в 1929-1949 гг. возглавлял «Казачий союз в Шанхае». После смерти сибирца генерала Ф.Л.Глебова Бологов в 1945 г. стал главой всей белоэмигрантской колонии Шанхая. В 1949 г. именно он спас русских шанхайцев от китайских коммунистов, своевременно добившись от властей эвакуации на филиппинский о.Тубабао. Опираясь на казачьи землячества, Бологов провел эвакуацию в образцовом порядке. На о.Тубабао руководил палаточным лагерем. Уехал с Филиппин в Сан-Франциско. Умер не ранее начала 1960х гг.

⁹ В ноябре-декабре 1919 г. теоретически уже были возможны вливания в Красную армию каких-то групп сибирских казаков, сдавшихся в плен. В документах такие факты пока не выявлены. Весной же 1918 г. в Красную армию попали лишь единицы сибирцев.

¹⁰ Петроградские рабочие прибыли в Рудный Алтай весной 1918 г. в составе трех сельскохозяйственных коммун, кстати, неплохо вооруженных, и начали свою деятельность с захвата казачьих земель Бухтарминской линии. Во время антисоветского переворота казаки Бухтарминской и Вороньевской станиц совершили налеты на коммуны. «Первое Российское общество землеробов-коммунаров» («Обуховская коммуна») было разоружено полностью. Налет на коммуны «Солнечная» был менее удачен. Коммунарам удалось спрятать 16 винтовок и 6 ящиков патронов. В 1919 г. они использовали их при организации крестьянского восстания и партизанского движения против белых.

¹¹ Начальник милиции 3 участка Усть-Каменогорского у. Иван Егорович Щербаков - казак станицы Бухтарминская, активнейший белогвардеец, делегат Войсковых Кругов, организатор антисоветского переворота на Бухтарме. Сбор станицы Батинская охарактеризовал начальника милиции И.Е.Щербакова «как казака и человека влиятельного и популярного..., который стоит на высоте своего призвания и свято выполняет интересы государства». В приведенном случае, дав распоряжение расстрелять арестованных, Щербаков выполнил июльский приказ Войскового штаба об уничтожении большевистских агитаторов на месте преступления.

¹² Генерал-майор Иван Степанович Ефтин (Евтин) - в 1881 г. окончил Сибирский кадетский корпус в Омске. За русско-японскую войну он, тогда войсковой старшина и командир 8 Сибирского казачьего полка, получил Золотое оружие. В 1906 г. стал первым командиром 3 сотни только что созданного Лейб-гвардии Сводно-казачьего полка. Затем в чине полковника вышел в отставку. В августе 1914 г. Высочайшим приказом Ефтин был вызван из отставки и определен на строевую службу во 2 Черноморский полк Кубанского казачьего войска. В Мировую войну, будучи уже командиром одного из пехотных полков на Германском фронте, был награжден орденом Св.Георгия 4 степ. и произведен в генералы. В начале 1918 г. Ефтин служил начальником Войскового штаба Сибирского казачьего войска и вместе с другими членами Войскового правительства был 26 января арестован Совказдепом. Омские большевики заключили его на гауптвахту 20 запасного полка. После антисоветского переворота Ефтин временно, до избрания 4 Кругом полковника П.П.Иванова-Ринова, исполнял должность войскового атамана. Осенью 1919 г. старый боевой генерал командовал войсками, несшими охранно-наблюдательную службу в Семипалатинско-Алтайском регионе. После срыва наступления на с.Волчиха Ефтин через Алтай пробился в Монголию и поселился в Урге. Нельзя не упомянуть об исключительных человеческих качествах этого «колчаковского карателя». Так, когда в феврале барон Р.Ф.Унгерн после овладения Ургой устроил в ней тотальное истребление евреев, Ефтин, рискуя собственной жизнью, спас от верной смерти еврейскую семью. В Монголии Ефтина беспокоили старые раны, полученные в японскую войну. Потребовалось хирургическое вмешательство. Операция, сделанная врачом Азиатской конной дивизии, была неудачна. Весной 1921 г. генерал И.С.Ефтин скончался и был с воинскими почестями погребен в Урге.

ИЗ ИСТОРИИ САРАТОВСКОЙ ГУБЕРНСКОЙ БРИГАДЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СТРАЖИ

История правоохранительных, военизированных полицейских, самооборонческих организаций Белых правительств - еще не написанная страница Белой борьбы. Между тем названные учреждения и организации в условиях ширококомасштабной Гражданской войны несравнимо более значимы, нежели в войне «обычной». Поддержка населения и умение востребовать эту поддержку являются ключевым вопросом междоусобной борьбы. И то, и другое в огромной степени зависит от непосредственного контакта той или иной силы с населением, от облика и деятельности власти, ее способности надежно и оперативно присутствовать в жизни людей. Именно на этом, едва ли не главном, фронте Белого дела находились полицейские учреждения и формирования.

Несмотря на неразработанность темы, можно назвать несколько недавних работ, посвященных как общему положению с правоохранительной деятельностью на белых территориях, так и конкретным операциям¹.

Государственную стражу (ГС) на Юге России справедливо относят к наиболее военизированному варианту полицейских сил. В советской литературе говорится о 20 бригадах ГС и 80 тысячах чинов в этих бригадах². Вместе с тем стража - название вполне традиционное для русской сельской полиции, в отличие, например, от колчаковской «милиции», где до самого крушения сохранилось это революционное, «ангиполицейское» наименование.

В последние предвоенные годы, с учетом опыта массовых волнений 1905 - 1907 гг., небольшие силы полиции распределялись, согласно документам о дислокации, небольшими отрядами в 15 - 20 человек на стан для оперативного реагирования на возможные беспорядки и постами по 2 человека в наиболее крупных, пристанционных, ярмарочных или буйных селениях. Согласно циркуляра Министерства внутренних дел от 12 февраля 1906 г. № 1144 уничтожалось деление на пеших и конных полицейских стражников, оставлялись только конные (старшие и младшие) с изменением штата из расчета 65 конных стражников за 100 пеших. Однако пересчет очень затянулся, в Саратовской губернии еще в 1913 г. занимались переводом пеших стражников в конные³. Реально в каждой волости (несколько тысяч или даже десятков тысяч человек) находились урядник и несколько стражников. При многообразии повседневной работы такие малые силы должны были еще и пресекать возможные беспорядки. Судьба полицейских чинов в революцию была различной, но можно полагать, что им, как олицетворению «старого режима», очень доставалось. В 1917 г. чинов полиции бежали из волостей, разоружались, были настойчивые попытки отправления их на фронт. Вот описание судьбы титулярного советника Кехклане, надзирателя на царцынском заводе «Урал - Волга», служившего в полиции с 1896 г.: «При большевизмом засильи в Царицыне муж мой был арестован Чрезвычайной комиссией за прежнюю его службу в полиции и как «царский пес» (по их выражению) брошен в дом заключения, где и содержался два с половиной месяца. Находясь под стражей, муж мой испытал на себе все ужасы и зверства большевизмского режима, подвергался нечеловеческим мучениям и пыткам и, наконец, 15 января 1919 г. был расстрелян в степи, где и сейчас лежит его изуродованный труп»⁴. В то же время бывший царцынский городской И. Жахов дослужился до командира особого советского гражданского полка и был задержан в Царицыне в конце июня 1919 г.⁵

Таким образом, полицейский аппарат был совершенно разрушен, и Белое командование, наряду с другими неотложными задачами гражданского управления, должно было решать задачу воссоздания правоохранительной системы. Эта работа проводилась по мере освобождения территорий в рамках прежнего административного деления. В июне 1919 г. дошла очередь и до Саратовской губернии. Кавказская армия взяла 17-го Царицын и, развивая наступление вверх по Волге, Камышин (15 июля). Донская армия в это время вошла в Балашовский и Аткарский уезды. Царицын стал местом пребывания Саратовского губернского управления во главе сначала с и.о.губернатора полковником М.С.Лачиновым, а с 22 июля - генерал-лейтенантом В.В.Ермоловым. На ходу началось формирование управлений начальников уездов (Царицынского, Камышинского и Балашовского), организация городских и земских самоуправлений и конечно же формирование стражи.

**Парад в Царицыне. 20 июня 1919 г.
Слева направо: генералы К.К.Мамонтов (на коне), И.П.Романовский,
А.И.Деникин, П.Н.Врангель**

В Царицыне в первые же дни после освобождения родился проект учреждения Народной самоохраны. Его предлагалось провести обязательным постановлением губернатора⁶. Однако проект реализован не был из-за появления офицерских групп в качестве временной полиции. Необходимо сказать, что офицерская охрана обнаружила все черты службы людей, чувствующих себя не на своем месте. Командир царицынской городской стражи вечером 8 июля посетил казармы 1-й и 3 офицерских групп, обнаружив в первой двух, а во второй одного офицера. Еще трое подошли на глазах командира. Ночью большинство офицеров на постах отсутствовало, на посты выходили не из казарм, а из своих квартир, постов не знали, обращаясь за разъяснениями к приста-ву. Командир стражи вынужден был предписать, чтобы в казармах безотлучно находилась треть офицеров, а остальные были на постах. Приставам вменялось постоянно проверять несение по-стовой службы. 26 июля заведующий войсковой мобилизацией в районе Кавказской армии запра-шивал о сроках освобождения офицеров, состоявших в Государственной страже в Царицыне и просил откомандировать 50 из них немедленно в распоряжение Царицынского уездного воинско-го начальника. На следующий день к губернатору обратился дежурный генерал штаба армии. Он просил распоряжения об откомандировании из ГС офицеров, назначенных туда согласно приказа командующего за №117 на срок не более 2 - 3 недель, так как боевая обстановка требовала попол-нения убыли в командном составе. Запрос военных был выполнен. Уже 29-го командир царицын-ской городской стражи приказал передать в распоряжение воинского начальника офицеров, нахо-дившихся в его распоряжении. Начальникам офицерских групп полковникам Черноярскому, Ена-ховичу и подполковнику Чудинову предписывалось отправить офицеров, а винтовки и имущество сдать приставам 1-й, 2-й и 4 частей Царицына. Таким образом, офицерская охрана реально несла службу около месяца или даже больше⁷. По ходу освобождения губернии импровизированная охрана стала заменяться правильно организованной стражей.

С самого начала строительства полицейских сил встал вопрос об активном участии населе-ния, прежде всего сельских самоуправлений, в этом деле. Реализация темы началась с ранее всех освобожденного Царицынского уезда. Начальник местной уездной стражи предписывал, в при-казе от 19 июля, устроить в волостях на свои средства помещения для арестованных, отдельно для мужчин и женщин, и напоминал, что, согласно ст.53 Временного положения о Государствен-ной страже, в пределах селений обязанности по делам ГС в случае отсутствия ее чинов выполня-ют сельские старосты. Они обязаны доставлять в распоряжение чинов стражи необходимое число десятских для сопровождения арестованных, поддержания порядка на ярмарках, крестных

ходах, учреждения временных караулов для охраны преступников или следов преступления и т.п. Старосты и десятские обязаны были также вручать исходящие от стражи бумаги, при отсутствии в селе стражников. Следует отметить, что отсутствие стражников явилось вполне штатной ситуацией: ни у старой, ни у новой полиции никогда не находилось столько сил, чтобы поставить хотя бы пост в каждом селе. 10 августа было подготовлено письмо губернатора в волостные правления Царицынского уезда. В нем приказывалось немедленно созвать сельские сходы и объявить всем домохозяевам и лицам, проживавшим в селениях, обязательное постановление №24, касающееся охраны населением волости телеграфных и телефонных проводов, а также других сооружений, к ним относящихся⁸.

Развитие системы полицейских учреждений шло параллельно с большим наступлением войск Вооруженных сил юга России (ВСЮР). Временное положение о ГС было утверждено главкомом 25 марта 1919 г. Приказ ГС №14 от 9 июня, подписанный командующим ГС генеральным штаба генерал-майором Никольским и начальника канцелярии полковником Орловским, сообщал об утверждении штатов Ставропольской и Черноморской губернских бригад. Можно полагать, что штаты этих бригад были утверждены первыми. Приказ прокламировал задачи и образ действия стражи: в условиях роста задач армии на фронте ГС «предстоит напрячь все свои силы на внутреннюю борьбу с большевиками, продолжающими сеять беспорядки в тылу, открыто граблящими население, лишаящими его всякого спокойствия, а главное, мутящими своей лживой пропагандой, в основу которой прежде всего кладется подрыв авторитета всякой власти; на борьбу с этим должны быть ныне направлены главные силы Государственной стражи; население прежде всего ждет от нее безопасности как личной, так и имущественной, а затем спокойствия; оно должно видеть в страже не только своего законного защитника, но и друга, обязанного прийти всегда на помощь ему». От чинов стражи зависело, чтобы они не заслуживали тех попреков в «незакономерных действиях, которые постоянно сыпались на пренежную полицию». Приказ обещал «настойчивость и безжалостность» в борьбе с поборами и нетрезвым видом, отмечая при этом, что содержание у стражников выше, чем в других административных службах⁹.

В нормативных документах специально оговаривалось, что «начало формирования стражи не может быть указано ранее дня фактического освобождения от большевиков хотя бы части Царицынского уезда¹⁰. Приказом №1 Царицынской уездной ГС от 3 июля уезд был временно, до утверждения штатов, разделен на пять участков. В 1-й вошли следующие волостные пункты: слободы Ольховская (квартира пристава), Александровская; во 2-й - Балыклейская (квартира пристава), Романовка, Липовка, Ягодное; в 3-й - Малая Ивановка (квартира пристава), Пролейка, Водяное; в 4-й - посад Дубовка (квартира пристава), Песковатка, Ерзовка; в 5-й - Сарепта (квартира пристава), Отрада¹¹. Фактически была восстановлена система полицейских станов.

Не позднее 22 июля приказом главноначальствующего генерал-лейтенанта П.Н.Врангеля предписывалось вступить в отправление обязанностей комбрига только что прибывшему, назначенному приказом по управлению внутренних дел (УВД) при главкоме ВСЮР, генерал-майору Манойлову¹². 19 сентября последний представил Губернатору четыре списка чинов стражи. Они дают представление о распределении классовых чинов по должностям. Первый включал чины, назначенные до прибытия Манойлова. Это были: постоянный состав губернского резерва - его командир (ротмистр М.Г.Декоцкий), помощник (ротмистр Никольский), секретарь и делопроизводитель, и переменный состав - быв. и. д. начальника Балашовского у. подполковник Гавриков, пристав Камышинского у., делопроизводитель, делопроизводитель управления резерва; городская стража Царицына - командир (надворный советник В.Заседов), помощник, 5 приставов, помощник пристава, 18 участковых надзирателей, командир конной команды хорунжий Ф.Мирошниченко, 2 поручика - младшие офицеры пешей сотни, секретарь управления, 3 делопроизводителя, 3 секретаря пристава, 5 делопроизводителей пристава; Царицынская уездная стража - командир (коллежский советник А.Разумовский), помощник (полковник С.Вик), 3 пристава, 2 волостных надзирателя, 4 надзирателя Дубовки, секретарь уездной стражи, 2 делопроизводителя канцелярии уездной стражи.

Второй список состоял из чинов, прибывших с генералом Манойловым. Ими являлись помощник комбрига полковник Н.Арнольди, обер-офицер для поручений, 2 пристава Саратова, пристав Балашова, командир конной сотни (штабс-ротмистр Б.Алферов), делопроизводитель управления бригады. Все они назначались с 13 июля, хотя прибыли явно позже.

Третий список являлся дополнительным. В него вошли штаб-офицер для поручений полковник Демянович с 11 августа, и.д. начальника Камышинского у. полковник Обер с 1 августа, и.д. командира Балашовской уездной стражи ротмистр Тяпкин с 7 августа, а также 2 поручика, 2 прапорщика и юнкер, о которых возбуждалось ходатайство о переводе в ГС.

Четвертым был список принятых в бригаду - вр. и.д. младшего помощника командира Царицынской городской стражи с 3 августа, 3 волостных надзирателей Царицынского у., помощника пристава Царицынской городской стражи, делопроизводителя канцелярии Балашовской уездной стражи, делопроизводителя пристава Камышинского у., 2 делопроизводителя пристава Балашова¹³.

Заполнение должностей классных чинов и технических сотрудников (писарей, рассыльных, курьеров) проходило довольно интенсивно, вновь назначаемые чины прибывали распоряжениями УВД, некоторые переводились из воинских частей по согласованию со штабом Кавказской армии. Иногда это создавало трудности и кадровые недоразумения. Так, полковник Обер из Екатеринославской бригады был предназначен на должность командира губернского резерва и прибыл, когда эта должность еще была вакантна. Однако назначен был ротмистр М.Г.Деконский. Пришлось делать перемещения. Обера допустили на должность командира Балашовской уездной стражи до приезда предназначенного на эту должность ротмистра Тяпкина¹⁴. Такого рода коллизии повторялись не раз, что легко объяснить строительством бригады «на ходу» и необходимостью согласовывать местные нужды и идущие из центра назначения.

Жизнь и деятельность саратовских учреждений, в том числе стражи, резко распадается на два периода: до и после эвакуации. Во время так называемого августовского наступления красных сил Царицыну стала угрожать непосредственная опасность, и генерал П.Н.Врангель отдал приказ об эвакуации города¹⁵. 17 - 19 августа в путь отправились гражданские учреждения и стража. Эвакуироваться пришлось далеко - в Новороссийск и Геленджик. Несмотря на то, что Царицын еще довольно долго оставался белым, централизованного возвращения учреждений губернии не произошло, и им пришлось вплоть до расформирования в феврале 1920 г. жить «на два дома».

Характерна судьба одного подразделения, которому так и не суждено было развернуться. Приказ Саратовского губернатора №58 от 23 августа сообщил о новых назначениях: товарищ прокурора Екатеринодарского окружного суда, член Донской областной судебно-следственной комиссии действительный статский советник Г.Г.Ткачев приказом начальника УВД от 14 августа №49 назначался начальником Саратовского уголовно-розыскного управления. Коллежский асессор Николай Полидоров тем же приказом назначался помощником начальника Минералводского уголовно-розыскного управления, с откомандированием к вр.и.д. помощника начальника Саратовского уголовно-розыскного управления. 23-го вновь выдвинутые чиновники прибыли в Царицын и тут же получили предписание эвакуироваться в Новороссийск. Вся эта информация уместилась в одном приказе губернатора. 10 сентября Ткачев и Полидоров убыли из места эвакуации в Ростов по телеграмме начальника гражданской части ГС (приказ №63), а Саратовское уголовно-розыскное управление не состоялось¹⁶.

Продолжалась ли формирование бригады после Царицынской эвакуации? Вопрос крайне важный, но не вполне проясненный. Есть указания на то, что формировались штаты уездов. Так, 4 октября надворный советник Александр Антонович Косько из Золотоноши Полтавской губернии подал прошение на имя Саратовского губернатора с просьбой предоставить должность помощника начальника уезда. А уже в конце того же октября помощник начальника Сердобского у. Косько отправлялся в командировку по делам службы, 5-го же декабря он был уволен в 28-дневный отпуск в родную Золотоношу¹⁷. Необходимо добавить, что указанный уезд никогда войсками ВСЮР не занимался. Возможно, продолжалось и формирование стражи. Однако выявленные источники не позволяют однозначно ответить на этот вопрос. 1 октября комбриг обратился к губернатору по поводу «неотложной нужды» в полушубках - приближались холода. Расчет был следующим: 1000 полушубков для уездной стражи, 200 для стражников (постовых) Вольска, Саратова и Царицына и 300 для резерва, итого - 1500 штук¹⁸. Это косвенное свидетельство о численности Саратовской стражи, хотя реальное количество стражников, вероятнее всего, была значительно меньше, так как для перемещений основным силам бригады потребовался при эвакуации всего один эшелон. Не исключено, что предполагалось продолжать формирование в эвакуации.

Представление об основном составе бригады дают приказы о зачислении стражниками в различные подразделения. Царицынская городская стража была заложена приказом командира городской стражи №1 от 26 июня. В нем объявлялся список принятых стражников, которого в нашем распоряжении, к сожалению, нет¹⁹. Основа губернского резерва была заложена приказом губернатора по Государственной страже №3 от 2 июля: с 1 июля в переменный состав зачислялись 78 стражников²⁰. Царицынская уездная стража была заложена приказом о зачислении 80 человек с 4 июля²¹.

В процессе создания выстраивалась следующая структура бригады. Она состояла из губернского резерва (пешая и конная сотни), поставлявшего кадры во вновь формируемые подразделения и располагавшегося в Царицыне; городской Стражи Царицына (пешая сотня и конная команда); уездной стражи Царицынского, Камышинского, Балашовского уездов (см. таблицы 1-3).

Таблица 1²²

Порядок зачисления в резерв ГС Саратовской бригады

№ п/п	дата приказа о зачислении	дата зачисления	количество принятых и их характеристика	должность
1	2 июля	1 июля	78	стражники 2 разряда (здесь и далее) 1 подхорунжий-стражником 1 разряда, остальные - 2 разряда
2	12 июля	12 июля	3	
3	13 июля	6 июля	2	
4	15 июля	15 июля	2 солдата	
5	17 июля	17 июля	2	
6	18 июля	15 июля	10+6 прикомандированных	
7	20 июля	21 июля	26 солдат+1 вахмистр прикомандирован с 6 июля	
8	22 июля	-	1	
9	26 июля	20, 25 июля	2	
10	27 июля	28 июля	2	
11	29 июля	29, 30 июля	12	
12	30 июля	30 июля	3	
13	1 августа	31 июля, 1 августа	3 солдат	
14	2 августа	2 августа	4	
15	3 августа	2,3 августа	5	
16	5 августа	4,5 августа	18 солдат	
17	6 августа	6 августа	2 солдат	
18	7 августа	7 августа	6	
19	8 августа	8 августа	18	
20	9 августа	10 августа	8 солдат	
21	10 августа	11 августа	2	
22	12 августа	12 августа	2	
23	15 августа	15 августа	2	
24	16 августа	16 августа	1	

Таблица 2²³

Порядок зачисления в Царицынскую уездную стражу

№ п/п	дата приказа о зачислении	дата зачисления	количество принятых	должность
1	4 июля	4 июля	78 солдат и унтер-офицеров 1 ст.фейервейкер и 1 фельдфебель	стражники 2 разряда стражники 1 разряда стражники 2 разряда возможно, приказ дублирует какие-то из нижеприведенных стражники 2 разряда (здесь и далее до конца таблицы) в том числе 1 мл.унтер-офицер-стражник 1 разряда
2	8 июля	-	4	
3	14 июля		?	
4	20 июля	13 июля	6	
5		14 июля	2	
6		15 июля	1	
7		16 июля	5	
8		17 июля	16	
9		18 июля	8	
10		19 июля	11	
11		20 июля	6	

Таблица 3²⁴

Порядок зачисления в Царицынскую городскую стражу

№ п/п	число приказа о зачислении	дата зачисления	количество принятых	примечания
1	26 июня	?	?	Приказ №1 командира городской стражи
2	?	?	?	Приказ №6 командира городской стражи

Естественно, наряду с зачислением были и отчисления из стражи по разным причинам. Сводные данные представлены в таблице 4.

Таблица 4²⁵

Отчисления из рядов Государственной стражи

№ п/п	дата приказа об отчислении	дата отчисления	должность	причина отчисления
1	25 июля	-	1 стурядник	перевод в Добровольческую армию
2	27 июля	?	1 стражник	несоответствие назначению, отправлен в распоряжение уездного воинского начальника
3	2 августа	?	1 стражник	отправлен к прежнему месту служения как крайне недисциплинированный побег
4	3 августа	1 августа	1 стражник	полагать в бегах как самовольно отлучившихся
5	4 августа	13 и 21 июля	2 стражника	передан в распоряжение контрразведки
6	6 августа	18 июля	1 стражник	переданы воинскому начальнику для отправки в строевые части
7	12 августа	11 августа	3	полагать в бегах как зачисленных и не явившихся
8	13 августа	5 августа	2 стражника	переданы воинскому начальнику для отправки в строевую часть
9	13 августа	14 августа	9 стражников	один добровольцем переведен в строевую часть, другой в распоряжение пристава Черноярского у.
10	14 августа	-	2 стражника	переведен в «отряд генерала Шкуро»
11	15 августа	12 августа	1 стражник	исключены как не соответствующие назначению
12	16 августа	14 августа	2	переведены добровольцами в строевые части
13	16 августа	17 августа	9	

Как видно, побег и отчисления за непригодностью в сумме дают незначительное число. В то же время заметное количество добровольцев отправилось в строевые части. Обращает на себя внимание то, что 9 добровольцев отправились в строй в середине августа, то есть в предэвакуационные дни, во время активного красного наступления.

По ходу строительства стражи устанавливался и режим службы. Приказом №4 по резерву ГС от 16 июля смена дежурства была установлена в 8.30 утра «по Петроградскому времени». Занятия в страже и канцелярии надлежало производить с 8.30 до 13.00 и с 17.00 до 19.00 (приказ №7). Приказом резерву №9 от 21 июля устанавливался распорядок занятий для чинов резерва: 8.00 - 10.00 - строевые занятия, с 18.00 до 19.00 - изучение уставов. С 22 июля младший офицер пешей сотни подпоручик Максимов обязан был приступить к занятиям, привлекая прикомандированных офицеров. Расписание №1 занятий резерва с 5-го по 10 августа предполагало подъем в 6.00, а вечернюю поверку в 20.00. Занятия включали как общевоинские, так и специальные предметы: ружейные приемы, сотенное и взводное учение, порядок рассыпания в цепь, установка прицела и зарядание, элементарные понятия о службе стражников, Устав внутренней службы, обязанности часового, сторожа и дозоров и т. д.²⁶ Помощник командира резерва ГС коллежский советник Розачев обязывался оборудовать классы для учебной команды и приступить к занятиям. До получения

На улицах Царицына. 29 июня 1919 г.

точных инструкций они должны были состоять из элементарных правил несения полицейской службы и обязанностей стражников. Розачеву же вменялось в обязанность опросить все чины и выбрать желающих в команду. Согласно Положению о ГС, на полицейские должности впредь могли назначаться только чины, прошедшие курс учебной команды. 25 июля была назначена комиссия для правильной постановки занятий в учебной команде и составления программы. Приказом от 26 июля состоялось назначение 25 человек в учебную команду при резерве. В их число вошли: подхорунжий и 2 подпрапорщика, фельдфебель, 5 старших и 4 младших унтер-офицера, 2 ефрейтора и 10 рядовых. Следующее назначение в учебную команду состоялось приказом №25 от 6 августа, когда было зачислено 12 человек, из них: подпрапорщик, мл. унтер-офицер, ефрейтор и 9 рядовых. 14 августа в команду перевели еще одного стражника²⁷.

30 июля хорунжий Мирошниченко был назначен начальником команды стражников резерва, обслуживавших дом губернатора. В постоянном составе команды состояло 19 человек, в том числе 14 казаков как конвой. Переменный состав представлял собой ежедневный наряд из расчета: 2 поста караула - 6 человек, разводящий, телефонист, 3 рассыльных, 2 уборщика. Кроме того, дважды в неделю предписывалось высылать команды по 4 человека для уборки улиц и двора дома губернатора. С 4 августа структура переменного наряда была несколько изменена: вводились 2 внутренних поста, занимавшиеся казаками²⁸.

По поводу реального контакта и сотрудничества с населением чинов ГС информация отрывочная. В начале августа вице-губернатор В. Андриянов вел переписку со штабом Кавказской армии по поводу жалобы Александровского волостного старшины Черкасова и других жителей (Александровка - большая слобода Царицынского уезда) на незаконные действия конно-пулеметной команды 2 Кабардинского конного полка. Старшина составил протокол об ограблении 13 июля, который хотя и не очень оперативно, получил дальнейший ход. Более подробно известна ситуация с обществом с. Водяное, которое оказалось на пути прохождения многочисленных частей Кавказской армии. 9 августа 92 домохозяина подписали приговор о самовольных реквизициях и грабежах проходивших частей. Сход единолично постановил: просить губернатора о немедленном командировании в волость вооруженной охраны. Если же это невозможно, то до ее прибытия разрешить оставить для внутренней охраны находящихся в кратковременном отпуске чинов 2 Астраханского полка (надо полагать, имелись в виду односельчане, поступившие в Астраханские части). Для ходатайства и представления лично губернатору был выделен упол-

номоченный. Он также обратился с прошением к губернатору. Реакция последовала незамедлительно. 9 августа губернатор обратился к дежурному генералу Кавказской армии с просьбой назначить в село военного коменданта «для наблюдения за проходящими частями войск и обозами». На следующий день губернатор предписал командиру бригады ГС назначить в Водяное стражника и волостного надзирателя, «снабдив их строгими инструкциями по существу приговора»²⁹. Подчеркнем следующее, командование П.Н.Врангеля было отмечено весьма жесткими приказами о порядке реквизиций и ответственности за его нарушение, об отношении к грабёжам и пленным красноармейцам³⁰.

(Продолжение следует)

¹ См.: Никитин А.И. Милиция Российского правительства Колчака и ее роль в борьбе с общеуголовной и организованной преступностью. -М., 1995; Малыгин А.Я., Никитин А.И. Милиция белых правительств //Юрист(Москва). -1997. -№9. -С.39-63; Цветков В.Ж. Государственная стража Екатеринославской губернии в борьбе с повстанческим движением в Новороссии (август-октябрь 1919 г.)//Белая Гвардия(Москва). -1997. -№1. -С.21-26; Степанов М.Н. Кадровые органы внутренних дел белых правительств //Следователь(Москва). -1998. -№8. -С.56-64; Власов А. Покушение на атамана //Милиция(Москва). -2000. -№3. -С.50-51; и др.

² См.: История Гражданской войны в СССР. -М., 1959. -Т.4. -С.228; Агуреев К.В. Разгром белогвардейских войск Деникина (октябрь 1919 - март 1920 г.). -М., 1961. -С.61. Любопытно, что Агуреев пишет о 20 «конных бригадах» ГС.

³ Государственный архив Саратовской области (ГАСарО). Ф.2.Оп.1.Д.10968.Л.2.

⁴ ГАСарО. Ф.15р.Оп.1.Д.46.Л.48.

⁵ Там же. Д.58.Л.1.

⁶ Там же. Д.48.Л.7.

⁷ Там же. Д.42.Л.121; Д.46.Л.8.10.14.

⁸ Там же. Д.12.Л.11; Д.39.Л.50.

⁹ Там же. Д.2.Л.1.

¹⁰ Там же. Д.39.Л.22.

¹¹ Там же. Д.12.Л.1.

¹² Там же. Д.39.Л.18.

¹³ Там же. Д.46.Л.84.85-87.

¹⁴ Там же. Л.29.

¹⁵ См.: Врангель П.Н. Воспоминания. -М., 1992. -Ч.1. -С.319-320.

¹⁶ ГАСарО. Ф.15р.Оп.1.Д.5.Л.33.36.

¹⁷ Там же. Д.5.Л.54; Д.45.Л.153; Д.49.Л.523-524.

¹⁸ Там же. Д.46.Л.109.

¹⁹ Там же. Д.9.Л.2.

²⁰ Там же. Д.9.Л.4-5. Имеющийся список позволяет предложить анализ этой группы. Холостных насчитывалось 27 человек, женатых - 48, вдовых - 2, об одном стражнике сведений нет. По возрасту: до 20 лет включительно - 4, от 21 до 30 лет - 54, от 31 до 40 - 16, от 41 до 50 - 2, старше 50 лет - 1, об одном сведений нет. По служебному положению: унтер-офицеров (без расшифровки) имелось 2, младших унтер-офицеров - 14, старших унтер-офицеров - 6, ефрейторов - 2, рядовых - 45, крестьян - 2, и по одному: нестроевой, письмоводитель, ополченец, подпрапорщик, нестроевой писарь, фельдфебель, сгарший писарь.

²¹ ГАСарО Ф.15р.Оп.1.Д.12.Л.3. В том числе: 37 рядовых, 15 младших и 17 старших унтер-офицеров, фейерверкер, 6 ефрейторов, 2 без указания чина стражниками 2 разряда и старший фейерверкер и фельдфебель стражниками 1 разряда.

²² Там же. Д.9.Л.3-5; Д.10.Л.1-4.6.8.11-14.16.22.24-26.28.30.31; Д.11.Л.1.3.

²³ Там же. Д.9.Л.10; Д.12.Л.3.5.12.

²⁴ Там же. Д.9.Л.2,7.

²⁵ Там же. Д.10.Л.10,12.17-19,21,28,30,30а,30б,31.32.

²⁶ Там же. Д.10.Л.5,7,23; Д.11.Л.2

²⁷ Там же. Л.7.10,11.21,30а.

²⁸ Там же. Л.14,17.

²⁹ Там же. Д.49.Л.91,157-160.

³⁰ См. напр., приказы Кавказской армии №101 от 29 июня, №192, 193 от 19 июля, №425 от 22 сентября 1919г: -ГАСарО. Ф.15р.Оп.1.Д.2.Л.2.5; Д.39.Л.49.

ИЗДАТЕЛЬСКОЕ ДЕЛО БЕЛОГО ДВИЖЕНИЯ НА СЕВЕРО-ЗАПАДЕ РОССИИ. 1918 - 1920 ГГ.*

2-й этап

В результате весенне-летнего наступления, начавшегося 13 мая 1919 г., под контролем Белых властей оказались Гдов (15 мая - 7 ноября), Псков (25 мая - 26 августа), Ямбург (17 мая - 5 августа). Полностью были заняты Ямбургский и Гдовский у. Петроградской губернии, частично - Лужский и Петергофский у., а также часть Псковского у. Псковской губернии с городом Псковом.

19 июня командующий Северным корпусом генерал-полковник А.П.Родзянко издал приказ о выходе корпуса из подчинения эстонскому главнокомандующему и преобразовании его в Северную армию, которая с 1 июля стала называться Северо-Западной¹. 24 мая последовало решение Верховного правителя России А.В.Колчака о целесообразности создания Северо-Западного фронта и предложении Н.Н.Юденичу принять командование русскими войсками на новом театре военных действий, о чем последовал указ от 10 июня. Юденич получил указ о своем назначении 14 июня, а объявил об этом в приказе по фронту 23 июня².

На занятой белыми территории власть была установлена по типу военной диктатуры. Вся административно-хозяйственная жизнь регулировалась приказами, которые издавал штаб корпуса и Военно-гражданское управление, образованное 27 мая и просуществовавшее до 25 июля в связи с его реорганизацией. Оно состояло из канцелярии и четырех отделов (инспекторского, осведомительного, юридического, административного). Одним из первых приказов декларировалось возвращение к старому правописанию в периодической печати и деловых бумагах³.

Территорию, занятую Белыми войсками, можно условно разделить на две части, в которых установленный режим достаточно сильно отличался друг от друга: в Ямбурге - Гдове власть принадлежала А.П.Родзянко, в Пскове - Н.Н.Иванову и С.Н.Булак-Балаховичу. Родзянко представлял собой типичный образ храброго и популярного в армии офицера, мало разбирающегося в политике и придерживающегося традиционно-консервативных взглядов. Булак-Балахович называл себя «бабькой» и «атаманом крестьянских и партизанских отрядов», а главную роль в гражданском управлении у него играл Н.Н.Иванов, который вел агитацию в народно-демократическом духе, хотя по существу в его действиях демократии не было, а присутствовало приспособление к «бабьке» и стремление к популярности. Режим в Пскове при Булак-Балаховиче - Иванове представлял собой сочетание демократической фразеологии и террора, насилия и произвола.

У военного командования была оппозиция, представлявшая либеральный фланг антибольшевистского движения на Северо-Западе. В нее входили городская интеллигенция, земцы, статистики, адвокаты, журналисты и просто обыватели. Они выступали как против помещичьего режима, черносотенства, так и против большевиков. Военно-диктаторский характер режима, установленного белыми на занятых территориях, настраивал против него местное население, а также представителей либерального крыла Белого движения на Северо-Западе. Как указывал В.Л.Горн, «большевизм слева пытаются заменить большевизмом справа»⁴. Позднее либералы реализовали свои идеи через деятельность Северо-Западного правительства.

Различие Белого севера (Гдов-Ямбург) и юга (Псков) на Северо-Западе России неоднократно подчеркивалось многими деятелями Белого движения на Северо-Западе России, хотя практически речь шла лишь о различной фразеологии, а сам установленный режим не отличался⁵.

Издательскую деятельность на занятых Белыми войсками территориях Северо-Запада, как и в других регионах России, можно условно разделить на:

- агитационно-пропагандистскую деятельность военных и гражданских властей, т.е. издательскую деятельность Белого движения («белогвардейскую печать»);
- неполитическую издательскую деятельность на занятых белыми войсками территориях.

* Продолжение. Начало см.: Белая армия. Белое дело. -2000. -№7.

М.Е.Гурьев в кандидатской диссертации «Агитационно-пропагандистская деятельность белогвардейцев на Северо-Западе России в 1918-1920 гг.» выделил три магистральных направления Белой агитации и пропаганды на Северо-Западе:

- контрпропаганда среди красноармейцев, краснофлотцев и гражданского населения советских территорий;
- агитация и пропаганда среди военнослужащих Белой армии;
- агитпропробота среди населения занятых белогвардейскими войсками районов⁶.

При этом первое направление на протяжении всего периода существования Северо-Западной армии было приоритетным, второе - игнорировалось либо недооценивалось.

По сравнению с аналогичной деятельностью войсках адмирала А.В.Колчака и генерала А.И.Деникина агитационно-пропагандистская работа Северо-Западной армии, во-первых, организовывалась в меньших масштабах, чем на Юге и Востоке России и, во-вторых, она не имела столь стройной структуры, какую успели создать иные руководители Белого движения. Это частично объясняется компактностью войск, которыми командовали генералы А.П.Родзянко, а позже - Н.Н.Юденич, относительной скоротечностью военных событий, некоторой изолированностью Северо-Западной армии от других крупных белогвардейских соединений и мощным политическим влиянием стран Антанты⁷.

М.Е.Гурьев отметил, что организационно-пропагандистская работа белогвардейцев Северо-Запада велась целенаправленно, во многом эффективно, хотя и не успела сложиться в стройную систему идеологической обработки военнослужащих. Этому помешали отсутствие традиций и практики подобного рода деятельности, нечеткость формирования Белой идеи, отсутствие централизованной организации агитпропаганды, противоборство политиков и военных, негативное влияние на организацию этой работы со стороны Антанты, в первую очередь Великобритании, ограниченность в выборе средств работы, связанная с пребыванием на чужой территории.

Но в целом агитация и пропаганда в войсках Северо-Западной армии чаще всего не носила упреждающий характер, что в дальнейшем во многом предопределило ее общую неудачу. Недостаточная эффективность агитационно-пропагандистской работы в частях и соединениях Северо-Западной армии и других формированиях, входивших в их оперативное подчинение, в конечном итоге стала одной из важных причин поражения белогвардейских войск под Петроградом.

Как указывал М.Е.Гурьев, к числу сильных сторон агитационно-пропагандистской работы белогвардейцев на Северо-Западе необходимо отнести непрерывность, учет интеллектуальных, религиозных и других особенностей населения, наличие в органах пропаганды и агитации одаренных и образованных людей, а к числу слабых сторон - узкий круг форм и методов агитации и пропаганды, направленных на привлечение местного населения на свою сторону, проведение агитации и пропаганды в большей мере сверху, путем распространения материалов печати, содержание которых не всегда было понятно тем, кому они предназначались⁸.

В Гдове и Пскове военная издательско-агитационная работа выразилась в деятельности политических органов при штабе С.Н.Булак-Балаховича, а либеральная (гражданская) издательская деятельность на первых порах связывалась с деятельностью Н.Н.Иванова, сподвижника первого, известного своей предыдущей активной политической деятельностью в Гельсингфорсе и Ревеле. В структуре организованного и возглавленного Ивановым «Общественного гражданского совета Гдова и уезда» имелось 15 отделов, в том числе отделы борьбы с большевизмом, юридический и агитационный⁹.

Параллельно с устройством Общественного гражданского совета Н.Н.Ивановым в Гдове был начат выпуск газеты «Новая Россия» в качестве бюллетеня ревельской «Новой России». 21 мая 1919 г. в Гдове вышел первый номер, 25 мая - номер два с подзаголовком «Вместо бюллетеня (газеты) «Новая Россия». В них печатались приказы С.Н.Булак-Балаховича, информация, воззвания и объявления гражданского совета¹⁰. Как отмечал Н.Н.Иванов, бюллетени «Новой России» проводили те же мысли, что и ревельская «Новая Россия», и широко распространялись по Гдовскому уезду¹¹.

Сразу же после установления 29 мая власти Булак-Балаховича в Пскове и переезда туда вскоре Н.Н.Иванова командующий Северным корпусом Родзянко, стремясь ограничить власть Булак-Балаховича, отделил в июне Гдовский район от Пскова, передав власть в Гдове начальнику 1 дивизии генералу К.С.Дзержинскому, причем все распоряжения Иванова - Булак-Балаховича отменялись, а общественно-гражданское управление упразднилось.

В Пскове начиная с 25 мая, власть принадлежала эстонскому командованию. В городе была восстановлена городская дума (последнего созыва) и уездная земская управа. Но они не успели

приступить к работе, так как 29 мая в Псков вошли отряды С.Н.Булак-Балаховича, которому 31 мая была официально передана власть.

Агитационно-издательская деятельность эстонского командования за 25-29 мая выразилась в издании листовок, первая из которых, отпечатанная и распространенная уже утром 26 мая, носила антисемитский характер, что вызвало беспокойство еврейской части населения Пскова. После перехода города к Булак-Балаховичу туда последовал из Гдова Н.Н.Иванов, который вместо городского самоуправления приступил к организации общественно-гражданского управления по образцу гдовского под своим председательством.

Режим Булак-Балаховича в Пскове характеризовался сочетанием словесной риторики в народно-демократическом духе с политикой насилия, террора, административного произвола и расправ¹².

Важнейшее значение С.Н.Булак-Балахович и Н.Н.Иванов придавали агитации. Как писал впоследствии Н.Н.Иванов, «мы даже не боевому оружию приписывали главную роль в Гражданской войне, а пропаганде»¹³. Булак-Балахович проводил агитационно-пропагандистскую деятельность, главным образом, путем издания и распространения листовок. При этом он исходил из положения, что с большевиками надо бороться с тыла, а не в лоб, засылая в большевистский тыл своих эмиссаров с прокламациями крестьянской направленности¹⁴.

Сразу же по прибытии в Псков Н.Н.Иванов наладил здесь выпуск бюллетеня ревельской газеты «Новая Россия». Если гдовский бюллетень повторял название ревельского издания, то псковский бюллетень назывался «Новая Россия Освобождаемая». Первый номер вышел 31 мая, второй - 3 июня, третий - 8 июня и т.д. На сегодня известно 13 номеров газеты, последний из которых датирован 2 июля 1919 г.¹⁵ В бюллетене печатались основные сообщения штаба главнокомандующего, фронтовые сводки, информация о местных событиях.

С 8 июля 1919 г. вместо «Новой России Освобождаемой» стала выходить газета «Освобождаемая Россия» также в качестве бюллетеня ревельской газеты «Новая Россия». Газета издавалась от имени штаба командующего Псковским районом полковника С.Н.Булак-Балаховича и выходила под редакцией Н.Н.Иванова. В ней печатались военные сводки штаба Северо-Западной армии. Издание печаталось в типографии трудовой псковской артели¹⁶. На сегодня известно 6 номеров «Освобождаемой России»¹⁷.

Одновременно с издательской деятельностью в Гдове и Пскове Иванов продолжал пропаганду своих идей и в Ревеле. Издававшая им в Ревеле газета «Новая Россия» с 19 мая по 30 июня печаталась в уменьшенном формате под названием «Телеграммы ежедневной демократической газеты Новая Россия» (№ 40-72). В течение весны-лета 1919 года, на страницах газеты также восхвалялся Булак-Балахович, публиковались его воззвания, а также пропагандировались идеи Псковской республики. Помещались сообщения о ходе боев, телеграммы из-за границы, перепечатки отдельных статей из советской периодики, в которых содержалась критика недостатков большевистского строя.

Кроме «Новой России Освобождаемой» и «Освобождаемой России», агитационно-пропагандистская деятельность властей в Пскове осуществлялась газетами «Возрождение» под редакцией районного коменданта Афанасьева (известно 6 номеров за июль 1919 г.) и «Заря России» (известен 21 номер за июнь-август 1919 г.)¹⁸, превозносившими Булак-Балаховича как «народного героя», «легендарного Народного витязя» и т.д.

Газета «Заря России» стала издаваться с июня 1919 г., после вынужденного отъезда Н.Н.Иванова из Пскова и передачи Псковского района в подчинение командира 2 стрелкового корпуса генерал-лейтенанта Е.К. Арсеньева. «Бесцветная, казенная, полуофициоз генерала» - так характеризовал ее В.Л.Горн¹⁹. «Заря России» также восхваляла Булак-Балаховича. Основными разделами газеты были сводки Северо-Западной армии, информационные материалы по Пскову, России, из-за границы, телеграммы, публицистические статьи (авторы Волжанин, Е.Семенов и др.), хроника, корреспонденции из уезда, объявления. Газета печаталась в электрической типографии Псковского губернского земства.

Газету «Возрождение» издавала Трудовая псковская артель. Она же печатала бюллетень «Деловой день» (известен один номер) и ежедневную общественную газету «Псковское вече» (известно 25 номеров, первый номер вышел 23 июля, последний - 24 августа)²⁰.

Вместе с тем, несмотря на обилие газет, периодическая печать в Пскове находилась в крайне стесненных условиях, «всякий намек на свободу пресекается в корне»²¹.

Просьбы псковской интеллигенции, надеявшейся возобновить закрытую при большевистском режиме «за контрреволюционность» газету «Псковская жизнь», существовавшую в городе десять лет и пользовавшуюся большой популярностью у жителей, не нашли понимания у Булак-

Балаховича²². В ответ на предложение группы псковичей о возобновлении «Псковской жизни» Н.Н.Иванов отвечал: «Позвольте, у нас есть газета - «Новая Россия». Сотрудничайте в ней. Всякая партийность, страстность сейчас неуместны»²³.

Кроме периодики, в Пскове при Булак-Балаховиче издавались листовки. В настоящее время известно несколько листовок - «Благодарю за труды все подчиненные мне части и отряды...» (подписана: командующий русскими войсками Псковско-Гдовского района, атаман крестьянских и партизанских отрядов подполковник Булак-Балахович), «Русские люди» (подписана: народные войска идущие с общественной властью), «Призыв батьки» (подписана: атаман крестьянских и партизанских отрядов подполковник Булак-Балахович), относящиеся к концу мая - июлю; «Вы знаете меня. Я - слуга народный...» (подписана: атаман крестьянских и партизанских отрядов, начальник особой сводной дивизии, генерал-майор Булак-Балахович). Указанные листовки уже публиковались в ряде мемуаров и исторических работ²⁴.

Несмотря в целом на либеральный характер идей, пропагандировавшихся Ивановым в периодике Пскова, в глазах общественности режим Булак-Балаховича скомпрометировал Белое дело тем, что под демократическими лозунгами осуществлялись ничем не прикрытые террор, насилие и произвол. С другой стороны, командование Северо-Западной армии обвиняло Булак-Балаховича и Иванова в сепаратизме и неподчинении. Н.Н.Иванов впоследствии указывал на идеологический характер противостояния Северного корпуса и Белого Пскова как двух течений в Белом движении, утверждая, что псковские власти расходились со штабом Северного корпуса во всем, включая стратегию и тактику Гражданской войны²⁵. В середине июля 1919 г. командование армии вынудило С.Н.Булак-Балаховича удалить Иванова из Пскова, после чего общественно-гражданское управление было распущено и восстановлены прежние органы местного самоуправления, но в урезанном виде. Свое устранение из Пскова Иванов посчитал ударом Н.Н.Юденича по «демократическому очагу», предательством Белого дела, в конечном итоге приведшем к падению Пскова. «Уехав в Ревель, я возобновил печатную борьбу с черными насильниками, губившими народное Белое дело», - писал впоследствии Н.Н.Иванов²⁶.

В середине августа Булак-Балахович был устранен из Пскова командованием армии, выехал к эстонцам, после чего Юденич приказал ввиду этого исключить Булак-Балаховича из списков армии и считать бежавшим.

В течение всего своего правления режим Булак-Балаховича дискредитировал Белое движение в глазах местного населения и оборонявших город эстонских войск, следствием чего стало лишение последнего поддержки местного населения и падение Пскова под ударами большевистских войск 25 августа.

На Белом севере (Ямбург и Гдов) доминировала военная агитационно-издательская деятельность, выразившаяся в деятельности Военно-гражданского управления и политических органов при штабе А.П.Родзянко.

В Ямбурге при участии лидера крайне правых Н.Е.Маркова 2-го, прибывшего из Финляндии с группой офицеров, планировавшего создать монархический центр и зачисленного приказом от 16 июня 1919 г. в Военно-гражданское управление на должность обер-офицера для поручений (под именем штабс-капитана Льва Николаевича Чернякова), а также штаба армии, в июле 1919 г. издавалась газета «Белый крест», редакция которой располагалась непосредственно в здании Военно-гражданского управления. Содействие в издании газеты оказывали комендант Ямбурга полковник А.В.Бибиков и начальник Военно-гражданского управления полковник А.Хомутов²⁷.

Свое название газета получила от эмблемы «Белый крест» - символа Северо-Западной армии. Форма одежды Северо-Западной армии представляла собой одежду старой русской армии, дополненную шевроном на левом рукаве в виде угла (острием вверх) из цветов российского национального флага - белого, синего и красного, под углом находился Белый крест.

Цели газеты определялись ею следующим образом: «Политические направление «Белого креста» просто и ясно выражается в трех словах: «Святая церковь», «Великая Россия», «Правый закон». Наша иностранная ориентация: «От России руки прочь!»²⁸.

Материалы в газете располагались по следующим постоянным рубрикам: «В Белой России», «Положение в Петрограде», «Сообщения из штаба Северо-Западной Армии». Кроме того, публиковались также международные заметки и др. материалы²⁹.

Официальным редактором была В.Лукина. Всего вышло семь номеров газеты. Материалы в газете были подписаны инициалами и псевдонимами В.Н., Добровolec, З.П., Зритель, Константинов, Л.Ч., Охочий, Старожил, Уралец, Щур, Estur³⁰. Последний был автором единственной литературной публикации в газете³¹.

Газета «Белый Крест» распространялась в Ямбурге и ближайших уездах, причем в этом участвовал лично начальник Военно-гражданского управления А.Хомутов, перевозивший тюки с газетой³². Активное участие в распространении газеты на фронте принимали члены монархической организации «Союз верных», созданной Марковым 2-м³³.

В политическом отношении газета носила ярко выраженный черносотенный, погромный характер. Материалы имели настолько вызывающий характер, что командующий корпусом Родзянко был вынужден 3 июля 1919 г. ее закрыть, а полковника А.Хомутова отстранить от должности.

Военное командование Северного корпуса (затем - Северо-Западной армии) занималось агитационно-пропагандистской и издательской деятельностью независимо от гражданских властей Белого Северо-Запада. Есть сведения, что в первой половине 1919 г., еще до начала майского наступления, т. е. тогда, когда Северный корпус находился еще на территории Эстонии, штаб А.П.Родзянко издавал и распространял прокламации черносотенного характера в пределах Псковской губернии и Гдовского и Ямбургского у. Петербургской губернии³⁴. Н.Н.Иванов в своих воспоминаниях сообщал о листовках, написанных им 11 мая по собственной инициативе и с разрешения командующего корпусом Родзянко, в которых говорилось о целях войск и которые распространялись среди населения в самом начале весеннего наступления. По словам Иванова, демократический характер этих листовок не мог устраивать командование корпуса, и в занятом белыми Гдове эти листовки были в урезанном виде - без подписи Родзянко. «Оказалось, их лично отрезал приезжавший в Гдов Родзянко после внушения со стороны штабного «демократа» Крузенштерна»³⁵.

После начала майского наступления агитационно-пропагандистская работа в Северном корпусе сосредоточилась в Военно-гражданском управлении. Имеются сведения, что 11-го и 13 июля аэропланы белых разбросали несколько тысяч прокламаций над станциями Кикерино, Елизаветино, Гатчино, занятыми красными³⁶.

С 22 июня по 9 декабря 1919 г. выходил официальный орган штаба армии - ежедневная газета «Вестник Северной армии». Всего вышло 139 номеров. С 9 июля (№ 14-139) газета называлась - «Вестник Северо-Западной армии». Ее редакция находилась в Нарве. Газета предназначалась для солдат и офицеров. С 24 июня вестник издавался по распоряжению Главного начальника тыла Северного корпуса, затем - начальника тыла Северо-Западной армии (5 июля) и Северо-Западного фронта (23 августа), а с 26 августа - командующего Северо-Западной армией. Вначале газета выходила на двух газетных полосах, а с 8 октября ее стали издавать на четырех полосах. Дата выхода давалась по старому и новому стилю, при этом число по новому стилю стояло первым.

Газета находилась на правых монархических позициях³⁷. Ее боевым лозунгом являлся клич «Вперед - за Великую, Единую, Неделимую Россию»³⁸. Цели издания определялись следующим образом: «Редакция ставит своей целью дать населению занятых русских областей свежие новости - преимущественно из сферы боевых действий Северного корпуса и оперирующих совместно с ним всех других войск, а также осведомить публику о положениях на остальных русских фронтах: адмирала Колчака, генерала Деникина и других. К этому будут присоединены и иностранные телеграммы. Вместе с тем «Вестник» постарается опубликовать все приказы и воззвания к населению от штаба корпуса и Военно-гражданского управления области»³⁹.

Постоянными рубриками газеты были: «Военный обзор», «Из Красных газет», «Официальный отдел», «Последние известия», «Сообщения штаба Верховного Главнокомандующего», «Сообщения штаба Северной Армии», «Телеграммы». Главное место на страницах органа отводилось официальным документам, приказам, распоряжениям, воззваниям. При помощи газетных публикаций они доводились до сведения местного населения. В газете давалась информация о ходе боевых действий на Северо-Западе и на других фронтах Гражданской войны, а также сообщения из-за рубежа и из Советской России.

Редактором «Вестника Северо-Западной армии» был Г.И.Гроссен, который до революции служил помощником обер-секретаря в уголовно-кассационном департаменте Сената и одновременно занимался педагогической и журналистской деятельностью, сотрудничая в журналах «Зритель», «Всеобщий журнал», «Альманах для всех» (под псевдонимом Нео-Сильвестр). Изучал международное право и политэкономия в Цюрихе, Иене и Мюнхене, выпустил книги «В заграничном университете» и «Справочник прокуратуры и судебных следователей». Во время революции 1917 г. принадлежал к партии народных социалистов. В августе 1919 г. бежал из Советской России в Эстонию. Поражение и ликвидацию Северо-Западной армии Г.И.Гроссен впоследствии описал в своих воспоминаниях⁴⁰. В начале 1920-х гг. он переехал в Ригу, где сначала занимался журналистикой, работая в газетах «Рижский курьер» (в качестве соредатора),

«Сегодня», «Вечернее Время» и других. Ряд материалов в этих изданиях в был непосредственно связан с бедственной судьбой Северо-Западной армии. Затем Г.И.Гроссен преподавал в русской дополнительной школе для взрослых, гимназии Беатер и белорусской гимназии, являлся членом правления Русского союза учителей и Русского театрального общества. Впоследствии Г.И.Гроссен переселился в Германию, в 1966 г. во Франфурте-на-Майне в издательстве «Посев» были изданы его воспоминания «На буреломе», в которых нашла отражение и его деятельность в Северо-Западной армии⁴¹.

Литературные публикации в газете имели подписи: стихи - А.Князева, Б.С. («В столице пала ночь... спят тихие громады...» в № 92 от 12 октября; «Лишь Ямбург пал, уж Волосово взято...» в № 94 от 16 октября; «Часы бегут неудержимо» в № 100 от 23 октября, В.Г. («Утешение» в № 97 от 19 октября); проза - Адэ-Часогоров (очерк «Танька» в № 103 от 26 октября), В.Баранов, Н.Белый («По большевистским тюрьмам: очерки» в № 133 от 30 ноября), Клевский, Мирский.

Статьи в газете были подписаны следующими авторами: Л. Андреев (статья «Печальник земли русской» в № 101 от 24 октября, Н. Васильев, И. Сургучев, Старый писатель. Другие материалы принадлежали Адэ-Часогорову, Н. Васильеву, С. Горному, Г.И.Гроссену (Нео-Сильвестр), Л.Г.Дего, Клевскому, А.Т., Жупелу, Леониду, Читателю⁴².

Кроме газет, типа ямбургского «Белого креста» агитационная и издательская деятельность военного командования Северо-Западной армии реализовывалась в листовках, обращенных к солдатам Красной армии. Этим занимались военно-цензурное и литературное отделение Северо-Западной армии. По данным А.В.Смолина⁴³, всего отделение выпустило 19 названий листовок (из них 18 было адресовано воинам Красной армии и одна - солдатам Северо-Западной армии): «Красноармейцы! Кто ваши союзники?», «Освобожденному от ига большевиков населению России», «Последнее слово к Красной армии. Солдаты и командиры Красной армии!», «Еще коммунистам», «Бывшим офицерам, остающимся еще в Красной армии!», «Цели и задачи народных армий», «Когда же будет конец войны», «Обращение к Красной армии», «Братья!», «Граждане великой земли русской», «Знайте красные солдаты - вы идете против народа», «Призыв к солдатам Красной армии», «Солдатам-красноармейцам, еще не перешедшим в Белую армию», «Красные офицеры и солдаты! За что вы боретесь и за что мы подняли оружие?», «Солдаты и граждане!», «Солдатам Красной армии», «Граждане», «Думы рабочего» и «Белым солдатам!» Последняя предназначалась для солдат Северо-Западной армии, и была написана генералом А.П.Родзянко в связи со сдачей белыми Ямбурга и Пскова в августе 1919 г., чтобы поднять дух войск (см. Приложение 1).

Вышеназванные листовки указаны А.В.Смолиным по коллекциям И.В.Гессена и Б.И.Николаевского в Архиве Гуверовского института войны, революции и мира при Стэнфордском университете (Калифорния, США), где находится крупнейшая коллекция материалов по Гражданской войне 1918-1920 гг. на Северо-Западе⁴⁴. Часть листовок была опубликована в книге В.Л.Горна «Гражданская война на Северо-Западе» (С.65-66, 178, 394-396). Содержание листовок сводилось к обвинению большевиков в насильственном захвате власти, разрушении хозяйства, попрании моральных норм, уничтожении православия, предательстве национальных интересов⁴⁵. Листовки имели ярко выраженную антиинородческую (в основном - антисемитскую) направленность. Особенно в этом отношении выделялись «Красные офицеры и солдаты! За что вы боретесь и за что мы подняли оружие?» и «Думы рабочего» (доступные по книге В.Л.Горна). Авторство листовки «Думы рабочего» приписывалось Н.Е.Маркову 2-му. В листовках шла агитация за переход красноармейцев к белым под лозунгом «хватит братской крови». Основным способом распространения листовок стало их разбрасывание с аэропланов. Кроме этого, использовались также специальные агенты-ходоки, разносившие листовки по местностям, занятым красными⁴⁶.

Гражданская (либеральная) агитационно-издательская деятельность Белого движения Северо-Запада, связывавшаяся в мае - июле 1919 г. с именами отдельных лиц (Н.Н.Иванова и др.), с конца лета 1919 г. организационно оформилась в деятельности созданного в августе Северо-Западного правительства (11 августа, одновременно с формированием первого состава правительства, Политическое совещание в Гельсингфорсе прекратило свое существование), составлявшего коалицию из трех социалистов (еще двое называли себя таковыми), трех кадетов, трех беспартийных гражданских, двух военных и одного радикала. Социалисты имели значительное влияние в Северо-Западном правительстве. Кроме ряда министерских постов, они контролировали Отдел агитации и пропаганды. Активную издательскую деятельность Северо-Западное правительство развернуло во время осеннего наступления Северо-Западной армии.

В Латвии на протяжении лета 1919 г. происходила концентрация русских белых сил и их постепенное срачивание с германской армией.

В июне приказом А.В.Колчака А.П.Ливен был назначен командиром русских стрелковых частей в Курляндии с подчинением генералу Н.Н.Юденичу. Тогда же из Германии, где по согласованию с германским командованием и Антантой в феврале - марте 1919 г. среди военнопленных началась вербовка добровольцев для борьбы с большевиками, в Прибалтику прибыли отряды полковников П.Р.Бермондта и Вырголича. Бермондт обосновался в Митаве, а Вырголич избрал своей базой литовский город Шавли. В отряд Бермондта в Митаве из находившихся в Латвии германских войск Р. фон дер Гольца были направлены инструкторы⁴⁷.

После отправки в июле отряда князя А.П.Ливена под Нарву и включения его в состав Северо-Западной армии отряды П.Р.Бермондта 18 июля были переформированы в Западный добровольческий имени графа Келлера корпус, в который вошел и отряд полковника Вырголича в Литве. Ко 2 сентября корпус был переформирован в Западную добровольческую армию в составе двух корпусов, формально подчиненную Северо-Западному фронту. Армия открыто выступала под монархическим знаменем, а ее политотдел выработал программу монархистов-демократов⁴⁸.

Агитационно-издательская деятельность войск Бермондта выразилась в издании листовок и периодических изданий. В конце июня при административно-гражданском отделе при штабе отряда Бермондта было сформировано агитационное отделение, которое приступило к изданию антибольшевистской печатной продукции. Впоследствии агитационное отделение издавало в Митаве газету «Западный край», имевшую подзаголовок «Беспартийный орган русской общественной мысли»⁴⁹. Всего вышло 12 номеров, редактором-издателем был Ф.Юрьев. Газета печаталась «в необходимом количестве экземпляров», была предназначена как для армии, так и для населения и несла информацию об антибольшевистской борьбе на разных фронтах, о военных и гражданских мероприятиях П.Р.Бермондта⁵⁰. В октябре 1919 г. в Митаве издавалась газета «Русский голос» с подзаголовком: «Шестидневная газета, издаваемая правительством Бермондта»⁵¹.

Все значимые моменты своей деятельности Бермондт сопровождал публикацией листовок и воззваний. Так, мотивы нежелания уходить из Митавы вопреки приказу Н.Н.Юденича Бермондт изложил в «Воззвании к народу Латвии», датированном 26 июля и подписанном «Командир Западного добровольческого имени графа Келлера корпуса полковник Бермондт»⁵².

В Шавли агитационный отдел корпуса Вырголича выпускал «Листок 2-го Западного Добровольческого корпуса», первый номер которого вышел 9 ноября 1919 г.⁵³

3-й этап

В результате осеннего наступления под контролем Белой Северо-Западной армии на короткое время оказались Ямбург (11 октября - 14 ноября), Луга (13 - 31 октября), Гатчина (17 октября - 3 ноября), Красное Село (16 - 26 октября). Дольше всего Белая власть держалась в Гдове.

На занятых территориях остро проявлялось противоборство военных и гражданских властей, отражавшееся на состоянии издательского дела в регионе. Северо-Западное правительство постоянно находилось в состоянии конфронтации с военными властями. Обе стороны пытались ограничить друг друга во властных полномочиях. Фактически постановления правительственных министерств игнорировались военными, а 18 октября, в разгар успехов похода на Петроград, Н.Н.Юденич издал приказ, в котором все освобожденные территории объявлялись театром военных действий, и назначил генерала П.В.Глазенапа (бывшего начальника Ставропольской губернии) командующим войсками театра военных действий и генерал-губернатором. Этим распоряжением Юденич по сути приостановил деятельность правительства на занятой белыми территории. Фактически власть продолжала осуществляться Военно-гражданским управлением (впоследствии замененным гражданской частью), военными комендантами и военно-полевой юстицией.

Основная причина противоборства лежала в идеологических разногласиях внутри Белого движения. «Северо-Западное правительство перенимало задачи разогнанного большевиками Российского Временного правительства и категорически подчеркивало свой радикально-демократический облик. В этом смысле оно было, пожалуй, единственным из всех Белых правительств»⁵⁴. Програмные положения «Декларации» Северо-Западного правительства были очень близки к программным положениям Блока русских социалистов в Ревеле, который поддерживало правительство⁵⁵. Командование Северо-Западной армии во главе с Н.Н.Юденичем, находившееся в Нарве, стояло на право-монархических позициях.

В этот период военной агитационно-издательской деятельностью ведал агитотдел штаба армии, который возглавил донской атаман, писатель генерал П.Н.Краснов, зачисленный в списки Северо-Западной армии 22 сентября 1919 г.

Куприн Александр Иванович
(1870-1938)

Военная издательская деятельность выражалась, как и раньше, в выпуске листовок и органов периодической печати. Самым значительным событием являлось издание по инициативе штаба Северо-Западной армии в занятой белыми Гатчине ежедневной газеты «Приневский край». У истоков ее стояли писатель А.И.Куприн и П.Н.Краснов.

В своем рассказе «Купол Святого Исаакя Далматского» А.И.Куприн подробно рассказал о создании газеты и о своей деятельности в качестве редактора. В течение долгих лет сотрудничество с Белым движением Северо-Запада считалось «темным пятном» в биографии классика русской советской литературы.

Одна из последних попыток научного осмысления сотрудничества Куприна с белыми принадлежит С.Н.Полтораку: «Когда осенью 1919 г. части Северного корпуса армии генерала Н.Н.Юденича вошли в Гатчину, у А.И.Куприна не было никаких душевных метаний и сомнений по поводу своих дальнейших поступков. К тому времени он считал себя давно прозревшим гражданином. В революции он видел лишь ее издержки, затмевавшие какие-либо иные стороны радикальных общественных преобразований.

Некогда презираемые черты прежнего политического строя теперь высвечивались ностальгическими красками: золотом офицерских погон, вороненым отблеском надраенных хромовых сапог. С приходом белогвардейцев появилась вера в утраченный строгий порядок, в торжество русского духа, национального патриотизма, в заботу о цивилизации, демократии, в значимость человеческого интеллекта, дарования и всего того, что десятки лет вело на эшафот русских интеллигентов»⁵⁶.

В «Куполе Святого Исаакя Далматского» Куприн определенно высказывает свою гражданскую позицию: «Победоносное наступление Северо-Западной армии было подобно для нас разряду электрической машины. Оно гальванизировало человеческие полутрупы в Петербурге, во всех его пригородках и дачных поселках. Пробудившиеся сердца загорелись сладкими надеждами и радостными упованиями. Тела окрепли, и души вновь обрели энергию и упругость»⁵⁷.

В первое утро прихода Северо-Западной армии в Гатчину (17 октября) живший в ней А.И.Куприн, как офицер запаса, явился к коменданту города для регистрации. Начальником штаба полковником Б.Видякиным Куприну было предложено взять на себя регистрацию пленных и добровольцев, а 18 октября писателю сделали официальное предложение участвовать под началом П.Н.Краснова в создании и выпуске прифронтовой газеты. Куприн согласился без долгих раздумий и вместе с Красновым немедленно приступил к работе. Некоторое время ушло на обсуждение деталей о типографии, бумаге и содержании первого номера. Труднее всего, как пишет Куприн, было договориться о названии газеты. «Мы всячески комбинировали «Свет», «Север», «Неву», «Россию», «Свободу», «Луч», «Белый», «Армию», «Будущее». П.Н.Краснов нашел простое заглавие: «Приневский край». Мелькнул у меня в голове дурацкий переворот: «При! Невский край». Но каждое наименование и можно перебалаганить. Все равно: на десятом номере обомнется и станет привычным»⁵⁸.

А.И.Куприн получил от П.В.Глазенапа полномочия реквизировать бумагу в каком-либо магазине (под расписку), и бумага, «прекрасная оберточная рыжая бумага», была изъята в магазине Офицерского экономического общества. Пригласили трех наборщиков, которым, по предложению Куприна, выдавался солдатский паек. «Станок был елине Гуттенбергов, тоего внучатый племянник. Он печатал только в одну полосу. Чтобы тиснуть продолжение, надо было переворачивать лист на другую сторону. Приводился он в действие колесом, вручную, в чем я принимал самое живое участие. Этот станок, этого верблюда, мы таскали с собой потом в Ямбург; в Нарву, в Ревель. Разбирали и собирали. Главный его недостаток был в медлительности работы»⁵⁹.

По просьбе Куприна комендант Гатчины Лавров распорядился, чтобы при допросе пленных красноармейцев выясняли, есть ли среди них мастера печатного дела, и если есть, то направляли таковых в «Приневский край». На третий день выхода газеты было прислано два мастера: один - рядовой наборщик, «другой же оказался прямо драгоценным приобретением: он раньше служил в синодальной типографии, где, как известно, требуется самая строгая, интегральная точность в работе, в кроме того, у него оказались точный глазомер и находчивость настоящего метранпажа»⁶⁰. Затем были наняты еще два вертельщика.

**Генерал-лейтенант
Краснов Петр Николаевич (1869-1947)**

«Работали круглые сутки в две смены. Довели тираж до тысячи, но и того не хватало»⁶¹. Проблема с бумагой вскоре была решена: «Вблизи Гатчины мы откопали бумажную фабрику, заглохшую при большевиках, но с достаточным запасом печатной бумаги»⁶².

Таким образом, уже через 28 часов после предложения Куприну об участии в газете, т.е. в 14.00 19 октября первый номер «Приневского края» вышел в свет в Гатчине⁶³. Тираж первого номера составил 307 экземпляров. Впоследствии тираж был доведен до тысячи экземпляров⁶⁴. В первом номере с разрешения Глазенапа использовали информацию из последних большевистских газет (с комментариями Куприна). Передовая статья принадлежала перу П.Н.Краснова. Сам А.И.Куприн написал статью «Ленин. Моментальная фотография» по личным впечатлениям от беседы с Лениным в 1918 г. в Кремле⁶⁵.

Распространение издания осуществлялось путем розничной продажи. Газета предоставляла скидку оптовым потребителям (покупающим сразу более 50-ти экземпляров) в размере 40%⁶⁶, в № 10 - 20% и т.д. (см. Приложение 2).

Всего вышло 50 номеров, последний - 7 января 1920 г. в Нарве. Из всех номеров в 1919 г. вышло 43 номера (№ 1-43), а 1920 г. с 1 по 7 января - 6 номеров (№ 44-50). В № 1-6 редактором указан А.Куприн (?). В начале ноября (№ 7-20) редактором газеты стал А.Лебедев, а в декабре 1919 г. - январе 1920 г. (№ 21-50) ответственным редактором указан Г.Лампе, а издателем В.Лебедев⁶⁷. В Нарве газета печаталась в типографии штаба Северо-Западной армии.

Газета предназначалась для гражданского населения районов, освобожденных от красных, в отличие от «Вестника Северо-Западной армии», адресованного прежде всего для воинских чинов. Издание имело подзаголовок «военно-осведомительная, литературная и политическая газета». Выражало антибольшевистскую и реставрационную направленность⁶⁸, постоянно полемизировало со «Свободной Россией».

Постоянными рубриками газеты были «Последние известия» и «Телеграммы». На ее страницах печатались приказы и воззвания генералов Юденича, штабов Глазенапа и Палена, сообщения о боевых действиях на фронте, статьи на исторические темы (автором их был, в основном, П.Н.Краснов) - о Смутном времени, собирании Руси, Петре I, политической жизни Европы и т.д. Подвиги Белых войск сопровождалась восторгами и умилением. Ключ к пониманию этого содержится в строках Куприна: «Я пламенный бард Северо-Западной армии. Я никогда не устану удивляться ее героизму и воспевать его»⁶⁹. Северо-Западную армию Куприн называл «истинно рыцарской армией»⁷⁰.

Практически все материалы для публикации готовились А.И.Куприным и П.Н.Красновым, выступавшим под псевдонимом Гр. Ад. (Град - имя любимой скаковой лошади генерала Краснова, на которой он взял много призов в Красном Селе и в Михайловском манеже в Петербурге). Статьи Куприна были подписаны «А.Куприн» или «А.К.». Ряд статей подписан: А.Князева, И.Морозов, Я.Оредовский, В.Тверяк, В-но, Б.В., К.П. Другие материалы в газете принадлежали следующим авторам: Блинов, И.Морозов, Я.Оредовский, Н.Орлов, А.Степняков, А.Д., И.Р., К.П., Л., Эль.

На страницах газеты печатались также и литературные материалы, однако, в большинстве случаев невысокого качества⁷¹. Стихи были подписаны следующими авторами: Я.Белый, Н.Н.Карпов, А.Князева, А.Куприн (Али-Хан), Я.Оредовский, А.Степняков, Б.С., П.Кумов, проза - В.Баранов и В-нов⁷².

На страницах «Приневского края» Я.Белый опубликовал стихотворения «Суду потомства» (№ 30 от 15 декабря), «Коммуна» (№ 49 от 6 января), «Изверившимся» (№ 50 от 7 января). Как отмечает С.Г.Исаков, поэзия Я.Белого (фамилия эта скорее всего является псевдонимом) носила лубочный характер, была сознательно стилизована под просторечье и рассчитана на малоразвитого читателя в стиле Демьяна Бедного, но совершенно противоположной политической ориентации⁷³.

Газета пыталась наладить непосредственное общение с читателями. Из номера в номер в ней публиковался призыв к офицерам помочь «в ее новом начинании присылкою боевых воспоминаний, очерков, рассказов, сенок, заметок, дневников и т.п.», к гражданам - делиться с газетой «сведениями в области городского хозяйства и самоуправления и в других отраслях внутренней жизни». «Подходящий материал будет с благодарностью напечатан целиком, или с согласия авторов использован частью. Гонорар по уговору»⁷⁴.

Как писал А.И.Куприн, газетная работа в качестве редактора «Приневского края» доставляла ему «удовлетворение и гордость»⁷⁵. В то же время сохранились свидетельства, что Куприн был не всегда доволен ходом дел в газете, а именно вмешательством редактора Лебедева в литературный язык и «генеральское засилье»⁷⁶.

Когда началось отступление Северо-Западной армии, редакция «Приневского края» отходила вместе с армией, пока временно не обосновалась в Нарве, где с 7 декабря 1919 г. (№ 23) было возобновлено издание газеты. Последний номер (№ 50) вышел 7 января 1920 г. А.И.Куприн в это время хотя и считался сотрудником газеты, но реально уже не принимал в ней участия. Вскоре Куприн выехал в Ревель, где провел три дня перед отъездом в Гельсингфорс.

Формальным редактором в этот период числился Г.Лампе, а издателем - бывший паж В.Лебедев, слабо разбиравшийся в литературе и журналистике⁷⁷. Наиболее активным сотрудником газеты в нарвский период ее существования был Я.Оредовский.

Кроме редакторской работы А.И.Куприн принимал участие и в другой агитационно-издательской деятельности Белого движения. Так, после прошедших в Гатчине слухов о предстоящих еврейских погромах, по настоянию Куприна и с разрешения начальника штаба Видякина, Александр Иванович составил воззвание, в котором говорилось о больших заслугах гатчинских евреев, о их совершенной чуждости большевикам, а также о строгой ответственности и суровой каре, которая постигнет насильников и подстрекателей. Затем воззвание было подписано графом Паленом и скреплено подписью начальника штаба, а на следующий день расклеено в Гатчине. М.С.Маргулиес ссылается на слова Куприна, что во многом именно его (Куприна) усилиями в Гатчине были предотвращены погромы, которые собирались учинить белые⁷⁸.

Во время подготовки и проведения осеннего наступления военного командование активно занималось изданием листовок. К этому периоду относятся листовки «Матросы» за подписью «Командующий Северо-Западной армией генерал от инфантерии Юденич»⁷⁹, «Братья», «Знайτε красные солдаты - вы идете против народа», «Граждане великой земли русской» за подписью «Штаб Северо-Западной Армии», «Последнее слово к Красной Армии» за подписью «Штаб Белой армии», «Граждане Петрограда и вы, заблудшие люди, обманутые насильниками комиссарами, солдаты и матросы Красной армии!» за подписью «Изд-во штаба войск театра военных действий Северо-Западной армии»⁸⁰ и другие (например, см. Приложение 3).

В период перед и во время осеннего наступления под руководством генерал-майора К.С.Владимирова, распорядившегося контрразведкой, подведомственные ему чины в целях воздействия на красноармейцев издавали фальшивые («подложные») прокламации-летучки за подписью Революционного Военного Совета с обещанием раздачи особых пайков и дополнительных предметов обмундирования к определенному сроку⁸¹.

Гражданская (либеральная) издательская деятельность выразилась, главным образом, в издании газеты «Свободная Россия» и в деятельности отдела агитации и пропаганды Северо-Западного правительства.

Вопрос о создании своего печатного органа встал сразу же после создания правительства. Уже 14 августа 1919 г. М.С.Маргулиес выступил с предложением о немедленном издании ежедневной газеты «Свободная Россия», причем именно он предложил и такое ее название. Окончательно вопрос был решен 23 августа⁸².

Редактирование газеты первоначально хотели предложить И.В.Гессену, но тот отказался покинуть Гельсингфорс, поэтому возглавить редакцию было поручено бывшему сотруднику «Биржевых ведомостей» Г.Л.Кирдцову⁸³. Формально ответственным редактором газеты (зиг-редактором) стал бывший московский присяжный поверенный поручик А.Н.Троицкий⁸⁴. В первом номере его фамилию набрали неправильно и она звучала «Троцкий».

Уже на организационном этапе издания встретились первые трудности: союз эстонских наборщиков вначале отказался дать рабочих для типографии и снял свой запрет только тогда,

когда получил заверения от одного из членов Северо-Западного правительства, что издание будет иметь демократическую направленность⁸⁵.

Первый номер «Свободной России» вышел 26 августа. В подзаголовке значилось: «Литературно-политическая газета. Орган независимой демократической мысли». Газета являлась полуофициозом Северо-Западного правительства и последовательно проводила курс его демократического большинства - борьбу как против большевиков, так и против реакционеров-монархистов, за демократическую Россию. Эта позиция утверждалась в передовых и политических статьях. Цели издания определялись следующим образом: «Все русские демократические партии выработали общую платформу во имя одной цели. «Свободная Россия», орган независимой демократической мысли направил все свои силы к тому, чтобы всемерно поддерживать и отражать это необходимое нам единение в борьбе с врагом». Официального правительственного грифа газета не имела, а выходила как частное издание. Как объясняет В.Л.Горн, это было сделано по тактическим соображениям. Издаваясь на чужой территории, газета подлежала надзору эстонских властей и, на основании существовавшего тогда права у министра внутренних дел Эстонии, могла быть закрыта им в любую минуту. Поэтому во избежание подобного «конфуза» с правительственным органом, газета выпускалась частным порядком, с принятием лишь расходов на счет правительства⁸⁶. Со 2 сентября по 8 декабря правительство израсходовало на издание «Свободной России» 244 856,86 эстонских марок⁸⁷.

Руководящее ядро редакции газеты принадлежало к русскому Социалистическому блоку в Ревеле, организованному выехавшими из России эсерами и меньшевиками летом 1919 г. Блок поддерживал Северо-Западное правительство. Либерально-демократическая и социалистическая ориентация газеты привела ее к состоянию постоянной конфронтации с военным командованием Северо-Западной армии, стоявшим на право-монархических позициях⁸⁸. Тем не менее вначале, при наступлении Северо-Западной армии на Петроград, редакция старалась не акцентировать своих разногласий с военным командованием и выступала прежде всего за единство белых сил в борьбе с красными. Но после поражения Юденича критика военного руководства армии резко усилилась.

С другой стороны, сложные отношения складывались у газеты и с местной эстонской властью. Недоверие к Северо-Западной армии со стороны эстонских властей переносилось и на Северо-Западное правительство, хотя оно особых поводов для этого не подавало. Хотя газета с самого начала признала независимость Эстонии, отношения с эстонскими властями складывались очень тяжело. Газету замалчивали или явно искали повода, чтобы «подцепить», искажая информацию и факты. Поэтому членам правительства (Богданову и Горну) приходилось лично объясняться с редакторами эстонских газет.

Под названием «Свободная Россия» вышло 19 номеров газеты, с 26 августа по 16 сентября 1919 г., когда издание было закрыто по распоряжению министра внутренних дел Эстонии А.Хеллата (Геллата) за публикацию в № 19 материала «Валюты» о падении курса эстонской марки на 10-15% и повышении курса «нововыпущенных казначейских знаков Северо-Западного фронта», одной из причин чего объявлялись слухи о готовящихся мирных переговорах между Эстонией и Советской Россией. Зитц-редактор А.Н.Троицкий был выслан из Эстонии в Гдов⁸⁹.

С 18 сентября газета начала выходить снова под названием «Свобода России» с новым формальным редактором В.К.Тронесневским, а затем с № 18 Э.Я.Вейманом. Позже редактором стала его сестра М.Я.Вейман. Возобновленная газета продолжала ту же линию, что и закрытая «Свободная Россия». Она призывала к борьбе с большевиками и с этих позиций поддерживала Северо-Западную армию, но в то же время отрешивалась от реакционно-монархического лагеря, призывала белых не восстанавливать старые порядки и утвердить демократию в Россию. Газета с еще большей решительностью, чем раньше, стала декларировать полное признание независимости Эстонии и необходимость дружеских отношений между русскими и эстонцами. В отличие от большинства других русских зарубежных газет, она печатала много материалов об украинцах и белорусах, поддерживала их национальные устремления, регулярно публиковала интервью с представителями Украинской Рады и Белорусской Народной Республики⁹⁰.

На страницах «Свободной России» публиковались сообщения штаба Северо-Западной армии и Северо-Западного правительства (отчеты министерств, интервью министров), новости из Советской России, телеграммы из-за границы, объявления. Основными рубриками газеты были: «Библиография», «В Советской России», «Война и мир», «За границей», «Зрелища», «Местная жизнь», «О России и за границей», «Печать в Советской России», «Последние известия», «Театр и кино», «Хроника»⁹¹. Источником информации о событиях на фронтах для газеты являлись радио-сообщения, которые на страницах «Свободной России» преобразовывались в сводки о положении фронтов по всей России. Информации на других фронтах Гражданской войны неизменно

отводилось значительное место на страницах газеты, особенно во время осеннего наступления Северо-Западной армии под Петроградом. Так, после взятия Гатчины и Орла помещались «жирные аншлаги среди текста» типа «победа близка», «совсем близко», «накануне» и т.п.⁹²

Много статей писали члены правительства С.Г.Лианозов (под псевдонимом Трибун), В.Л.Горн и другие. Значительное место отводилось полемике с «Новой Россией» Н.Н.Иванова и мягкой полемике с эстонской прессой. Резко критиковалось черносотенство военных властей Северо-Западной армии. В своей книге «У ворот Петрограда» Г.Л.Кирдецов впоследствии писал: «Я редактировал «Свободу России» на территории Эстонии, цензуре, следовательно, не подвергался, а Северо-Западное правительство я поддерживал в своих статьях лишь постольку, поскольку оно реально творило возвещенные им в своей декларации подлинно демократические принципы»⁹³.

В газете имелся сильный литературный отдел, публиковалось много художественных произведений - рассказов, очерков, эссе. В отдельных случаях выпускались чисто литературные номера, например, пасхальный номер в 1920 г. (№ 76 от 4 апреля). Как отмечает С.Г.Исаков, литературный отдел «Свободной России» и ее продолжателей «Свободы России» и «За свободу России» был выдержан в традиционном реалистическом духе, не было почти никаких следов модернистских течений начала XX в. Это было характерной чертой почти всех русских периодических изданий в Эстонии⁹⁴. В газете преобладала документальная проза. Большинство рассказов на ее страницах тяготело к очерковости. Стихотворения выходили реже. Их авторами являлись А.Браев, В.Гушик (также под псевдонимом В.Г.), Г.А.Елачич де Бужим (также под псевдонимом Г.А.Е., Г.Е.), Кальма, Е.Мандель-Неверов, Н.Нейч, Реш, Н.Рудникова, И.Шефер. Основными авторами были Н.Рудникова и Кальма. Однако художественный уровень стихов, как отмечает С.Г.Исаков, был не высок⁹⁵. И.Северянин в газете не сотрудничал. Известна только одна его публикация в «Свободе России» - «Поэза о Эстонии» (№ 48 от 13 ноября), идейно созвучная позиции газеты.

В газете был опубликован ряд произведений А.И.Куприна: публицистическая статья «Еда», перепечатанная из газеты «Приневский край», а также три работы, опубликованные писателем во время трехнедельного проживания в Ревеле в ноябре 1919 г. (еще в начале месяца Куприн из Ямбурга предложил Г.Л.Кирдецову свое сотрудничество в «Свободе России») - публицистические статьи «Памяти Леонида Андреева» (№ 54 от 20 ноября), «Там» (№ 57 от 23 ноября) и ироническая антиутопия «Речь, сказанная товарищем Лениным в торжественном заседании 25-го октября 1924-го года» (№ 56 от 22 ноября). На этом сотрудничестве Куприна со «Свободой России» прекратилось, что было связано с правыми воззрениями Александра Ивановича в этот период, не отвечавшими курсу газеты, и переездом писателя в Гельсингфорс.

Наиболее плодовитым и интересным автором, активно работавшим в газете в первые пять месяцев ее существования, являлся Г.А.Елачич де Бужим (также под псевдонимами Г.Е., Де-Бужим, Н.Ел-ч, Человек с ушами), автор рассказов и очерков с фронтом (о жизни Белой армии и тыла, в первую очередь, русской деревни под властью белых)⁹⁶.

На страницах издания в 1919 г. печатались фронтовые очерки и впечатления Г.И.Гроссена (псевдонимом Нео-Сильвестр), редактора «Вестника Северо-Западной армии», очерки-«путевые впечатления» К.Тиандера (псевдоним Историк). Начиная с сентября в газете регулярно публиковались рецензии на представления русских театральных трупп, концерты и музыкальные вечера, а с начала 1920 г. иногда и на эстонские спектакли и концерты. Театральные и музыкальные рецензии, как правило, подписывались криптонимами или псевдонимами - Ксения М-н (она же К.М.), Л.П., К., Г.Е., М.Я.У., А.П-в, Ник. З-н.

(Продолжение следует)

Приложение I

Военные и гражданские листовки Белого движения на Северо-западе России

Данная публикация является первой для листовок Белого движения Северо-Запада России в их исходном полиграфическом исполнении. Документы любезно предоставлены автору и редакции альманаха Архивом Гуверовского института войны, революции и мира Стэнфордского университета (США, штат Калифорния).

Мы выражаем искреннюю благодарность и огромную признательность сотрудникам Архива за бескорыстную помощь и поддержку:

Elena S. Danielson, Archivist, Hoover Institution, Stanford;

Carol A. Leadenham, Assistant Archivist for Reference, Hoover Institution, Stanford;

Ronald M. Bulatoff, Archival Specialist, Hoover Institution, Stanford.

* * *

БРАТЬЯ!

Вашъ комиссаръ Троцкій, уложивъ несмѣтное количество Вашихъ братьевъ въ братоубійственной бойнѣ, предложилъ черезъ Вашего комиссара Чичерина миръ Эстоніи.

ПОЧЕМУ ЧИЧЕРИНЪ СЪ ТРОЦКИМЪ НЕ ПРЕДЛОЖИЛИ МИРА ВЕСНОЙ, когда еще на югѣ не поднялась народная армія Деникина, не существовала Сѣверо-Западная армія Родзінко—Юденича, а Колчакъ только что еще формировалъ свои войска? Да потому, что тогда Троцкій и Чичеринъ думали добиться побѣды, пользуясь Вашей темнотой и нагло обманывая васъ на каждомъ шагу.

Теперь же дѣло въ корнѣ измѣнилось. На югѣ Деникинъ забралъ нижнее течение Волги, въ его рукахъ города. Полтава, Екатеринославъ, Сумы, Лубны, Одесса, Херсонъ, Николаевъ, Бѣлгородъ, Кременчугъ, Харьковъ, войска его уже подъ Черниговымъ, Курскомъ и Тулой. Минскъ, Бобруйскъ изили поляни, Кіевъ заняты войсками Петлюры, который дѣйствуетъ совмѣстно съ Деникинымъ, на востокъ адмиралъ Колчакъ снова уже перешелъ въ наступленіе, одерживая большія побѣды. На сѣверѣ наши войска, совмѣстно съ англичанами, продолжаютъ успѣшное наступленіе въ Архангельскомъ районѣ. Краснаго флота, какъ Вы уже знаете, больше не существуетъ. Въ ночь на 18-ое Августа, онъ потопленъ англичанами.

Вы охвачены желѣзнымъ кольцомъ со всѣхъ сторонъ. Ваши комиссары мечутся въ послѣдней агоніи, Васъ перебрасываютъ съ одного фронта на другой, но кругъ Васъ замыкающій все суживается и суживается.

А это значитъ, что Вы остались безъ угля и безъ хлѣба; вотъ почему Вамъ, Красноармейцы, даютъ уже не фунта хлѣба, а лишь 1 фунтъ, а скоро не будетъ и этого и потому Васъ теперь такъ бѣшено томятъ подъ пули нашихъ винтовокъ и опьяняютъ Васъ мнимыми побѣдами въ надеждѣ, что Вы забудете о недостаткѣ хлѣба.

Занявъ временно Псковъ и Ямбургъ, комиссары Ваши обломали свои зубы на Гдовѣ, гдѣ уложили много Вашихъ братьевъ.

Одно появленіе подошедшихъ къ тому времени танковъ, вызвало небывалый подъемъ духа въ нашей Арміи и полную растерянность среди Вашихъ, даже отборныхъ, коммунистическихъ частей. При солѣйствіи танковъ мы Васъ отбросили за рѣку Желчу. За время съ 1-го по 17-ое Сентября мы захватили 2100 пѣнныхъ, 4 орудія съ зарядными ящиками, около 100 пулеметовъ, винтовки, повозки, лошадей, 2 рѣчныхъ парохода и множество другого имущества, не считая большаго числа Вашихъ потерь убитыми и ранеными.

Какъ мы, такъ и Вы теперь хорошо знаемъ, что предложенный Вашими комиссарами миръ Эстоніи—это есть миръ вынужденный, дабы сохранить свою власть надъ Вами. Это есть то, что они называли „Брестской передышкой“. Оправившись немного отъ пораженія, они снова Васъ свергнуть въ братоубійственную бойню.

Такъ чего же вы то ждете? Переходите дружитѣ на нашу сторону.

Красноармейцы! Каждый день промедленія — есть тяжкій грѣхъ передъ вашей семьей, которую каждый изъ Васъ своимъ присутствіемъ въ красной арміи обрекаетъ на голодную смерть. Готовый транспортъ стоитъ уже въ Либавѣ, Ревелѣ и Гельсингфорсѣ и черезъ 20 часовъ послѣ взятія Петрограда семьи ваши получатъ бѣлый хлѣбъ и мясо.

Запомните это твердо, Красноармейцы, и не навлекайте на себя проклятія нашей несчастной Родины и вашихъ умирающихъ отъ голода отцовъ, матерей и дѣтей. Мы сейчасъ призываемъ Васъ въ нашъ станъ, ибо при окончательной нашей расправѣ съ Вашими комиссарами могутъ пострадать и невинные, сражающіеся въ Вашихъ рядахъ лишь поневолѣ. Не медлите же ни одной минуты и скорѣй, пока не ушло еще время, переходите всѣ къ намъ. **Вотъ тогда то и наступитъ подлинный и истинный миръ.** Итакъ, долой коммунистовъ-кровопійцевъ и большевиковъ, заливающихъ Вашей кровью нашу родную землю.

Да здравствуетъ Учредительное Собраніе, свободно избранное свободнымъ народомъ и несущее ему миръ, истинную свободу и хлѣбъ.

Штабъ Сѣверо-Западной Арміи.

ГРАЖДАНЕ ВЕЛИКОЙ ЗЕМЛИ РУССКОЙ.

Что сдѣлали съ вами и съ вашей великой Родиной большевистскіе правители, никѣмъ не избранные и никѣмъ не признанные. Они, захвативъ насильно власть, разрушили всю хозяйственную и умственную жизнь цѣлой страны. Они истощили и всѣ ея матеріальныя средства и силы. Посмотрите,— всѣ предпріятія стали; фабрики и заводы закрыты, заколочены; миллионы людей остались безъ честнаго заработка и хлѣба. Страна ничего не производитъ и народъ живетъ ничтожными остатками того, что еще сохранилось. Но надолго ли хватитъ этихъ остатковъ? Подумайте сами. Вамъ уже теперь нечего обуть и одѣть, такъ какъ нѣтъ матеріаловъ и никто не работаетъ. Вамъ и вашимъ дѣтямъ нечего ѣсть. Вы подорвали свои физическія силы постояннымъ недоѣданіемъ. Нравственно вы измучены и искалѣчены. А что еще ждетъ васъ въ будущемъ? Подумайте только—палачи—коммунисты отнимаютъ небольшой даже избытокъ хлѣба и отъ крестьянина, а потому земледѣльцы обрабатываютъ пашни лишь для себя и для своихъ семей. Родина наша, богатая раньше хлѣбомъ, теперь голодна и бѣдна. Милліоны людей обречены на голодную смерть. Въ Петроградѣ уже нѣтъ дѣтей меньше 2-хъ лѣтняго возраста. Они всѣ поголовно вымираютъ.

Вспомнимъ же теперь, что обѣщали вамъ дать и посмотримъ, что дали вамъ самозванные правители—палачи. Они обѣщали миръ, землю, свободу, покой. Въмѣсто мира они гонятъ васъ на убой противъ вашихъ же братьевъ. Развѣ имъ, жалко вашей крови. Въмѣсто правильнаго раздѣла земли они отнимаютъ послѣдній кусокъ хлѣба у васъ и у вашихъ дѣтей. Свободу, въ самомъ зачаткѣ ея, они задушили своими окровавленными лапами. Они лишили народъ всѣхъ человѣческихъ правъ. Надъ личностью человѣка они издѣваются. И только покой, одинъ лишь покой они дали въ могилѣ сотнямъ тысячъ безвинно расстрѣлянныхъ ими людей.

Посмотрите, какъ судорожно цѣпляются, за насильно захваченную власть именующие себя правителями, предатели нашей Родины. Въ началѣ движеніе, которое они возглавляли, было движеніемъ подонковъ народа и выпущенныхъ изъ тюремъ уголовныхъ преступниковъ. Движенію этому они придали окраску борьбы политическихъ партій. А когда имъ нужна была поддержка солдатскихъ массъ, они распустили ихъ во время войны по домамъ, снова, но уже подъ угрозой расстрѣла, согнали ихъ въ свои полки. Они развратили рабочихъ и ими тоже увеличили свои кадры. Когда имъ нужна была поддержка Германіи, они продали Россію нѣмцамъ, такъ какъ тогда имъ казалось, что тѣ выйдутъ побѣдителями изъ міровой войны. Они заключили съ ними позорный Брестъ-Литовскій миръ на самыхъ унижайтельныхъ для насъ условіяхъ. Они, всегда отвергавшіе государственныя займы, теперь признаютъ ихъ и готовы подъ эти займы, дать наши естественныя богатства страны, которыя ими еще не расшищены.

Вы видите, что большевики мучаютъ нашу родную страну вотъ уже скоро 2 года, лишь бы подольше сохранить въ рукахъ своихъ власть.

ГРАЖДАНЕ ВЕЛИКОЙ ЗЕМЛИ РУССКОЙ! Всѣ, кому дорога наша измученная Родина, всѣ, въ комъ еще не угасъ духъ отъ большевистскихъ застѣнковъ, всѣ, какъ одинъ, должны взяться за оружіе, позабывъ политическіе споры, разногласія, свои личныя обиды и ссоры.

Докопѣ мы, русскіе будемъ на кого то надѣяться Мы сами, своею собственною грудью и кровью должны отстаивать счастье и благополучіе родной намъ земли. Мы всѣ должны приняться за очищеніе нашей Родины отъ большевистской грязи.

И когда великій русскій народъ сброситъ проклятое большевистское иго, надъ Россіей заблеститъ заря свободы и тогда обновленная Россія скажетъ: „Возврата къ старымъ, прежнимъ порядкамъ нѣтъ и не будетъ. Да здравствуютъ Учредительное Собраніе, въ которомъ свободно будетъ выражена воля всего свободнаго русскаго народа“.

ШТАБЪ СЪВЕРО-ЗАПДНОЙ АРМИИ.

ГРАЖДАНЕ!

Насталъ часъ доказать, что вы истинные сыны своей Родины, достойные ея Полтора года тому назадъ большевики вамъ говорили: „бросьте свои винтовки и идите домой къ своимъ семьямъ— мирно обрабатывать свои поля“. Это былъ наглый обманъ, такъ какъ не успѣли вы еще приняться за мирный трудъ, какъ тотчасъ же были отъ него оторваны: васъ послали убивать вашихъ отцовъ и братьевъ, любящихъ и не забывшихъ свою родину и вставшихъ честно и мужественно на защиту поращенной воли народной и попранныхъ религiи и свободы.

И вотъ это то братоубійственная преступная война, вопреки лживымъ обѣщанiямъ большевиковъ, не только не кончается, а наоборотъ — все ярче и сильнѣй разгорается. Мы говоримъ поэтому: „братья, возьметесь за оружiе, дабы положить конецъ этому преступному братоубiйству. **НА ОДНУ ЛИШЬ МИНУТУ**, но всѣ какъ одинъ возстанемъ щетиистой стѣной и пусть этотъ мощный народный потокъ смоетъ всю ту липкую большевистскую грязь, что какъ гадина обвила тѣло нашей матери Родины, высасывая изъ нея послѣднiе соки и унося дорогiя жизни нашихъ отцовъ, братьевъ и сыновей.

Къ оружiю, граждане, всѣ къ оружiю на одинъ лишь **КОРОТКIЙ МИГЪ** подъ знаменемъ лозунговъ: „**ДОЛОЙ НАСИЛЬНИКОВЪ — ОБМАНЩИКОВЪ**“, да здравствуетъ свободный народъ въ свободной странѣ, да здравствуетъ **УЧРЕДИТЕЛЬНОЕ СОБРАНИЕ**.

Штабъ Бѣлой Арміи.

ЕЩЕ КОММУНИСТАМЪ.

Мы предлагали вамъ спасеніе, но вы пренебрегли имъ, отвѣтивъ массовымъ терроромъ.

Тѣмъ хуже для васъ.

Вы санигаете за собой мосты—и тѣмъ самымъ готовите суровый приговоръ сами себѣ.

Кровь казненныхъ вами въ Москвѣ падаетъ на головы ваши.

Местъ — не въ нашемъ принципѣ, но вы ставите насъ въ необходимость рѣзко намѣнить, установившійся было, нашъ взглядъ снисходительнаго къ вамъ отношенія.

Мы вынуждены теперь говорить съ вами — инымъ языкомъ.

Чтобы дать вамъ почувствовать мерзость вашихъ поступковъ, мы, очевидно, должны

Примѣнить къ вамъ ваши приемы.

Если вы съ изувѣрской жестокостью дѣлаете жалкія попытки отерочить приближающуюся къ вамъ вѣрную гибель, то не забывайте —

**БЛИЗОКЪ ДЕНЬ ЗАКОННОЙ РАСПРАВЫ СЪ ВАМИ — И
КАЖДАЯ КАПЛЯ ПРОЛИТОЙ ВАМИ НЕВИННОЙ КРОВИ
УВЕЛИЧИТЬ ТЯЖЕСТЬ ПОДНИМАЮЩАГОСЯ НА ВАСЪ
МЕЧА ПРАВОСУДІЯ.**

Воины - Крестоносцы Бѣлой Арміи.

ОСВОБОЖДАЕМОМУ ОТЪ ИГА БОЛЬШЕВИКОВЪ НАСЕЛЕНІЮ РОССИИ.

Граждане!

Вы уже ольшите мѣрный шагъ освободителей Руси. Народныя войска: Денивина, Колчака и Сѣверо-Западной Арміи — у стѣпъ, за которыми въ третѣ доживаютъ послѣдніе часы надругавшіеся надъ Русью красныя изверги. Еще одинъ шагъ — и красныя будутъ у ногъ подпяшаго на нихъ мечи великаго русскаго народа.

Насталъ долгожданнй часъ вашего освобожденія!

Большевикамъ не гнуть и не рубить больше головъ вашихъ.

Великій страдалецъ — Русскій народъ выпрямись и стаѣ твердо на ноги во весь твой могучій ростъ!

Боевыя орлы сознають, что не ихъ одинъ мечъ рѣшаетъ святое дѣло: безъ вашей братской помощи не достичь-бы такого успѣха въ борьбѣ съ кровавяднымъ большевизмомъ.

Народные воины, со слезами умиленія встрѣчаютъ ваше радушіе и родное гостепрїимство. Уставшимъ въ правой битвѣ вы этимъ даете новую силу и бодрость для совершенія послѣднихъ подвиговъ во имя воскрешенія Родины.

Русь **БУДЕТЪ** окончательнo освобождена отъ большевиковъ — и это будетъ скоро. Но не отдыхъ сулитъ русскому народу грядущій день. Впереди — упорная работа: поставить на ноги опрокинутую большевистскимъ шкваломъ страну, возстановить разоренное въ корнѣ народное хозяйство оодоровать народную душу, свергнутую большевистекой проказой въ пучинау пороковъ, — вотъ задачи, требующія самаго напряженнаго, добросовѣстнаго труда каждаго гражданина.

Будемъ дѣлать каждый свое дѣло честно и свято — въ этомъ направленіи,

КРЕСТЬЯНИНЫ! Съ любовью работай, не покладая рукъ, надъ ма-тушкой землей. Она дастъ плоды, которые возстановятъ и умножатъ твой достатокъ и мощь Родины.

РАБОЧИЙ! Возьми крѣпче твой молотъ, приналягъ, сдѣлай послушнымъ металлъ — и куй изъ него орудія для крестьянина, паровозы и вагоны ~~на железныхъ дорогахъ~~ дорогъ. Въ этомъ — благоденствіе твое и Россіи. домъ — и всей силой энергии ~~привнеси~~ ~~к~~ ~~тебѣ~~ ~~твою~~ ~~Родина~~, слейся съ народо-строительства. Земля поклонится тебѣ Русь и благословятъ тебя ~~потомки~~

Русь обнищала: вагои оставили ее большевики. Нужно ждать; когда мы будемъ вполне сыты, одѣты, а пока, чтобъ ускорить это будемъ безропотно мириться съ лишениями; покоячимъ съ изъѣвшимъ Родину многословіемъ.

ВСѢ ЗА ТРУДЪ —

ЕДИНОДУШНО, ДРУЖНО!

А тамъ — не за горами:

СЧАСТЬЕ НАШЕ — И СВОБОДНОЙ РОДИНЫ.

КОГДА-ЖЕ БУДЕТЪ КОНЕЦЪ ВОЙНЫ.

— Когда-же будетъ конецъ войны?

— Думалъ настрадавшійся въ окопахъ русскій солдатъ, когда воевали съ немцами.

— Когда-же будетъ конецъ войны?

— Думали отецъ, мать, жена, братья, сестры, проливая горькія слезы по поводу отъ нихъ: сыновьямъ, мужьямъ, братьямъ.

— Когда-же будетъ конецъ войны?

— Думала разорившаяся Русь, у которой мировое побопще отняло людей, богатство, и ввергло ее въ нищету.

— Когда-же будетъ конецъ войны?

— Думали люди науки, культуры, видѣвшіе, какъ война разрушила цивилизацію, всё вышійя стремленія человѣка, и возвращала Русь къ все человѣчеству къ дикому состоянию и цинизму людямъ животную, звѣриную натуру. Настала революція. Теперь, казалось, никто не будетъ мѣшать, какъ то было при царскомъ режимѣ, всему Русскому народу дружно ваяться и разомъ порвать петлички воякъ—воинственную Германію, и вѣтѣмъ вернуться къ мирному труду.

Не тутъ-то было!

Пріѣхалъ черезъ вражескую страну—Германію, пользовавшійся ея покровительствомъ (звѣдь это выгодно ей было) кровожадный Ленинъ.

Началъ онъ съ своей шайкой мастерски затемнять русскіе умы: надо, молъ, итѣмъ русскимъ бросить окоши и воткнуть штыки въ землю—это и будетъ конецъ войны, а германскіе солдаты—одѣлаютъ гове.

Повѣрили уставшія русскія солдаты—и одѣлали такъ, а германцамъ его было на руку.

Родовалось Ленинъ, Троцкій и Зиновьевъ, радовался немецъ—только опозоренная Русь горько, горько плакала.

Исключивъ войну съ немцами, постыдился Брестскимъ миромъ, захватившіе власть большевики сейчасъ-же начали другую ужасавшую изъ ужасныхъ боевъ: русскій началъ избивать братья—братья: началась гражданская война.

— Когда-же окончится война?

Спрашиваешь теперь, вотъ уже 6-й годъ, —да десятка, мучительныхъ шесть лѣтъ... держащій въ своихъ рукахъ штыкъ, вѣдетъ плуга и молота, русскія крестьянныя, русскія рабочія.

Большевикъ-коммунисты вагло игутъ, говоря, что война кончится, когда они добьются въ Россіи всѣхъ ихъ противниковъ.

Если-бы они и довершили это мерзкое ихъ дѣло, то началась-бы сразу слѣдующая война.

Вѣдь больевики не скрываютъ, что обманутая и порабощенная ими Россія будто, есть и будетъ,—какъ передовой отрядъ всемирной, большевикской (разбойничьей) революціи, и какъ мировой застрѣльщикъ.

Значитъ, покопявъ съ своими врагами въ Россіи, большевики думаютъ начать, и начнутъ, войну со всѣмъ міромъ, который отчаесть ихъ чумой и своимъ алѣйшимъ врагомъ.

Вильгельмъ, со своими приближенными, думалъ насладити свое честолюбие, захватомъ всего міра,—и его двойникъ—Ленинъ, съ кучкой своихъ отраповъ, мечтаетъ подчинить весь міръ своимъ разбойничьимъ идеямъ.

Вильгельмъ—погибъ, и съ нямъ Европейской войны пришелъ конецъ ДОЛЖНЫ ПОГИБНУТЬ и возмалываемо Ленинымъ БОЛЬШЕВИКИ

Тогда настанетъ миръ.

**СТРАДАЛЬЦЫ, РУССКІЕ ЛЮДИ! Вы за миръ — и потому ВОЗСТАНЫТЕ
ПРОТИВЪ БОЛЬШЕВИКОВЪ!**

Штабъ Бѣлой Арміи.

БЫВШИМЪ ОФИЦЕРАМЪ, ОСТАЮЩИМСЯ ════════

═══════════ **ЕЩЕ ВЪ КРАСНОЙ АРМІИ.**

Въ Москвѣ вновь, злодѣйски, совершена массовая казнь лучшихъ сыновъ Россіи, ставшихъ жертвою кроваваго правительства коммунистовъ.

Этому правительству вы продолжаете рабски служить.

И потому въ пролитой крови замученныхъ есть, и ваша вина.

Кровавому большевизму давно былъ бы положенъ конецъ, если-бы не ваша холопская поддержка.

Вашей службой большевизму, вы вручаете ему мечъ, который, рубить направо и налево головы преданныхъ русскому дѣлу людей.

Вы — главный мускуль, дающій силу кровавому террору.

Опускающіяся на головы мучениковъ руки палачей — наша руки.

До сего, мы взывали къ вашему заглушенному, патриотическому чувству; теперь мы ультимативно заявляемъ.

**НЕ СЪ НАМИ — ЗНАЧИТЬ ПРОТИВЪ
НАСЪ.**

Большевизмъ въ послѣдней агоніи — и, если вы, до гибели его, не успѣете НА ДѢЛѢ отречься отъ него, то воскресающая РОДИНА БУДЕТЪ СЧИТАТЬСЯ СЪ ВАМИ, какъ СЪ ПРЯМЫМИ СОУЧАСТНИКАМИ въ преступленіяхъ КОММУНИСТОВЪ.

Всякое ваше СОТРУДНИЧЕСТВО СЪ КОММУНИСТАМИ дальше будетъ разсматриваться, какъ ИЗМѢНА РОССІИ.

**ВАШЪ ДОЛГЪ —
ОСТАНОВИТЬ ПОТОКЪ РУССКОЙ КРОВИ!**

Штабъ Народной Бѣлой Арміи.

ЗНАЙТЕ КРАСНЫЕ СОЛДАТЫ— ВЫ ИДЕТЕ ПРОТИВЪ НАРОДА.

Народъ хочетъ созыва **УЧРЕДИТЕЛЬНОГО СОБРАНИЯ**, а ваше самозванное правительство боится его. Оно знаетъ, что въ Учредительномъ Собраніи народъ свободно выскажетъ свою волю, а это значитъ—**КОНЕЦЪ БОЛЬШЕВИСТСКОЙ ВЛАСТИ**. Вотъ васъ и споняютъ силою въ войска ваши комиссары въ надеждѣ, хотя силою, хотя противъ воли всего народа, да удержать за собой власть.

Вамъ нагло лгутъ, будто большевики борются за счастье народа. Почему же самъ народъ убѣгаетъ отъ этого счастья? Почему всѣ бѣгутъ въ нашу Народную Русскую Армію и добровольно поступаютъ въ ея ряды? Почему ваши красноармейскіе полки въ цѣломъ составѣ переходятъ къ намъ? Каждый день люди посылѣе сотнями приходятъ отъ васъ. Вамъ ваши комиссары нагло лгутъ, васъ пугаютъ будто мы разстрѣливаемъ или раздѣваемъ васъ. Все это одни басни, сплошная ложь. Мы переходящихъ къ намъ встрѣчаемъ какъ своихъ родныхъ братьевъ. А раздѣвать васъ намъ нѣтъ надобности—мы получили отъ нашихъ союзниковъ обмундированіе и оружіе.

Наши танки вы на себѣ испытали, вѣдь васъ гнали на нихъ. Развѣ ваша комиссарская нечисть жалѣетъ вашу жизнь. Вѣдь гнали же вамъ, будто у насъ не танки, а картонные ящики.

Давите поскорѣе всю нечисть комиссарскую, которая только губить народъ и переходите къ намъ. Довольно они поцарствовали. Будетъ съ нихъ. Пора и на расплату пожаловать. Вмѣстѣ съ ними расплатятся и ваши правители—Ленины, Калнины, Зиновьевы, Бронштейны-Троцкіе, Стекловы и прочая свора.

Слышали-ль вы, какую резолюцію вынесли рабочіе Петрограда на многолюдномъ митингѣ на Путиловскомъ заводѣ противъ Совѣтской власти. Небось не слышали, не знаете. Это отъ васъ скрыли небось. А резолюція эта кончается слѣдующими словами—Долой узурпаторовъ! Да здравствуетъ истинное народное правительство! Долой пытки! Долой смертную казнь! Долой палочную дисциплину въ арміи! Да здравствуетъ свободная власть избранная всѣмъ народомъ! Амнистія всѣмъ заключеннымъ! Смерть палачамъ! Въ этомъ же духѣ были приняты резолюціи желѣзнодорожными рабочими Николаевской и Варшавской желѣзныхъ дорогъ.

Знайте, братья-Красноармейцы, еще не перешедшіе къ намъ, знайте, что къ исполненію высказанныхъ рабочими пожеланій мы стремимся всей душой, потому мы добровольно и встали въ ряды Русской Народной Арміи, гдѣ нѣтъ палочной дисциплины, чтобы дать изстрадавшемуся нашему народу покой и счастье, которое онъ заслуживаетъ вполне.

Не мѣшайте же намъ въ скорѣйшемъ достиженіи этого. Кончайте поскорѣе съ вашими комиссарами-агунами. Переходите къ намъ, борющимся за счастье народа и вмѣстѣ съ нами пойдемъ спасать и очищать нашу родину загубленную и загаженную комиссарами и самозванными правителями.

Да здравствуетъ наша родная мать—Русская Земля! Да здравствуетъ Учредительное Собраніе.

Штабъ Сѣверо-Западной Арміи.

Солдатамъ-Красноармейцамъ, еще не перешедшимъ въ Бѣлую Армію.

Путемъ обмана и наглой провокаціи ваша негодяи-коммунисты и комиссары удерживаютъ васъ въ рядахъ Красной Арміи и не пускаютъ васъ къ намъ въ слѣдъ вашимъ товарищамъ, перешедшимъ въ количествѣ около 6,000 человекъ на Красной Горѣ и переходящимъ по всему фронту.

Вамъ говорятъ —будто Совѣтская Власть въ Москвѣ и Петроградѣ настолько прочно себя чувствуетъ, что въ состоянн стереть въ порошокъ насъ—идушихъ избавить васъ отъ гнета, застѣнковъ и голода.

Васъ пугаютъ нашей насильственной мобилизаціей. Вамъ говорятъ, что мы заставляемъ всѣхъ перешедшихъ на нашу сторону черезъ 2 часа идти уже въ нашихъ рядахъ противъ красныхъ.

Но, не вѣрьте этимъ наглѣмъ обманщикамъ, Совѣтская Власть окружена кольцомъ бѣлыхъ войскъ съ сѣвера, юга, востока и запада.

Послѣдній часъ ся близокъ.

Мы настолько сильны, что никого не заставляемъ насильно идти съ нами въ первыхъ рядахъ.

Перешедшіе къ намъ и заявившіе о своемъ нежеланіи воевать,—отправляются въ тылъ къ мирной работѣ.

Немедленно переходите къ намъ и не затягивайте братоубийственную бойню. Не перейдя теперь же къ намъ, оставшіе въ рядахъ Красныхъ, вы можете погибнуть вмѣстѣ съ коммунистами.

НАРОДНАЯ СѢВЕРО-ЗАПАДНАЯ АРМІЯ ждетъ васъ, нагло обманутыхъ сыновъ, въ свои материнскія объятія. Бросьте же красныхъ звѣрей, залившихъ всю Русскую Землю Русскою Кровью и переходите къ своимъ братьямъ, несущимъ вамъ миръ, свободу, порядокъ и хлѣбъ.

Штабъ Бѣлой Арміи.

ПРИЗЫВЪ къ солдатамъ Красной Арміи.

Не проливайте больше братской крови и переходите къ намъ.
Уходите отъ обманщиковъ— комиссаровъ, залившихъ Русской кровью всю нашу Родную землю.

Пусть невинная русская кровь падеть на нихъ и ихъ наемниковъ.

Переходите сейчасъ же, ибо промедленіе погубитъ васъ.

Не вѣрьте краснымъ газетамъ и вашимъ коммунистамъ о нашихъ жестокостяхъ.

Славшимся добровольно мы не дѣлаемъ зла, и примемъ какъ братьевъ.

Ваши товарищи массами переходятъ къ намъ и выдаютъ намъ своихъ негодяевъ— комиссаровъ. Также дѣлайте и вы. Если кто изъ васъ не хочетъ больше воевать, мы его не заставляемъ, винтовку его возьметъ доброволецъ, а самага отправятъ въ тылъ къ мирному труду.

Не допускайте, что-бы русскія поля обогрѣлись Русскою кровью, проливаемой нашими же братьями для защиты комиссаровъ, преступниковъ и имъ подобныхъ злодѣевъ.

Съ нами союзники.

Съ нами хлѣбъ.

Съ нами свобода для всѣхъ.

Мы идемъ во имя Учредительнаго Собранія, гдѣ Народъ Русскій скажетъ свою волю и самъ рѣшитъ свою участь.

Мы забудемъ и простимъ всѣ ваши невольные проступки и ошибки.

Мы идемъ укрѣпить за крестьянами ихъ землю.

Мы идемъ накормить голодающихъ.

Мы идемъ открыть двери застѣнковъ и тюремъ гдѣ томятся невинные.

Мы идемъ возстановить законъ и порядокъ.

Скорѣе переходите на бѣлую сторону.

Штабъ Бѣлой Арміи

СОЛДАТЫ И ГРАЖДАНЕ!

Кто васъ ведетъ и куда?

Бронштейны (Троцкій), Нахамкесы (Стекловъ), Апфельбаумы (Зиновьевъ), Калининны, Петерсы и др. инородцы, которые вамъ много обѣщаютъ, но ничего не даютъ.

Солдаты, вамъ обѣщали вернуть васъ немедленно къ вашимъ тоскующимъ семьямъ, но вновь оторвали васъ отъ семей и послали убивать вашихъ же братьевъ.

Рабочіе, вамъ обѣщали легкой трудъ и полное матеріальное обезпечене, а дали безработицу и голодъ.

Несчастные жители города, вамъ обѣщали свободу, а дали застѣнки и тюрьмы. Свободу дали однимъ комиссарамъ, которые грабятъ, разстрѣливаютъ и истязаютъ васъ по своему произволу

Крестьяне, вамъ обѣщали землю, вмѣсто этого у васъ же отбираютъ хлѣбъ, картофель, скотъ и имущество.

Не вѣрьте - жъ лгунамъ и обманщикамъ, морочащимъ васъ уже полтора года. Если - бы они были искренни и дали вамъ все, что обѣщали, то давно - бы уже прекратилась война и была-бы свобода, теперь же надъ вами царствуетъ холодъ, голодъ, болѣзни, возглавляемые штыками и пулями.

Мы идемъ васъ избавить отъ гнета, застѣнковъ и голода!

Мы несемъ вамъ свободу, порядокъ и хлѣбъ.

Мы дадимъ вамъ спокойную жизнь, ибо мѣра вашихъ страданій и слезъ переполнилась!

Будьте твердо увѣрены, что мы не оставимъ васъ на произволъ палачей.

Мы не хотимъ проливать вашу кровь и разрушать ваши кровли.

Довольно развалинъ и кладбищъ!

Помогите-же намъ свергнуть вашихъ тирановъ безъ пролития крови невинныхъ.

Помогите-же намъ принести вамъ скорѣе на бѣлыхъ знаменахъ свободу, не обагривъ ихъ кровью страдальцевъ!

Штабъ Бѣлой Арміи.

Солдатамъ красной арміи.

Мы не кончимъ начатой большевиками войны, пока не освободимъ нашу несчастную Родину отъ произвола и гнета комиссаровъ и коммунистовъ, пока снова не услышимъ церковнаго звона колоколовъ Москвы. Своимъ сопротивленіемъ Вы только отдаляете миръ, а крови льется все больше и больше. Довольно братской крови. Рѣшайтесь! Смѣло арестовывайте своихъ комиссаровъ и коммунистовъ и переходите къ намъ. Желаящіе воевать съ нами вмѣстѣ, получать двухнедѣльный отдыхъ въ тылу ранѣе чѣмъ встать въ наши ряды; нежелающіе—пойдутъ въ тылъ. Никого мы не притѣсняемъ и не убиваемъ, пища хорошая и къ Вамъ относимся, какъ къ своимъ братьямъ. Неужели вы не видите, какъ разные Нахамкесы, Бронштейны, Аффельбаумы, Розенфельды и др. разоряютъ Ваши дома, ташутъ Ваше имущество и пускаютъ по міру Вашихъ женъ и дѣтей. Неужели не обливается кровью Ваше сердце, смотря на звѣрства и открытый грабежъ негодяевъ комиссаровъ и коммунистовъ? А вѣдь они стали богаче прежнихъ буржуевъ: нажились на Вашемъ добрѣ, да Васъ же и гонятъ въ бой за себя. Знайте же, что Бѣлая Армія спасаетъ отъ нихъ свою родину и Вы, придя ей на помощь, можете быть спокойны за свою жизнь и имущество, а Всеросійское Учредительное Собраніе дастъ странѣ благоденствіе, гарантируя права и цѣлость имущества для всѣхъ гражданъ.

Рѣшайтесь, пока не поздно. Пока мы смотримъ на Васъ, какъ на людей обманутыхъ комиссарами, увидя же Ваше упорство—сочтемъ Васъ за вѣрныхъ слугъ большевиковъ; тогда не спасетъ Васъ ничто. Аэропланы, броневики и артиллерія уже съ нами, а дѣйствіе нашихъ танковъ вы уже начинаете испытывать: подъ Гдовомъ три вашихъ коммунистическихъ полка были разсѣяны однимъ лишь нашимъ танкомъ.

Штабъ Бѣлой Арміи.

Красноармейцам!

Товарищи — остановитесь!

Товарищи, Ваши коммунисты и комиссары до сих пор не перестают обманывать вас.

Они все вам твердят, будто белогвардейцы утюжат над попавшими в плен Вашими сотоварищами разными зверства мучают их, вырывают разные части тела и потом уже расстреливают. Они не стыдятся писать это в своих газетах и распространяют эти газеты между Вами.

Товарищи красноармейцы! Мы Вам уже раньше писали и теперь еще раз подтверждаем, что, что Вам твердят Ваши комиссары и коммунисты, ни на чем не основано и все это грубейшая лож. Ваших мобилизованных товарищей, перешедших к нам, мы не расстреливаем, но принимаем их, как своих родных братьев; мы их не угнетаем, а даем им полную свободу — свободу не такую, какая она у Вас, где каждый ротный командир по своему усмотрению может Вас расстреливать, а свободу на стоящую, свободу на началах равенства и братства.

Мы опять Вам говорим — **товарищи, остановитесь и бросьте воевать**. Сложите оружие и переходите к нам. Никто из Вас не будет страдать у нас, ибо мы не угнетаем своих братьев, а помогаем им освободить их родину, их отцов и матерей, жен и детей от деспотизма и самодержавия. Бронштейнов, Алфельбаумов и других угнетателей; они от Вас взяли Ваше имущество и в конце-концов Вас самих насильно мобилизовали и погнали на нас, чтобы Вы убивали своих братьев ради их личных интересов.

Знайте, товарищи, что мы не взяли оружия в руки для поддержания капиталистического строя, мы не преследуем завоевательной политики: мы такие же пролетарии — труженики, как и Вы и мы не желаем ни одному пяди той земли, которая принадлежит Вам; мы защищаем только завоеванную нами свободу, защищаем добытый порядок, защищаем ту самостоятельную Эстонскую демократическую республику, где каждый гражданин пользуется свободой и равноправием и где нет того голода и беспорядка, которое сотворили у Вас в Великой и богатой России Ваши теперешние властелины-коммунисты и комиссары.

Товарищи, довольно этого убийства, убийства честного трудящегося пролетария; пора поднять штыки против Ваших угнетателей комиссаров, которые из Вас хотят сделать рабов и покорных себе подслужников.

Товарищи! как один — соединяйтесь против Ваших угнетателей и с оружием в руках свергните эту гнусную еврейскую банду, которая довела Россию до голодной гибели; знайте в этом мы Вас всегда поддерживали и будем и дальше поддерживать.

Не раз вам твердили: в единении сила. Так соединяйтесь же с нами общими силами ударим на врага коммуниста комиссара, победа над которым приблизит тот долгожданный вами всеми час, когда вы опять попадете к себе домой, в круг дорогих вам жен и детей, которые с нетерпением ждут вас, как своих освободителей.

Итак — товарищи, вместе с нами на нашего общего врага.

Долгой владычество горсточка еврейских комиссаров над великим русским народом!

Белогвардейцы.

-
- ¹ Смолин А.В. Белое движение на Северо-Западе России. -СПб.,1999. -С.151.
- ² Там же. -С.160.
- ³ Там же. -С.175.
- ⁴ Горн В.Л. Гражданская война на Северо-Западе России. -Берлин,1923. -С.48.
- ⁵ Иванов Н.Н. О событиях под Петроградом в 1919 году. Записки Н.Н.Иванова, бывшего члена Северо-Западного правительства //Архив Гражданской войны. -Берлин,1923. -Вып.1. -С.50.
- ⁶ Гурьев М.Е. Агитационно-пропагандистская деятельность белогвардейцев на Северо-Западе России в 1918-1920 гг. -СПб.,1997. -С.105
- ⁷ Там же. -С.115.
- ⁸ Там же.
- ⁹ Иванов Н.Н. О событиях под Петроградом в 1919 году. -С.54.
- ¹⁰ Новая Россия: Бюллетень, издающийся временно в Ревеле русской демократической газеты. -1919. -21 мая.
- ¹¹ Иванов Н.Н. О событиях под Петроградом в 1919 году. -С.48.
- ¹² Горн В.Л. Гражданская война на Северо-Западе России. -С.11,13; Маргулиес М.С. Год интервенции //Летопись революции. -Берлин,1923. -Кн.2. -С.228,231.
- ¹³ Иванов Н.Н. О событиях под Петроградом в 1919 году. -С.54.
- ¹⁴ Маргулиес М.С. Год интервенции. -Кн.2. -С.162,230.
- ¹⁵ Магеровский Л.Ф. Библиография газетных собраний РЗИА за годы 1917-1922. -Прага,1939. -С.123.
- ¹⁶ Там же.
- ¹⁷ Газеты 1917-1922 годов в фондах Отдела литературы русского зарубежья Российской Государственной библиотеки. -М.,1994.
- ¹⁸ Там же.
- ¹⁹ Горн В.Л. Гражданская война на Северо-Западе России. -С.31.
- ²⁰ Магеровский Л.Ф. Библиография газетных собраний РЗИА за годы 1917-1922. -С.123.
- ²¹ Башкиров К.А. Под Белым крестом (Чему я был свидетелем). -Рига,1922. -С.75.
- ²² Горн В.Л. Гражданская война на Северо-Западе России. -С.18,20,21,24.
- ²³ Башкиров К.А. Под Белым крестом. -С.75.
- ²⁴ Иванов Н.Н. О событиях под Петроградом в 1919 году. -С.49-50,60; Родзянко А.П. Воспоминания о Северо-Западной армии. -Берлин,1920. -С.139-140; Корнатовский Н.А. Борьба за Красный Петроград (1919). -Л.,1929. -С.125-126.
- ²⁵ Иванов Н.Н. О событиях под Петроградом в 1919 году. -С.76
- ²⁶ Там же. -С.89.
- ²⁷ Смолин А.В. Белое движение на Северо-Западе России. -С.175.
- ²⁸ Цит. по: Русская печать в Эстонии. 1918-1940 гг.: Био-библиографические и справочные материалы к изучению культурной жизни русской эмиграции. -М.,1998. -С.59.
- ²⁹ Белый крест (Ямбург). -1919. -29 июля.
- ³⁰ Русская печать в Эстонии. 1918-1940 гг. -С.59.
- ³¹ Estur. Максим Горький о будущем России //Белый крест. -1919. -15 июля.
- ³² Маргулиес М.С. Год интервенции. -Кн.2. -С.163.
- ³³ Гершельман А.С. В рядах Добровольческой армии. Вооруженная борьба с III Интернационалом 1919 г. -М.,1997. -С.30.
- ³⁴ Кирдцов Г.Л. У ворот Петрограда (1919-1920). -Берлин,1921. -С.126.
- ³⁵ Иванов Н.Н. О событиях под Петроградом в 1919 году. -С.44.
- ³⁶ Вестник Северо-Западной армии. -1919. -26 июля.
- ³⁷ Смолин А.В. Белое движение на Северо-Западе России. -С.197.
- ³⁸ Гроссен Г.И. (Нео-Сильвестр). Агония Северо-Западной армии (из тяжелых воспоминаний) //Историк и современник. -Берлин,1924. -Т.V.-С.132; Вестник Северо-Западной армии. -1919. -18 окт.
- ³⁹ Русская печать в Эстонии. 1918-1940 гг. -С.62.
- ⁴⁰ Гроссен Г.И. Агония Северо-Западной армии. -С.132-167.
- ⁴¹ Г.Нео-Сильвестр. На буреломе. Воспоминания русского журналиста. - Франкфурт-на-Майне,1966. См. также: Абызов Ю. Русское печатное слово в Латвии. 1917-1944 гг.: Био-библиографический справочник. -Stanford,1990. -Ч.1. -С.407; Русская книга. -1921. -№3. -С.32.
- ⁴² Русская печать в Эстонии. 1918-1940 гг. -С.62.
- ⁴³ Смолин А.В. Белое движение на Северо-Западе России. -С.200-201.
- ⁴⁴ Там же.
- ⁴⁵ Там же.
- ⁴⁶ Аграшенков А.В. Северо-Западная армия Юденича. Роль идеологии в ее поражении. -М.,1992. -С.14.15.
- ⁴⁷ Смолин Белое движение на Северо-Западе России. -С.337.
- ⁴⁸ Там же. -С.339.
- ⁴⁹ Авалов П.М. В борьбе с большевизмом. -Глюкштадт; Гамбург,1925. -С.154.
- ⁵⁰ Абызов Ю. Русское печатное слово в Латвии. 1917-1944 гг. -Т.IV. -С.422.
- ⁵¹ Авалов П.М. В борьбе с большевизмом. -С.154.
- ⁵² Бережанский Н. Русская газета и книга в Прибалтике //Русская книга. -1921. -№3. -С.27.

- ⁵³ Опубл.: Бережанский Н. Бермондт в Прибалтике в 1919 г. Из записок бывшего редактора //Историк и современник. -Берлин,1922. -Т.1. -С.17-18.
- ⁵⁴ Магеровский Л.Ф. Библиография газетных собраний РЗИА за годы 1917-1922. -С.122; Горн В.Л. Гражданская война на Северо-Западе России. -С.11.
- ⁵⁵ Исаков С.Г. Русские в Эстонии: Историко-культурные очерки. -Тарту,1996. -С.11.
- ⁵⁶ Полторац С. Н. Эмигрантская повесть-воспоминание А.И.Куприна «Купол святого Исаакия Далматского» как исторический источник //Культура Российского Зарубежья. -М.,1995. -С.165.
- ⁵⁷ Куприн А.И. Эмигрантские произведения. Купол святого Исаакия Далматского. Извошик Петр. - М., 1992. -С.13.
- ⁵⁸ Куприн А.И. Там же. -С.56.
- ⁵⁹ Там же. -С.56-57.
- ⁶⁰ Там же. -С.58.
- ⁶¹ Там же. -С.59.
- ⁶² Там же. -С.58.
- ⁶³ Там же. -С.56.
- ⁶⁴ Там же. -С.59.
- ⁶⁵ Эта статья была впоследствии перепечатана в парижской русской эмигрантской газете «Общее дело». -№221.
- ⁶⁶ Приневский край. -1919. -23окт.
- ⁶⁷ Русская печать в Эстонии. 1918-1940 гг. -С.81-82.
- ⁶⁸ Смолин А.В. Белое движение на Северо-Западе России. -С.199.
- ⁶⁹ Куприн А.И. Эмигрантские произведения. -С.64.
- ⁷⁰ Там же. -С.61.
- ⁷¹ Исаков С.Г. Русские в Эстонии -С.31.
- ⁷² Русская печать в Эстонии. 1918-1940 гг. -С.82.
- ⁷³ Исаков С.Г. Русские в Эстонии -С.31.
- ⁷⁴ Приневский край. -1919. -23 окт.; 6 нояб.
- ⁷⁵ Куприн А.И. Эмигрантские произведения. -С.58.
- ⁷⁶ Башкиров К.А. Под Белым крестом. -С.43-44.
- ⁷⁷ Исаков С.Г. Русские в Эстонии. -С.31.
- ⁷⁸ Маргулиес М.С. Год интервенции //Летопись революции. -Берлин,1923. -Кн.3. -С.119.
- ⁷⁹ Корнатовский Н.А., Борьба за Красный Петроград (1919). -С.409.
- ⁸⁰ Там же. -С.251.
- ⁸¹ Кирдцов Г.Л. У ворот Петрограда (1919-1920). -С.287.
- ⁸² Горн В.Л. Гражданская война на Северо-Западе России. -С.160.
- ⁸³ Автор книги воспоминаний «У ворот Петрограда (1919 - 1920)». С начала 1920х гг. - на позициях сменовеховства, с 1922 г. - главный редактор берлинской газеты «Накануне».
- ⁸⁴ Маргулиес М.С. Год интервенции. -Кн.2. -С.220,224,225,238,239,251; Горн В.Л. Гражданская война на Северо-Западе России. -С.160. Подробно об истории издания газеты см.: Исаков С.Г. Русские в Эстонии.
- ⁸⁵ Маргулиес М.С. Год интервенции. -Кн.2. -С.238; Горн В.Л. Гражданская война на Северо-Западе России. -С.160.
- ⁸⁶ Горн В.Л. Гражданская война на Северо-Западе России. -С.160-161.
- ⁸⁷ Смолин А.В. Белое движение на Северо-Западе России. -С.286.
- ⁸⁸ Исаков С.Г. Русские в Эстонии. -С.145.
- ⁸⁹ Горн В.Л. Гражданская война на Северо-Западе России. -С.182-184.
- ⁹⁰ Исаков С.Г. Русские в Эстонии. -С.146,154.
- ⁹¹ Русская печать в Эстонии. 1918-1940гг. -С.94.
- ⁹² Горн В.Л. Гражданская война на Северо-Западе России. -С.281-286.
- ⁹³ Кирдцов Г. У ворот Петрограда (1919-1920). -С.30.
- ⁹⁴ Исаков С.Г. Русские в Эстонии. -С.152.
- ⁹⁵ Исаков С.Г. Русские в Эстонии. -С.150.
- ⁹⁶ Исаков С.Г. Русские в Эстонии. -С.151.

ЖЕРТВА ОБЩЕСТВЕННОГО ДОЛГА

Именно так охарактеризовал появление в Белых органах власти свое, а также Н.И.Петрова и Н.С.Зефирова Георгий Константинович Гинс. В воспоминаниях, описывая ситуацию, сложившуюся в Омске после падения советской власти, Гинс отмечал, что кандидатов на высшие должности было мало, и найти их было трудно. Переход власти произошел достаточно неожиданно, большевики отступили в Тюмень, исход борьбы оставался неясным, рядовой обыватель предпочел затаиться и выждать. «Омская кооперация заявила..., что она не будет вмешиваться в политику и останется только хозяйственной организацией. Не удивительно поэтому, что кандидаты намечались почти по наитию. Здесь не было в сущности, выборов, а намечались жертвы общественного долга»¹. Скорее всего выдвинутые кандидаты пользовались доверием общественности и были, таким образом, весьма уважаемыми людьми. Но почему же тогда мы можем найти о них чаще всего лишь разрозненные и фрагментарные сведения. В лучшем положении оказался автор упомянутых воспоминаний, который все же удостоился ряда самостоятельных работ². Что касается Н.И.Петрова и Н.С.Зефирова, то биографических сведений о них нет ни в достаточно известной работе П.П.Вибе, А.П.Михеева, Н.М.Пугачевой, ни в специальных биографических справочниках и работах по восточному отряду эмиграции. Мы, со своей стороны, попробуем восполнить существующий пробел хотя бы отчасти, посвятив настоящую статью министру продовольствия Российского правительства адмирала А.В.Колчака Николаю Степановичу Зефирову. Проследить его жизненный путь от начала и до конца во многом стало возможно благодаря рассекречиванию следственных материалов по делу бывшего министра, проходившего в июле 1949 - марте 1950 гг. и хранящегося в настоящее время в Государственном архиве административных органов Свердловской области³.

Родился Николай Степанович Зефиров в 1887 году в г.Алатырь Симбирской губернии в семье учителя духовного училища. Еще в гимназические годы он заинтересовался общественной жизнью, помогая отцу - неизменному земскому и городскому гласному - во всех работах по подготовке различных вопросов. Окончив в 1906 г. гимназию в Симбирске, Николай собирался учиться дальше. Но вскоре был арестован по обвинению в произнесении противоправительственной речи. Фактически выступление было направлено против проекта земельных реформ, предложенных Корсунским уездным предводителем дворянства А.Д.Протопоповым, впоследствии главным начальником корпуса жандармов и министром внутренних дел. Полтора месяца вчерашний гимназист провел в тюрьме, но обвинение осталось недоказанным, и Николая выпустили на свободу, запретив выезд из Симбирской губернии. Лишь по прошествии нескольких месяцев он получил возможность отправиться в столицу и поступить там на экономическое отделение Петербургского политехнического института.

Годы студенчества принесли Н.С.Зефирову не только познания в области экономической теории, но и богатый практический опыт. Начиная с 1908 г., когда впервые в качестве статистика экономической экспедиции переселенческого управления он попал в Акмолинскую и Тургайскую области, Николай Степанович все свободное время посвящал подготовке всевозможных материалов, частым полевым выездам в Сибирь и Туркестан, где детально ознакомился с особенностями хозяйства этих районов. До 1912 г., времени окончания института со званием кандидата экономических наук, им уже был написан ряд статей в статистико-экономические сборники по Семиреченской области.

Получив высшее образование, Зефиров включился в работу по подготовке проектов Волго-Донского канала и Южно-Сибирской железнодорожной магистрали (проект Трепова). Однако

**Управляющий министерством
продовольствия ВСР
Зефилов Николай Степанович**

вскоре (в 1913 г.) он перешел на работу статистиком в переселенческое управление Акмолинской области и уехал в Сибирь. Здесь Николай Степанович участвует в работах Омского отдела Московского общества сельского хозяйства и Западно-Сибирского отдела Российского географического общества, фактически берет на себя выпуск и редактирование журнала «Сельскохозяйственная жизнь» издает очередной том «Сельскохозяйственного обзора», монографию «Крупное частновладельческое хозяйство Акмолинской области» и несколько брошюр по текущей статистике. С 1915 г. он заведует первым районом заготовок пшеницы и овса для воюющих на Первой мировой войне русской и французской армий.

Год спустя Н.С.Зефилов уже в Благовещенске, где возглавляет местное рабочее бюро и один из крупных городских кооперативов, участвует в производственных работах городского самоуправления. Здесь он опять занимается журналистикой, часто выступает со статьями по вопросам денежного обращения и продовольственного снабжения. В короткий срок успевает подготовить и опубликовать «Итоги сельскохозяйственной переписи по Амурской области», несколько обзоров и брошюр. В конце года Зефилов руководит проведением обследования местной золотопромышленности, но вскоре спешно вызывается в Петроград для заведования делом снабжения Российского государства при управ-

лении делами Особого совещания по продовольственному делу. На этом посту он встречает Февральские события 1917 года.

Временное правительство остро нуждалось в квалифицированных помощниках. Поэтому Н.С.Зефилов, человек дела, весьма далекий от политических битв, стал доверенным лицом новой власти. Летом ему поручается проведение инспекции продовольственного дела в Поволжье, затем - работа в качестве краевого представителя министерства продовольствия в девяти сибирских губерниях.

Этому назначению способствовало практическое знакомство с ведением продовольственного дела и его системами в Таврической, Екатеринославской, Харьковской, Полтавской, Воронежской, Тамбовской, Псковской губерниях, в области Войска Донского, Поволжья и Сибири, которые Н.С.Зефилов посетил в ходе служебных командировок. Имея высокий авторитет как квалифицированный специалист, он был выдвинут Симбирской группой народных социалистов (все же сказались видимо родовые корни!) в качестве деловой кандидатуры во Всероссийское Учредительное собрание.

Большевики тоже проявляли интерес, правда, весьма специфический, к его персоне. В январе 1918 г. глава продовольственного цеха Сибири был арестован и препровожден в тюрьму. Но вновь, как и в юношеские годы, вина осталась недоказанной, а Николай Степанович вскоре выпущен на свободу.

Первый период жизни остался позади. За это время удалось получить хорошее образование, накопить жизненный и деловой опыт, проявить себя в экономической науке, стать незаурядным хозяйственником-практиком, завоевать уважение и доверие в общественных и правительственных кругах. В свете сказанного, думается, что когда в Сибири, уже небольшевистской, встал вопрос о руководителе делом продовольственного снабжения края, лучшей кандидатуры было не найти.

Взятие чехословаками 31 мая Томска и 7 июня Омска, впоследствии Белой столицы, знаменовали собой новый этап в жизни Н.С.Зефилова - этап стремительного взлета на вершину карьеры и столь же быстрого падения всех надежд и мечтаний. Последние несомненно присутствовали, что вполне естественно. Об этом свидетельствовал анонимный автор докладной записки, обнаруженной Иркутским Политцентром при аресте адмирала А.В.Колчака и недавно опубликованной на страницах шестого номера альманаха. Информатор Верховного правителя, давая характеристику Зефилову, писал, что это «человек деятельный, честолюбивый, духовно вульгарный,

по природе - карьерист, человек личного напора и приспособления. Он будет с теми и в той группировке, где будет обеспечено ему заметное положение. Для министра он еще, разумеется, молод и не подготовлен, однако при старом порядке он был чиновником с обеспеченной хорошо карьерой по какому-либо хозяйственному ведомству»⁴. При всей доле субъективизма в оценке записка, несомненно, выделяет черты, действительно принадлежавшие нашему герою.

Вторая неделя июня в Омске была бурной. Шли напряженные консультации, согласования, встречи. Особую роль при этом играл местный военно-промышленный комитет во главе с «крепким сибирским мужиком», из матросов выбравшимся в миллионеры, Н.П. Двинаренко и член Западно-Сибирского комиссариата Временного Сибирского правительства П.Я. Михайлов. По их инициативе вскоре было создано Совещание общественных деятелей, на которое среди прочих персонально пригласили и Н.С. Зефирова. Решили учредить при комиссариате различные исполнительные органы для заведования делами Западной Сибири и Степного края, включая продовольственный отдел. Соответствующее постановление появилось 14 июня. Двумя днями позднее при отделе для обсуждения и объединения всех мероприятий по продовольственному делу было образовано продовольственное бюро. Оба органа возглавил Н.С. Зефиров⁵.

Немедленно за подписью заведующего на места были направлены запросы о наличии хлебофуражных запасов на территории Западной Сибири. Одновременно начались отправки продовольствия и нарядов в потребительские районы. Первым реальными сдвиги ощутило на себе население Анжеро-Судженского угольного района. Стала разворачиваться работа по продвижению мелких партий заготовленных продуктов на железнодорожные станции (Новониколаевск, Куломзино) и пристани Обь-Иртышского речного пути с целью формирования крупных партий продовольствия для отправки по Северному морскому пути в Архангельск в обмен на промышленные фабрикатy и сельскохозяйственные машины и орудия. По мере изгнания большевиков из все новых и новых районов края предстояло срочно обеспечивать снабжение последних. В начале июля первые маршрутные поезда с продовольствием проследовали в сторону Красноярска, и далее на Нижнеудинск. В эти же сроки продотдел составил первую более или менее исчерпывающую, сводку о хлебофуражных запасах. Суммарные резервы высветили цифру в 5080 тыс. пудов⁶. В принципе это было не так уж и мало, особенно если учесть тот факт, что к началу деятельности отдела, задолженность, доставшаяся ему от краевого совета составила около 56 млн. рублей, а текущий счет оказался фактически закрытым, так как при бегстве большевиков сняли с него 78 млн. рублей⁷.

30 июня председатель Сибирской Областной Думы И.А. Якушев и Временное Сибирское правительство обратились к народам Сибири с грамотами, в которых выразили благодарность Западно-Сибирскому комиссариату за работу по созданию новой гражданской власти взамен советской и заявили о вступлении в Верховное управление правительства в лице совета министров. На следующий день вышли постановления последнего о преобразовании учрежденных отделов в министерства и указ о новых назначениях. Н.С. Зефиров получил назначение управляющим министерства продовольствия⁸.

В течение первых недель минпрод сосредоточил в своих руках все дело снабжения армии и населения как продовольствием, фуражем, так и предметами материального снабжения. Но с выходом постановления совета министров от 27 июля 1918 г. об учреждении министерства снабжения функции министерств были разграничены⁹. Издание 10 августа положения о министерстве продовольствия окончательно оформило его как орган, ответственный за заготовку и снабжение армии и населения продуктами питания и фуражем, регулирующий их производство, потребление и торговлю, руководящий деятельностью всех местных продовольственных органов. В состав министерства вошли четыре отдела и канцелярия. Под председательством министра действовало общегосударственное продовольственное бюро, а также различные специализированные советы, комитеты и комиссии¹⁰. Товарищами министра были назначены опытные специалисты - Николай Васильевич Дмитриев, ранее заведовавший продовольственным делом и казенными зернохранилищами в Акмолинской, Тургайской областях, Тобольской и Томской губерниях и в январе 1919 г. из-за конфликтов с Н.С. Зефировым вышедший в отставку, и Иван Герасимович Знаменский, работавший прежде начальником управления по продовольствию всероссийского минпрода.

Продовольственные запасы Сибири были огромны. Собранные по территории края сведения говорили о наличии 117 135 тыс. пудов хлеба. Причем эта цифра не включала информацию из Енисейского района, а также остававшуюся в прифронтовой полосе и зоне боев Уфимскую губернию, которая, судя по данным прежних лет и отменному урожаю 1918 г., вполне могла дать еще несколько десятков миллионов пудов. Сибирь имела крупные запасы мяса, вывозя в довоен-

ное время ежегодно до 3 млн., а во время Первой мировой войны - до 5 млн. пудов, и масла, экспорт которого в Европу составлял около 4 млн. пудов в год. В мирное время около 700 кожевенных заводов края перерабатывали за год до одного миллиона кож. Хотя за годы Первой мировой число заводов выросло, до 1 100, а их производительность до переработки 2-2,8 млн. кож, ежегодное производство исходного сырья, доходившее до 6,6 млн. кож, значительно превосходило местные производственные возможности. В принципе Сибирь способна была ежегодно производить до 6,9 млн. пар сапог, 1 млн. шуб, 5 млн. пар валенок, что значительно перекрывало как потребности армии, так и населения края и ставило вопрос о расширении вывоза продовольственной и сырьевой продукции за ее пределы¹¹. Проблема состояла в том, чтобы собрать и правильно распорядиться наличными ресурсами.

С самых первых дней существования сначала продотдела, а затем и министерства Н.С.Зефирова прекрасно понимал, что восстановление нормального рынка и возбуждение хозяйственных стимулов возможны лишь в условиях предоставления полной свободы торговле. В то же время состояние полной разрухи прежних хозяйственных механизмов, разложение финансовой системы, мероприятия по уничтожению прежних устоев экономики, предпринятые советской властью, со всей очевидностью ставили вопрос о незамедлительном введении государственного регулирования дела продовольственного снабжения армии и населения. Поэтому Зефиров решительно выступил за максимальную централизацию вопросов заготовок и снабжения в руках министерства. Уже 6 июля вышли в свет постановления ВСП о регулировании торговли хлебом, мясом, маслом. В тот же день, а также 10 июля были изданы приказы управляющего минпродом о вмешательстве государства в дело заготовки и распределения соли и сена. Еще через три дня Н.С.Зефиров подписал циркуляр о порядке передачи всех продовольственных функций на местах в руки уполномоченным министра продовольствия. Все продовольственное производство, документация, отчетность и денежные суммы концентрировались в единый кулак. К закупке продовольствия допускались лишь зарегистрированные в органах министерства организации и объединения. Все заготовленные продукты подлежали учету и сдаче по ценам, не выше предельных. Всякая перевозка, транзит и вывоз продовольствия могли производиться лишь при наличии разрешительных свидетельств, полученных от уполномоченного минпрода¹². 1 августа постановлением ВСП минпроду было дано право реквизировать грузы с предметами продовольствия и снабжения, задержанные на станциях Сибирских железных дорог¹³.

Вроде бы все правила игры, хотя и временного характера, были согласованы. Предстояло, засучив рукава, браться за дело. Но неожиданно возникли трудности, носившие по сути политический характер. Летом 1918 г. повышенное внимание как со стороны ВСП, так и Самарского комитета членов Учредительного собрания (Комуча) привлек к себе горнозаводской Урал. По мере наступления чехословаков и белогвардейцев означенные правительства всячески стремились завладеть путем военного, политического или экономического воздействия наиболее развитыми горными округами и районами (Златоустовским, Кыштымским, Челябинским и др.), а позднее и всем краем. С августа в борьбу за Урал вступила и третья сила в лице Временного областного правительства Урала. Противоречия и взаимные претензии привели по сути к настоящей таможенной войне. Она разразилась в июне по линии Самаро-Златоустовской железной дороги, когда на станции последовали распоряжения о приостановке движения грузов на встречных направлениях. 2 августа в продовольственной телеграмме в адрес Комуча и Самарского губернского продовольственного комитета Н.С.Зефиров писал: «Имея совершенно точные заверения находящегося здесь [в Омске - Н.Д., С.С.] Вашего представителя Топчeenко о полной солидарности в вопросах снабжения и продовольствия Самарского комитета с Сибирью, считающей для себя совершенно невозможным стать на путь взаимных ограничений в транзите грузов, прошу срочного распоряжения Комитета об отмене реквизиций товаров для Сибири и запрещения провоза грузов в Сибирь, иначе, как это ни тягостно для Сибирского правительства, оно вынуждено будет со своей стороны ограничить вывоз на общем ходе общей для всех работ снабжения и продовольствия. Считаю долгом отметить, что до сего времени мы совершенно не стесняли движения транзитных грузов для Вашего района и учредили специальную агентуру для снабжения Вас маслом»¹⁴.

Поток взаимных упреков Комуча и Сибирского правительства удалось остановить лишь в конце августа. После завершения Челябинского совещания антибольшевистских политических сил 26 августа между представителями ВСП И.А.Михайловым и И.Г.Знаменским, с одной стороны, и представителями Комуча В.К.Вольским, М.А.Веденяпиным и И.П.Нестеровым, с другой, было заключено соглашение, регулировавшее порядок продвижения грузов. Отныне все тран-

Группа членов Временного Сибирского правительства.

Слева направо сидят: товарищ министра внутренних дел А.А.Грацианов, управляющий министерством путей сообщения Г.М.Степаненко, председатель совета министров П.В.Вологодский, министр торговли и промышленности П.П.Гудков. Во втором ряду пятый слева управляющий министерством продовольствия Н.С.Зефилов.

зитные грузы, следовавшие по линии Владивосток - меньшевистские районы Европейской части России никаким задержкам и обложениям не подлежали, а грузы, подлежавшие государственному регулированию, отпускались по установленным предельным ценам и были свободны от особых сборов и ставок¹⁵.

Однако этим дело не кончилось. В конце августа таможенное противостояние вспыхнуло вновь. На этот раз в борьбе за южноуральские предприятия столкнулись интересы уральцев и сибиряков. Вопрос нашел свое разрешение лишь в канун образования Директории во второй половине сентября. А до этого времени весь Урал, несмотря на положительную динамику деятельности сибирских продовольственных органов, испытывал жесткую нехватку продовольствия и фуража, приведшую в ряде случаев к остановке отдельных производств и предприятий¹⁶.

Несмотря на имевшиеся трудности, осенняя заготовительная кампания проходила весьма успешно. На кредиты отпущенные министерством финансов (кстати, весьма небольшие, за всю вторую половину года составившие сумму в 65,5 млн.рублей¹⁷), удалось создать значительные запасы продовольствия, которые в ноябре почти в два раза превысили месячную потребность. За июль - ноябрь было заготовлено более 18 млн.пудов хлеба, более одного миллиона пудов масла, двух миллионов пудов мяса и также двух миллионов пудов сена. Денежный оборот и декабрю превысил один миллиард рублей, а прибыль министерства от текущих операций составила 69 млн.рублей. С установлением зимнего пути можно было ожидать дальнейшего роста предложений на рынке заготовок¹⁸.

Между тем споры по вопросам торговой политики не прекращались. Наоборот с течением времени они становились все более ожесточенными. Уже 3 сентября Третий Всесибирский кооперативный съезд, собравший около 300 делегатов от 87 организаций Сибири, Урала и Приуралья, заслушав доклад Н.С.Зефилова, по-прежнему твердо настаивавшего на государственной регламентации в вопросах производства и торговли предметами первой необходимости, принял резолюцию прямо противоположную взглядам министра. Съезд потребовал упразднения твердых и предельных цен, отмены запрета свободного перемещения сельскохозяйственных грузов в пределах Сибири, введения свободного товарообмена¹⁹. Вскоре кооператоров поддержали участники Первого Уральского областного торгово-промышленного съезда и Всероссийский совет съездов представителей торговли и промышленности²⁰. Наконец снятия всяких огра-

ничений потребовало созванное А.В.Колчаком на пятый день после прихода к власти Чрезвычайное Государственное экономическое совещание.

Как вспоминал позднее Г.К.Гинс, «министр продовольствия Зефилов не был согласен с этим. Он пытался найти компромисс и внес законопроект, оставлявший за министерством некоторые правомешательства в свободу определения цен и передвижения грузов. Ему оказывали поддержку в этом только два члена совета министров: Шумиловский [министр труда - Н.Д., С.С.] и я»²¹. Предложения Николая Степановича предусматривали сохранение обязательных отчислений государству определенной части заготовленного продукта и обязательную регистрацию заготовителей у уполномоченных министерства²². «Но, - продолжает Гинс, - только что законопроект Зефилова получил одобрение (дело было в конце декабря) [Г.К.Гинс ошибается, речь идет о конце ноября - Н.Д.,С.С.], как он взял его обратно и заменил декларацией *полной свободы торговли*, предупредив, впрочем, что он сам в нее не верит.

В чем же секрет такой непоследовательности?

Экономическое совещание, председателем которого состоял сам адмирал, весьма внимательно следивший за его работами и доверявший Феодосьеву [Сергею Григорьевичу - Н.Д.,С.С.], как своему заместителю в совещании, убедило адмирала, что свобода торговли - единственное средство обеспечить снабжение армии и населения.

У Зефилова не хватило настойчивости для защиты своей точки зрения. У него не хватило и мужества сделать надлежащие выводы из неудачи своего плана.

Он остался на министерском посту, приняв [в конце декабря - Н.Д.,С.С.] в свое ведение все учреждения министерства снабжения, которое было к этому времени упразднено как самостоятельное ведомство»²³.

10 декабря всякое регулирование торговли хлебом, мясом и маслом было отменено²⁴. Причем Зефилов предлагал быть до конца последовательными и выступил с предложением все вопросы продовольственного снабжения населения и армии возложить на местное самоуправление, кооперацию и торговпромышленников²⁵. Этот шаг автоматически ставил вопрос об упразднении минпрода и его агентов, но в действительности произошло иначе. Заготовка хлеба для армии и других государственных нужд так и осталась в руках уполномоченных министерства и заведующих районами, которые выступили на городских рынках наряду с мелкими скупщиками и, имея практически неограниченные кредиты, оказали большое воздействие на повышение цен. Упразднение минснаба также не привело к сокращению его учреждений. Исчез лишь министр И.И.Серебренников, но все его чиновники и департаменты остались и лишь перешли в подчинение Н.С.Зефилову. На деле свобода торговли означала только отказ от регламентации цен.

Насколько был прав Зефилов, призывая к решительности в поступках, показали ближайшие события. Зимние успехи на фронте привели к наплыву покупателей из голодных районов Урала. Чтобы помочь населению рабочих районов края минпрод через своих уполномоченных приступил к формированию и отправке специальных маршрутных поездов с продовольствием. Местные уполпроды, дабы справиться с заданиями, поручили закупку зерна и фуража отдельным фирмам и союзам кредитных товариществ. Крестьяне стали воздерживаться от продажи, учитывая все возрастающий спрос и выжидая дальнейшего роста цен. Серьезной проблемой стало отсутствие мелких разменных денег. Возраставшие неполадки на железной дороге вызывали дополнительные трудности с доставкой хлеба на мельницы и потребителям. В совокупности это привело к быстрому росту цен и сокращению заготовок даже по линии министерства. Средняя рыночная цена на пшеницу еще недавно, в декабре 1918 г., колебавшаяся от 6,5 рублей до 11,5 рублей за пуд, уже в январе 1919 г. выросла до 11-23 рублей, а в марте в некоторых районах (например, Петропавловском) даже до 45 рублей за пуд. Цены на мясо в декабре составлявшие 51-66 рублей за пуд, в январе достигли 75-90 рублей²⁶. Собственные средства минпрода быстро растаяли, а ходатайства о кредитах все чаще задерживались и удовлетворялись лишь частично. Ситуация становилась все тяжелее.

Однако даже при очевидных министерских проблемах политический вес Н.С.Зефилова, а с ним и честолюбивые планы продолжали расти. Как управляющий министерством он активно участвовал в работе создаваемых органов власти - наделенного чрезвычайными полномочиями Административного совета ВСР, Государственного экономического совещания, созданного в феврале 1919 г. для выработки основ экономической политики специального комитета. С декабря 1918 г. Зефилов вошел в состав группы из восьми министров, несколько более близких по прежней работе и имевших целью взаимное информирование друг друга и предварительное обсуждение текущих вопросов. Возглавил группу министр финансов И.А.Михайлов. Г.К.Гинс утверждал, что роль и значение группы оказались сильно преувеличены, благодаря ходившим

по Омску сплетням. Тем не менее сам факт таких согласованных выступлений в совете министров нередко обеспечивал принятие подготовленного решения и автоматически повышал авторитет участников группы.

Крах карьеры наступил неожиданно. В начале марта 1919 г. в омской демократической газете «Заря» появились статьи, обвинявшие министерство продовольствия в явно невыгодной сделке по покупке чая у подозрительной фирмы «Слон». Причем недвусмысленно намекалось на личную заинтересованность в этом деле Н.С.Зефирова, утвердившего сделку. На спешно собравшемся заседании группы Михайлова обсуждался вопрос: может ли Зефиров оставаться после таких разоблачений членом правительства? Высказались отрицательно. Г.К.Гинс выразил готовность, если это понадобится, уговорить Николая Степановича немедленно подать в отставку. Вскоре Зефиров приехал к Гинсу советоваться. Он захватил необходимые документы и обстоятельно рассказал, как все произошло. Г.К.Гинс вспоминал: «Я высказал ему свое мнение: - «Нет никаких оснований обвинять его в лихоимстве. Я убежден, что он в этом отношении чист. Но сделка для казны, невыгодна и заключена неосмотрительно. Кто-то из чинов министерства был, по-видимому, заинтересован в сделке. Министр виноват тем, что он поступил опрометчиво, слишком доверившись докладу. Ему надо поэтому уйти в отставку, предоставив судебной власти выяснить непричастность его самого к какому-либо злоупотреблению».

Зефиров согласился со мной и подал в отставку. Но он сказал мне, что считает себя жертвой интриги. Впоследствии выяснилось, что никаких улик против Зефирова нет. Его обвиняли в том, что он содействовал обогащению частного лица, *без корыстной цели...*

Но если Зефиров остался вне подозрений, то этого нельзя сказать о многих его сотрудниках. Дело о Зефирове в *политических интересах* должно было бы быть поэтому закончено возможно скорее. Преемник Зефирова Неклютин [Константин Николаевич - Н.Д., С.С.] подтвердил впоследствии в своих показаниях, что все резолюции Зефирова носили характер полной незаинтересованности, и что доклад, представленный Зефирову по делу о покупке чая, мог ввести его в заблуждение²⁷. 1 апреля 1919 г. указом Верховного правителя адмирала А.В.Колчака Николай Степанович Зефиров был уволен от должности министра²⁸.

На местах с беспокойством реагировали на события в Белой столице, 25 марта в рапорте А.В.Колчаку главный начальник Уральского края С.С.Постников писал: «В Екатеринбурге ходят слухи, что в Омске министр продовольствия Зефиров подал в отставку и ожидают перемены в министерствах: военном, внутренних дел, юстиции, труда, торговли и промышленности - то есть смена большей части кабинета. Это создает неопределенное направление деятельности местных представителей ведомств и неуверенность их действий»²⁹. Действительно, уход Н.С.Зефирова положил начало министерскому кризису, а вскоре последовали и другие отставки.

Дальнейшая судьба Николая Степановича Зефирова зависела отныне от разрешения дела в суде. Сам он несколько месяцев после отставки находился под стражей, после чего был освобожден под залог, проживал в Омске, зарабатывая переводами для одного из местных журналов. Осенью 1919 г. дело бывшего министра все еще оставалось без судебного решения. Управляющий делами Г.К.Гинс от имени председателя совета министров даже направил циркулярное письмо министру юстиции Г.Г.Тельбергу с предложением ускорить, наконец, рассмотрение дела Зефирова³⁰. Однако реакции не последовало, и вслед за эвакуировавшимся в Иркутск Сенатом для продолжения дела туда же отправился и сам подсудимый. Но на новом месте ни одного судебного заседания по делу так больше и не состоялось.

В январе 1920 г. Н.С.Зефиров едва избежал очередного ареста со стороны сначала Политцентра, а затем Иркутского военно-революционного комитета и был вынужден скрываться под

Зефиров Николай Степанович. 1930гг.
Фото из коллекции Государственного архива административных органов Свердловской области

именем А.А.Адрушкевича. В феврале он сумел выехать из города на станцию Половина, где устроился работать управляющим подсобного хозяйства Хонтинской фарфоро-фаянсовой фабрики. Этот отъезд без сомнения спас жизнь бывшему министру. В начале марта Сибревком подготовил постановление о судебном процессе над высшими чиновниками совета министров правительства А.В.Колчака. Был определен круг лиц и дел, подлежащих отправке в Омск - на место судилища. Однако «первых лиц» катастрофически не хватало. Поэтому Иркутская чрезвычайная следственная комиссия «на посошок» объявила в городе розыск ряда первостепенных лиц правительства, включив в этот список и давно уже отошедшего от дел Н.С.Зефирова³¹. Но задержать разыскиваемого не удалось, и на процессе за все дела министерства продовольствия пришлось «отдуваться» упоминавшемуся выше, товарищу министра Н.В.Дмитриеву, покинувшему пост еще в январе 1919 г., и другому товарищу министра И.А.Молодых, крупному предпринимателю, пришедшему в ведомство после ликвидации минснаба и как раз сменившему на посту Дмитриева. Обоим подсудимым инкриминировалась причастность к «преступлениям правительства» и мерой наказания было назначено лишение свободы на десять лет каждого. Вне всякого сомнения попадись Зефилов в «руки правосудия» высшей меры наказания - расстрела - ему было бы не избежать. А так осенью 1920 г., когда судебные страсти уже улеглись, и необходимость розыска и ареста отпала, Николай Степанович спокойно возвратился в Иркутск и устроился в управление Забайкальской железной дороги заместителем начальника одного из отделов.

В октябре Н.С.Зефилов, будучи отправленным в командировку на станцию Маньчжурия, принял решение не возвращаться в Россию. Причиной тому стала, как он впоследствии сообщал на допросах, боязнь возможных преследований со стороны советской власти за деятельность в годы Гражданской войны.

Первые несколько месяцев Николай Степанович жил на заработки от статей, которые помещал в различные харбинские газеты и журналы, пока в мае 1922 г. не поступил в «Восточное китайско-русское товарищество» («Воскиторус»), занимавшееся комиссионной деятельностью на Китайско-Восточной железной дороге (КВЖД). На новом месте он сначала работал секретарем, а спустя два-три месяца - управляющим конторой товарищества.

В феврале 1923 г. Н.С.Зефилов получил приглашение на службу в Экономическое бюро управления КВЖД, которое и принял. В том же году в Харбин из Советского Союза выехала жена Зефирова Лидия Сергеевна (годом ранее ее мать тоже обосновалась в Харбине, где содержала фотосалон).

Одновременно с работой в Экономическом бюро Николай Степанович сотрудничал в газете «Копейка», издаваемой В.А.Чиликиным. В частности, Г.В.Мелихов сообщает, что в августе 1923 г. во время миссии советского полпреда Л.М.Карахана в Китай на его встрече с журналистами присутствовал в качестве журналиста газеты «Копейка» и Зефилов, появление которого вызвало сенсацию³². Также Н.С.Зефилов помещал экономические статьи в газетах «Новости жизни» [считалась просоветской - Н.Д., С.С.], «Дальневосточное время» и журнале «Вестник Маньчжурии». В 1924 г. он участвовал в подготовке сборника «Северная Маньчжурия и КВЖД», вышедшем из печати в 1925 г.

В октябре 1924 г. Николай Степанович был направлен управлением в командировку в Шанхай для организации ремонта одной из местных пристаней, принадлежавших КВЖД, и урегулирования вопроса о земельном участке, отведенном под пристань, который оказался в аренде у одного из китайских предпринимателей. После успешного решения данного вопроса Зефилову было поручено организовать коммерческое агентство КВЖД для работы в шанхайском порту, которое он создал и возглавил в конце 1925 г. Тогда же (1925 г.) Н.С.Зефилов принял гражданство, так как согласно майскому «Соглашению об общих принципах урегулирования вопросов между СССР и Китайской республикой» 1924 г. КВЖД стало совместным предприятием СССР и Китая, и постановлением от 5 октября 1924 г. все служащие и рабочие железной дороги, не являвшиеся советскими или китайскими гражданами, подлежали увольнению. К тому же уже в это время Зефилов стал сближаться с позицией Н.В.Устрялова о «необходимости протянуть руку советской власти».

В 1930 г. управление КВЖД несколько раз поднимало вопрос о переводе Н.С.Зефирова в Харбин. Однако, зная о растущей нестабильности в Маньчжурии, он отказывался и в ноябре уволился из управления. Находясь в Харбине по делам увольнения, Николай Степанович встретился с советским консулом, который посоветовал ему заняться в Шанхае частной торговлей советскими товарами, завозимыми «Центросоюзом» под вывеской «Центросоюз ингланд лимитед».

В 1931 г. Н.С.Зефилов заключил с «Центросоюзом» контракт на реализацию кавказских минеральных вод сроком на три года и открыл фирму «Шанхай импортерс». Однако через два года «Центросоюз» прекратил поставки, и Зефилов попытался переключиться на торговлю другими продуктами. Но «великая депрессия» (мировой экономической кризис) разрушила его предприя-

тие. В 1934 г. Николай Степанович даже оказался в «долговой тюрьме», не имея возможности расплатиться по счетам, и был вынужден передать свою фирму одному из кредиторов. Во время этого кризиса у Зефинова крайне обострились отношения с женой, что привело в 1936 г. к их полному разрыву (дочери Елене в это время было двенадцать лет). В дальнейшем жена Зефинова вновь вышла замуж и уехала с мужем и дочерью в 1938 г. в Австралию.

После краха коммерческой деятельности Николай Степанович поступил на службу в американскую страховую фирму «West Coast Life Insurance Company» страховым агентом, где и работал до декабря 1937 г. Затем по приглашению управляющего Московским народным банком И.Ц.Гайдуля, который высоко ценил деловые качества бывшего министра, его хорошую осведомленность о конъюнктуре в шанхайских финансовых кругах и прекрасное знание английского языка, Зефинов перешел секретарем управляющего в банк.

Одновременно он являлся одним из инициаторов консолидации советских граждан Шанхая в единую организацию. В 1934 г. Н.С.Зефинов вместе с А.С.Денисовым открыл газету «Новый мир», которая имела просоветскую ориентацию и в значительной степени финансировалась советским консульством. В декабре 1936 г. так называемой «инициативной группой» (Н.С.Зефинов, М.М.Гольберг, А.С.Денисов, Е.П.Мирошникова, В.С.Дербинский и др.) при поддержке советского консульства был создан «Клуб советских граждан» на французской концессии Шанхая, который первое время функционировал под вывеской увеселительного заведения. Николай Степанович вошел в состав правления клуба из двенадцати человек, а с 1939 г. по 1944 г. являлся его председателем.

В 1939 г. через отъезжавшего в Москву И.Ц.Гайдуля Н.С.Зефинов передал ходатайство к советскому правительству о возвращении в СССР. Однако вскоре в письме из Москвы И.Ц.Гайдуль сообщал, что они выбрали неверный путь и необходимо действовать через советское посольство в Токио.

В августе 1945 г. после объявления Советским Союзом войны Японии Н.С.Зефинов с группой ответственных советских лиц были задержаны японскими военными властями и несколько дней содержались под надзором в помещении советского консульства, но затем были отпущены на свободу.

После освобождения Шанхая от японцев и окончания Второй мировой войны началась активизация деятельности «Клуба советских граждан». В апреле 1946 г. он был преобразован в «Общество советских граждан», которое вело активную пропаганду за возвращение российских эмигрантов на Родину. Н.С.Зефинов со дня основания общества избирается его председателем и остается им вплоть до своего отъезда в Советский Союз в августе 1947 г. Через два года в тюремной камере он писал о причинах своего отъезда «Для скорейшего строительства этого [коммунистического - Н.Д., С.С.] общества, я - шестидесятилетний старик - пренебрег возможностями спокойной жизни у своей дочери в Австралии и приехал трудиться в Советский Союз, желая без остатка передать Родине свой многолетний и разнообразный опыт и знания»³³.

По прибытии в СССР Н.С.Зефинов с женой [вторичный брак он заключил в 1939 г. - Н.Д., С.С.] попали на Урал, в г. Кировград Свердловской области. Николай Степанович устроился работать начальником коммерческо-грузового отдела железнодорожного цеха Кировградского медеплавильного завода. Однако «многолетний и разнообразный опыт и знания» оказались не нужны Родине. В конце 1940х гг. начинаются репрессии против реэмигрантов, по сценарию напоминая репрессии 1937 г.³⁴

11 июля 1949 г. Н.С.Зефинов был арестован и до марта 1950 г. находился под следствием в Свердловске, как обвиняемый по статье 58 УК РСФСР (контрреволюционная деятельность). По

Зефинов Николай Степанович. 1940е г.
Фото из коллекции Государственного архива административных органов Свердловской области

приговору от 4 марта 1950 г. Николай Степанович был осужден на двадцать пять лет исправительно-трудового лагеря и вскоре отправлен в Минеральный лагерь МВД (Республика Коми), где и скончался 24 февраля 1953 г.

В 1988 г. несколько бывших репатриантов, знавших Н.С.Зефирова по эмиграции, подали просьбу о пересмотре его дела и реабилитации. Согласно январскому 1989 г. постановлению Президиума Верховного Совета СССР Зефиров Николай Степанович был полностью реабилитирован.

-
- ¹ Гинс Г.К. Сибирь, союзники и Колчак. Поворотный момент русской истории. 1918-1920 гг. - Пекин, 1921. - Т.1. - С.89-90.
- ² См.: Вибе П.П., Михеев А.П., Пугачева Н.М. Омский историко-краеведческий словарь. - М., 1994. - С.60-61; Дмитриев Н.И. Георгий Константинович Гинс - министр, юрист, педагог // Персонажи Российской истории. - Санкт-Петербург, 1996. - С.234-238; Ковалевский П.Е. Зарубежная Россия. Дополнительный выпуск. - Париж, 1973. - С.12-13; и др.
- ³ Государственный архив административных органов Свердловской области (ГААОСО). Ф.1.Оп.2.Д.36635.
- ⁴ См.: Государственному делу преданы.../ Публикация Дрокова С.В. // Белая армия. Белое дело. - 1999. - №6. - С.85.
- ⁵ См.: Законодательная деятельность Белых правительств Сибири (июнь - ноябрь 1918 г.). Сб. док. - Томск, 1998. - Вып. 1. - С.20-22.
- ⁶ Сибирский вестник (Омск). - 1918. - 24 авг.
- ⁷ Центральный архив ФСБ РФ (ЦА ФСБ РФ). Арх. №Н-501.Д.10.Л.73. (Сведения предоставлены С.В.Дроковым).
- ⁸ См.: Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф.176.Оп.5.Д.116.Л.7.; Сибирский вестник. - 1918. - 16 авг.; Законодательная деятельность Белых правительств. - С.43-45, 48-51.
- ⁹ См.: Сибирский вестник. - 1918. - 23 окт.; Законодательная деятельность Белых правительств. - С.167.
- ¹⁰ См.: Законодательная деятельность Белых правительств. - С.172-173.
- ¹¹ См.: ГАРФ. Ф190.Оп.1.Д.2.Л.25-26.
- ¹² См.: ГАРФ. Ф190.Оп.1.Д.10.Л.98; Д.41.Л.17.24; Законодательная деятельность Белых правительств. - С.69-82.
- ¹³ Сибирский вестник. - 1918. - 21 авг.
- ¹⁴ ГАРФ. Ф199.Оп.1.Д.10.Л.60.
- ¹⁵ См.: ГАРФ. Ф197.Оп.1.Д.12.Л.10; Сибирский вестник. - 1918. - 27 авг.
- ¹⁶ Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф.1951р.Оп.1.Д.3.Л.26.41; Д.4.Л.13-14; Д.62.Л.35.
- ¹⁷ ГАРФ. Ф197.Оп.1.Д.32.Л.32-33.
- ¹⁸ См.: Правительственный вестник (Омск). - 1918. - 7.29 дек.; 1919. - 7 янв., 9 февр.
- ¹⁹ Сибирский вестник. - 1918. - 17 сент.
- ²⁰ Вестник Временного Всероссийского правительства (Омск). - 1918. - 8 нояб.; Сибирский вестник. - 1918. - 6 нояб.
- ²¹ Гинс Г.К. Сибирь, союзники, Колчак. - Т.2. - С.117.
- ²² ГАРФ. Ф199.Оп.1.Д.41.Л.1-2.
- ²³ Гинс Г.К. Сибирь, союзники, Колчак. - Т.2. - С.117.
- ²⁴ ГАРФ. Ф199.Оп.1.Д.41.Л.128, 141; Правительственный вестник. - 1918. - 13 дек.
- ²⁵ См.: Торгово-промышленный вестник (Омск). - 1919. - 8 мая.
- ²⁶ См.: ГАРФ. Ф199.Оп.96.Д.13.Л.18-20; Правительственный вестник. - 1919. - 9 февр.; Торгово-промышленный вестник. - 1919. - 8 мая.
- ²⁷ Гинс Г.К. Сибирь, союзники, Колчак. - Т.2. - С.143.
- ²⁸ Правительственный вестник. - 1919. - 15 апр.
- ²⁹ ГАРФ. Ф176.Оп.3.Д.107.Л.3.
- ³⁰ См.: Гинс Г.К. Сибирь, союзники, Колчак. - Т.2. - С.287.
- ³¹ См.: ЦА ФСБ РФ. Арх. №Н-501.Д.7.Л.10-12 (Сведения предоставлены С.В.Дроковым).
- ³² Мелихов Г.В. Российская эмиграция в Маньчжурии 1917-1924. - М., 1994. - С.194.
- ³³ ГААОСО. Ф.1.Оп.2.Д.36635.Л.237.
- ³⁴ В Приказе Наркома внутренних дел Ежова Н.И. от 20 сентября 1937 г. утверждалось, что большинство выехавших в 1934-35 гг. в СССР харбинцев являются агентурой японской разведки, поэтому предписывалось с 1 октября 1937 г. приступить к широкой операции по ликвидации «диверсионно-шпионских и террористских кадров харбинцев на транспорте и в промышленности».

НА СЛУЖБЕ РОДИНЕ

Ганин А.В.

ГЕНЕРАЛ-МАЙОР И.Г.АКУЛИНИН

В прошлом году исполнилось 120 лет со дня рождения казачьего генерала и историка Ивана Григорьевича Акулинина.

И.Г.Акулинин родился 12 января 1879 г. в станице Урлядинская (недалеко от г.Верхнеуральска) Оренбургского казачьего войска в семье казака. В 1900 г. он поступил на военную службу вольноопределяющимся. После учебы в Оренбургском юнкерском училище хорунжий Акулинин был направлен во 2 Оренбургский казачий полк, располагавшийся в Варшаве¹. Когда началась русско-японская война, он вызвался охотником и около двух лет провел в Маньчжурии в 4 Сибирском казачьем полку. Служил успешно и за разведку на р.Шахэ главнокомандующий армией генерал А.Н.Куропаткин лично вручил И.Г.Акулинину орден Св.Владимира 4 степ. с мечами.

В связи с началом революции 1905 г. Иван Акулинин был отозван в Оренбургское казачье войско и назначен полковым адъютантом в 14 Оренбургский казачий полк. На следующий год он перевелся во 2 Оренбургскую сотню лейб-гвардии Сводно-казачьего полка, где в 1910 г. числился сотником².

В том же году в чине подьесаула, И.Г.Акулинин поступил в Императорскую Николаевскую военную академию, по окончании которой в 1913 г. был причислен к Генеральному штабу³. В период обучения у него созрело решение подготовить и защитить диссертацию на звание профессора по военной истории на тему «История Оренбургского казачьего войска». Находясь по делам службы в Петербурге, Иван Григорьевич в полной мере использовал предоставленную ему возможность вести исследовательскую деятельность. С осени 1913 г. он приступил к сбору источников по истории Оренбургского войска. Для подготовки диссертации Акулинин много работал в государственных и частных книгохранилищах и архивах столицы, использовал документы Оренбургского войскового архива, Главного управления казачьих войск, Казачьего отдела Главного штаба. Из войскового архива он получил все материалы, собранные подьесаулом Севастьяновым и исторической комиссией генерала Н.Г.Лобова (19 томов исторических актов Оренбургского казачьего войска в хронологическом порядке). Начальник Казачьего отдела Главного штаба генерал-майор П.О.Агапов предоставил в распоряжение И.Г.Акулинина архив бывшего Главного управления казачьих войск и Казачьего отдела, где Иван Григорьевич нашел все донесения Наказных атаманов на Высочайшее имя, начиная с 70-х годов прошлого столетия. Генерал-майор Суров, занимавший в Казачьем отделе должность делопроизводителя, снабдил Акулинина многими письменными материалами, поступавшими из Оренбургского войска в разные петербургские учреждения.

Из библиотеки Главного штаба исследователь брал книги Ф.М.Старикова «Откуда взялись казаки» и «Историко-статистический очерк Оренбургского казачьего войска», а в книжном магазине Главного штаба приобрел одиннадцатый том многотомного издания «Столетие военного министерства», посвященный казачьим войскам. В свободное время Иван Григорьевич занимался в Публичной библиотеке, где делал выписки из иностранных источников (в том числе и на латинском языке), содержащих сведения о казаках. В конце концов, в его руках оказался обширный исторический материал.

Работая над документами, И.Г.Акулинин планировал осуществить целый ряд проектов, так или иначе связанных с выбранной темой:

1). написать для защиты диссертации общую историю Оренбургского войска как опыт исторического исследования, основанный на собранных материалах;

2). составить, пользуясь трудами комиссии генерала Н.В.Лобова и некоторыми другими источниками, две отдельные работы, чисто военного характера: а). об участии оренбургских казаков в войнах России, (вне территории войска); б). о службе оренбургских казаков на линии;

**Генерал-майор Генерального Штаба
Акулинин Иван Григорьевич.**
Фото не ранее октября 1918 г.

3). Составить на основе ежегодных донесений Наказных атаманов на Высочайшее имя и сношений с Главным управлением казачьих войск особый военно-статистический очерк Оренбургского войска;

4). привести в порядок и опубликовать записки войскового старшины Бухарина, которые из-за смерти автора остались необработанными.

Однако планам этим не суждено было осуществиться, помешала война. Первая мировая война, заставшая Акулинина в Петербурге в Офицерской кавалерийской школе.

В годы войны Иван Григорьевич служил на различных должностях офицеров Генерального штаба⁴. На фронт он пошел старшим адъютантом 3 Донской казачьей дивизии. За конную атаку при дер. Драган 26 августа 1914 г. в составе 18 Донского и 17 Оренбургского казачьих полков был награжден Георгиевским оружием, а 23 ноября за бои под Старыми и Новыми Сандецами Акулинина удостоили ордена Св.Георгия 4 степ. Вскоре по болезни его эвакуировали на Кавказ, откуда затем вызвали в Петербург, где назначили на должность делопроизводителя в Главном управлении Генерального штаба. На этом месте Акулинин прослужил вплоть до 1916 г. Казалось бы, появилась возможность возобновить исторические исследования, но приходилось целыми

днями быть занятым на новой должности, участвовать в различных комиссиях, ездить в Государственную Думу, снабжать сведениями военные миссии союзных держав, работать с представителями прессы. Кроме того, с конца 1915 г. Акулинин преподавал тактику во Владимирском военном училище и в Пажеском корпусе, а также состоял членом Георгиевской Думы. Участвуя в межсоюзной конференции стран Антанты, он был награжден французским орденом «Почетного легиона».

И все же, в 1916-1917 г. И.Г.Акулинин сумел завершить литературную обработку записок войскового старшины Бухарина, изображавших суровый быт оренбуржцев на линии. На основе этих записок удалось составить около ста рассказов и очерков, часть из которых была опубликована в 1917 г. в «Оренбургском казачьем вестнике» под общим названием «Бытовые очерки прилинейной жизни оренбургских казаков». Как вспоминал позже сам автор, «получился ряд бесхитростных рассказов, в которых весьма ярко и красочно отражалась жизнь казаков...», полная тревог и опасностей...»⁵.

После большевистского переворота И.Г.Акулинин спешно покинул Петроград и выехал в Оренбуржье, где был избран депутатом второго Войскового Круга Оренбургского казачьего войска. Через некоторое время полковник Генерального штаба⁶ И.Г.Акулинин вошел в состав антибольшевистского Войскового правительства в качестве заместителя председателя и помощника Войскового атамана А.И.Дутова⁷. Приказом № 1 по Оренбургскому военному округу от 11 декабря 1917 г. объявлялось о создании округа, начальником штаба которого назначался полковник Акулинин⁸.

С самого начала борьба с большевиками в Оренбуржье приняла ожесточенный характер. 18 января 1918 г. казаки были вынуждены оставить Оренбург⁹. Атаман Дутов с Войсковым правительством переехал в Верхнеуральск, но в марте город захватили красные. После этого правительство обосновалось в станице Краснинская, где в начале апреля было окружено. На совещании членов правительства и старших начальников решили пробиваться на юг. Начался поход в Тургайские степи.

На пути следования 10 апреля у пос.Бриенский произошло серьезное столкновение с красными. Отряд под командованием Бобылева совместно с кавалерией Митина настиг отступавших оренбуржцев. застав их врасплох¹⁰. Для того, чтобы вывезти раненых и беженцев, пришлось принять бой. Силы белых, участвовавшие в сражении, находились в подчинении у полковника Акулинина. Его войска не позволили красным развить наступление. Иван Григорьевич сумел на сутки задержать красных в районе Бриенского, выполнил свою боевую задачу, дав возможность атаману Дутову спасти обозы с ранеными и беженцами и эвакуировать их на расстоянии двух переходов от места сражения¹¹. 11 апреля казаки находились уже на территории Тургайской

степи, на границе с которой красные прекратили преследование. Дутов и Войсковое правительство обосновались в Тургае, но в связи с рядом повстанческих выступлений на территории войска было принято решение вернуться.

3 июля 1918 г. повстанческие отряды заняли Оренбург, а через четыре дня, 7 июля, в казачью столицу вернулось войсковое правительство. Постепенно налаживалось управление войском.

После воссоздания Оренбургского военного округа помощник Войскового атамана полковник И.Г.Акулинин стал сначала помощником командующего войсками округа, затем с 19 октября главным начальником округа¹². В Оренбургском казачьем войске и в военном округе руководящие должности совмещались специально, чтобы избежать многоначалия и возможных недоразумений, а также, чтобы не допустить к власти неказаков («иногородних»)¹³.

Вопрос о создании единой государственной власти на Востоке России оставался открытым. Определенную ясность предстояло внести Государственному совещанию из представителей многочисленных областных правительств. Для предварительного обмена мнениями депутаты форума собрались в конце августа в Челябинске. Вскоре, в сентябре, открылось само Государственное совещание в Уфе. И.Г.Акулинин принимал участие в работе Челябинского совещания, возглавляя 23-25 августа войсковую делегацию Оренбургского казачьего войска¹⁴. 1 октября 1918 г. постановлением Войскового Круга

«за заслуги перед Родиной и Войском» Акулинин был произведен из полковников в генерал-майоры. Производство утвердил главком В.Г.Болдырев¹⁵.

К началу 1919 г. на Оренбургском фронте сложилась тяжелая ситуация. В ночь на 21 января белые вновь оставили Оренбург, а правительство перебралось в Троицк. С потерей столицы, по мнению атамана А.И.Дутова, «армия потеряла сердце»¹⁶. Для успокоения начавшегося брожения на фронте в командном составе были проведены некоторые изменения. 19 февраля на заседании Войскового Круга переизбирались члены правительства. В помощники Войскового атамана от всех округов выдвигались кандидатуры генерал-майора И.Г.Акулинина и генерал-лейтенанта Л.П.Тимашева. В результате тайной подачи записок помощником атамана и соответственно главным начальником Оренбургского военного округа избрали Тимашева¹⁷.

И.Г.Акулинин был, вероятно, очень обижен подобным решением и попросил назначения командиром корпуса в Западную армию¹⁸, но получил отказ. 21 февраля А.И.Дутов назначил его командиром 2 Оренбургского казачьего корпуса Отдельной Оренбургской армии¹⁹. На корпус, в состав которого входили 4-я и 5 казачьи дивизии, была возложена задача по обороне Троицка. В марте 2 корпус генерал-майора Акулинина и 1 корпус генерал-лейтенанта Г.П.Жукова от обороны перешли в контрнаступление. Бои носили упорный характер. По левому берегу р. Урал наступали подразделения Жукова, по правому - корпус Акулинина. Частям последнего удалось захватить участок Орской железной дороги и взять множество трофеев. К 17 апреля генерал И.Г.Акулинин вывел свой корпус к Оренбургу, решив в преддверии Пасхи (20 апреля) овладеть городом. Однако операция закончилась неудачно. Приведя части в порядок, генерал вновь бросил их на город. И опять не добился успеха. После этого поражения он решил дожидаться подхода других корпусов. Известно обращение И.Г.Акулинина от 5 мая к войскам 2 Оренбургского корпуса, отпечатанное в нескольких тысячах экземпляров, с призывом взять Оренбург. В результате боевая 1919 г., по оценке советского историка Н.К.Лисовского, «...белым удалось добиться некоторого успеха лишь на левом фланге 2 корпуса [генерала Акулинина - А.Г.]»²⁰.

Командиры подошедших казачьих корпусов решили наметить единый план действий по захвату Оренбурга. Однако 23 мая приказом Верховного главнокомандующего № 181 Отдельная

Жуков Гервасий Петрович
(1861–после 1932), окончил Александровское военное училище, с 1909 г. командир 3 Оренбургского казачьего полка, с 1915 г. генерал-майор, с 1917 г. командир 12 кавалерийской дивизии, с 1918 г. командир 1 Оренбургского казачьего корпуса

Оренбургская армия, включая 2 корпус, расформировывалась и на ее базе создавалась Южная армия. Части соединения генерал-майора И.Г.Акулинина были переданы в 1 Оренбургский казачий корпус, а сам бывший комкор получил назначение в Омск на должность начальника штаба при Походном атамане Всех казачьих войск А.И.Дутове.

17 июня генерал выступил на заседании Войскового Круга и сообщил «...о доблести и духе... бывших у него в подчинении частей»²¹.

После доклада Круг постановил вынести Ивану Григорьевичу благодарность за «доблестное дело, которое совершил доблестный генерал Акулинин с вверенными ему частями по изгнанию коварного врага со священной земли Оренбургского войска...»²². Круг провожал командира шумными аплодисментами. Вскоре И.Г.Акулинин был отозван в Омск к А.И.Дутову, где пробыл около месяца. Обрато он вернулся в связи с назначением 17 июня командующим 1 Оренбургским казачьим корпусом взамен переведенного на тыловую должность генерал-лейтенанта Г.П.Жукова²³.

По прибытии к месту нового назначения генералу Акулинину сразу же пришлось столкнуться с непростой военной обстановкой. Вверенный ему корпус должен был сдерживать натиск противника по обе стороны р. Урал между Орской и Ташкентской железными дорогами. В конце августа фронт Южной армии был прорван красными в районе Орска. Северная группа Южной армии стала отходить в Сибирь. Южная группа после падения Орска отступила к Актюбинску, откатываясь далее на юг вдоль линии Ташкентской железной дороги с целью уйти в Туркестан²⁴. С остатками 1 казачьего корпуса И.Г.Акулинин вышел в район г. Темир и ст. Джурун в киргизских степях. Практически не имея запасов продовольствия, части подверглись быстрому разложению. Казаки по одиночке и даже целыми группами уходили к красным или разбредались по степи в поисках пищи и крова. Генерал-майор Г.А.Белов, командующий Южной армией, настаивал на дальнейшем отступлении на восток, в Сибирь. Однако этот путь пролегал по безводной и пустынной территории, труднопреодолимой для войск, не имевших достаточного количества провианта. Генералы И.Г.Акулинин и А.В.Эллерц-Усов (командующий 5 армейским корпусом) высказались за отход на запад, в Уральскую область. Но Белов с этим не согласился. За время переговоров деморализовался 5 корпус, и Эллерц-Усов с остатками своих войск был вынужден уйти на восток, туда же ушли и некоторые части 1 Оренбургского казачьего корпуса, даже не предупредив своего командира.

Вокруг генерала Акулинина на ст.Джурун объединились помимо оставшихся казаков из его корпуса еще около 500 человек офицеров и нижних чинов разных частей, решивших идти к уральцам. Историк Уральского казачьего войска Л.Масянов писал, что «это были, главным образом, тыловые части»²⁵. В связи с успехами войск А.И.Деникина появилась надежда на скорое соединение с ними уральских казаков, чем и объяснялось решение идти на запад. Впоследствии И.Г.Акулинин вспоминал: «Большинство офицеров и крепких духом солдат, соединясь в отряды, двинулись - одни на восток, другие на запад; первые догонять армии Верховного правителя, а вторые - переправиться через Каспийское море к генералу Деникину»²⁶.

9 сентября 1919 г. войска генерала Акулинина выступили в направлении на г.Уил, куда прибыли к 22 сентября. По дороге часть казаков разбежалась, и до Уила дошло около 2000 человек. Остатки 1 Оренбургского корпуса вошли в состав Уральской армии. Что же касается тыловых частей, ушедших с Акулининым, их особое положение порождало трения с командующим Уральской армией генерал-майором В.С.Толстовым, имевшим, к тому же, конфликтный характер и пребывавшим в ссоре со многими своими сподвижниками²⁷.

Генерала Акулинина удивляло нежелание уральского командования использовать «несколько хорошо налаженных тыловых организаций, обслуживавших Южную армию и Оренбургское войско... Но уральское командование ни одной из этих организаций не воспользовалось, предпочитая работать исключительно со своими людьми и своими кустарными способами»²⁸. Относительно использования оренбургских тыловых частей генерал Толстов заявлял, что «ему нужны солдаты, а не тыловые учреждения»²⁹.

И.Г.Акулинин полагал, что после разгрома оренбуржцев основной удар красные нанесут по уральцам. Он занял правый фланг Уральской армии со стороны Ташкентской железной дороги, где ожидалось наступление красных. Части под командованием генерала защищали Уильский район - единственный источник хлеба для уральцев. В целях поддержания боевого духа Акулинин организовал издание корпусной газеты «Военный вестник», излагавшей сообщения, которые принимала радиостанция корпуса. Сведения о победах армии А.И.Деникина поднимали боевой дух частей. Однако 11 ноября корпус был расформирован, а его части направлены в район Лбищенска на усиление уральцев. По-видимому, генерал Акулинин остался не у дел, так как сведений о его назначениях в этот период не обнаружено.

Иван Григорьевич считал, что уральцы не смогут продолжить борьбу с красными без помощи со стороны Добровольческой армии. Не имея точного представления о положении дел у Деникина, Акулинин решил лично отправиться на Юг России, чтобы попытаться привлечь внимание южнорусского командования, а также Донских, Кубанских и Терских казаков к Урало-Оренбургскому фронту. Наилучшим видом помощи генерал считал присылку казачьих частей для совместных действий с уральцами по освобождению Уральска и Оренбурга. Свой план Акулинин держал в тайне, о нем знал лишь войсковой старшина И.Д.Пивоваров (в прошлом - начальник штаба у И.Г.Акулинина в 1 Оренбургском казачьем корпусе), находившийся для связи при штабе Уральской армии. Иван Григорьевич через форт Александровский выехал на Кавказ, но к моменту его прибытия войска Деникина оказались в трудном положении и на помощь рассчитывать уже не приходилось. Генерал Акулинин остался у Деникина и представлял оренбуржцев на Верховном казачьем Круге в начале 1920 г.³⁰ Многие оренбургские казаки также перебрались на Кавказ.

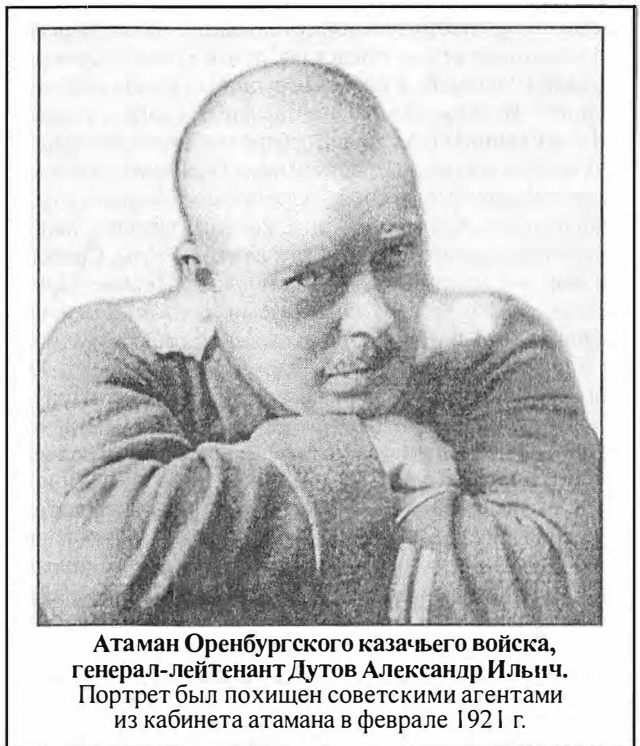
Вероятно, группа оренбургских казаков во главе с Акулининым не эвакуировалась в Новороссийске, а ушла по Военно-Грузинской дороге в Грузию, где была интернирована в г.Поти, а потом перевезена в Крым³¹. На это указывал И.Г.Акулинин в своей книге об оренбургском казачьем войске. Он писал, что при эвакуации Северного Кавказа отдельные группы уральских и оренбургских казаков попали в Грузию, откуда небольшая часть оренбуржцев во главе с ним переехала в Крым к Врангелю, где и оставалась до эвакуации в ноябре 1920 г.³² За короткий срок своего пребывания в Крыму генерал Акулинин сумел подготовить к печати первоначальный вариант очерка об оренбуржцах. Материал был сдан в октябре в севастопольскую типографию и достался большевикам³³.

Как и многие белогвардейцы, И.Г.Акулинин эмигрировал сначала в Сербию, а затем переехал во Францию, в Париж.

6 февраля 1921 г. в Суйдине был убит атаман А.И.Дутов. После его гибели возникла проблема сохранения преемственности атаманской власти. Заместителем атамана с 1 марта стал генерал Н.С.Анисимов, избранный на этот пост организационным собранием оренбургских казаков в Харбине. Он располагал значительными денежными суммами (свыше 100 000 золотых рублей), полученными от атамана Г.М.Семенова на поддержку оренбуржцев в Китае. Этот факт и стал одной из основных причин избрания на атаманский пост³⁴.

Позднее, уже после падения Белого Приморья, стало известно, что Анисимов, ведя беспутную жизнь, промотал все войсковые капиталы. Ему немедленно было выражено недоверие, а Войсковым атаманом зарубежных оренбургских казаков был избран И.Г.Акулинин. В приказе по Оренбургскому казачьему войску от 6 мая 1923 г., изданном в Харбине, говорится: «Организационное собрание Оренбургских казаков, протоколом от 16 февраля 1923 года постановило - генерала Анисимова лишить полномочий заместителя Войскового атамана и избрать Войсковым атаманом зарубежных оренбургских казаков Генерального штаба генерала Ивана Григорьевича Акулинина, находящегося в Западной Европе...»³⁵.

Исполняя обязанности атамана, Акулинин являлся представителем Восточного казачьего союза в Западной Европе и вел переписку с Великим князем Николаем Николаевичем. В 1926 г. он принимал участие в работе Российского зарубежного съезда в Париже в поддержку Великого князя. В начале 1930х годов И.Г.Акулинин состоял членом Казачьего совета, представлял на нем оренбуржцев и казаков Дальнего Востока³⁶, а также входил от Оренбургского войска в президиум

Атаман Оренбургского казачьего войска, генерал-лейтенант Дутов Александр Ильич.
Портрет был похищен советскими агентами из кабинета атамана в феврале 1921 г.

комитета благотворительной организации «Казачья помощь»³⁷. Проживая во Франции, Акулинин был некоторое время председателем Казачьего союза, работал редактором казачьего отдела в журнале «Часовой», а также сотрудничал в ряде казачьих и других эмигрантских периодических изданий³⁸. В 1938 г. Ивана Григорьевича приняли в парижский Кружок казаков-литераторов.

В эмиграции И.Г.Акулинин проявил себя незаурядным исследователем, историком. В 1920 - 1930 гг. были изданы его работы, посвященные Гражданской войне в России. В 1927 г. во втором томе альманаха «Белое дело» вышел очерк, посвященный борьбе уральцев с большевиками. А в 1937 г. в Шанхае издательством «Слово» был опубликован, пожалуй, наиболее известный труд Акулинина о борьбе оренбургских казаков в годы Гражданской войны. Средства на издание книги собрали казаки Оренбургской имени атамана Дутова станицы в Шанхае. При написании книги генерал практически не располагал какими-либо документами, так как их основная масса пропала³⁹. Многие приходилось восстанавливать по памяти. Часть сведений удалось получить при помощи оставшихся в живых очевидцев, а также из писем и газет⁴⁰. Труд Акулинина представляет большой интерес для исследователей. Книга написана непосредственным участником событий и содержит огромный фактический материал⁴¹. Однако это не чистые мемуары, а скорее мемуарно-исследовательская работа, так как автор старался представить не личные переживания, а всю историю Белого движения в Оренбургском крае.

Ряд своих работ И.Г.Акулинин посвятил теме присоединения Сибири к Русскому государству в XVI веке. Среди них такие, как «Ермак-завоеватель Сибири», «Ермак и Строгановы. Исторические исследования по сибирским летописям и царским грамотам», вышедшая к 350-летию завоевания Сибири в Париже в 1933 г. Целью монографии «Ермак и Строгановы» было «выяснить: кому принадлежала первоначальная мысль о завоевании Сибири и какую роль играли в этом деле атаман Ермак и Строгановы»⁴². На основе анализа текстов трех летописей и царской грамоты Ивана Грозного автор пришел к выводу, что «Сибирь была завоевана Ермаком с помощью Строгановых»⁴³. В феврале 1936 г. Акулинин, подытоживая свои исследования в этой области, выступил перед парижской аудиторией с докладом на тему «Освоение Сибири Россией»⁴⁴.

Всю свою жизнь Иван Григорьевич помимо военной службы и исторических исследований собирал материалы по истории оренбургского казачества. На протяжении более тридцати лет (1913-1944 гг.) генерал сумел создать три архива⁴⁵. Первый из них включал материалы по довоенной истории казачества. Он погиб в доме И.Г.Акулинина в Петрограде уже после 1917 г. Второй его архив содержал документацию казачьих частей Гражданской войны (в том числе его полевой дневник и черновики записок). Архив пропал при отступлении остатков I Оренбургского казачьего корпуса от Гурьева на форт Александровский. Наконец третий архив был собран уже в эмиграции, и судьба этой коллекции в настоящее время также неизвестна⁴⁶.

В 1937 г. И.Г.Акулинин обратился к оренбургским казакам с призывом «внести посильную лепту в дело составления, собирания и выпуска в свет материалов по Истории [так у И.Г.Акулинина - А.Г.] войска», причем «при описании каждого факта на первом месте должна стоять голая правда и добросовестное отношение к действующим лицам»⁴⁷.

Умер Иван Григорьевич Акулинин 26 ноября 1944 г. в Париже и был похоронен на кладбище Сент-Женевьев де Буа.

Современники знали И.Г.Акулинина как «выдающегося военного и казачьего деятеля, благороднейшего человека, редкого по своей честности и прямоте русского патриота...»⁴⁸. Имя Ивана Акулинина после его смерти было занесено в казачий синодик⁴⁹ наряду с именами Африкана Богаевского, Александра Дутова, Лавра Корнилова, Константина Мамантова, Андрея Шкуро и других казачьих вождей. Генерал-лейтенант С.В.Денисов, в прошлом командующий Донской армией, писал: «Белая Россия, а в частности Оренбургское казачество никогда не забудут доблестных сподвижников, к числу коих надо отнести защитников края: Белого Вождя-Атамана Генерала Дутова...и...его главнейших [помощников - А.Г.] - Генерального Штаба, Генерал-майора Акулинина...и всех тех белых воинов, нам неведомых, но которых знает казачество, положивших свои жизни за Родину и Край»⁵⁰.

¹ Часовой.(Париж). -1948. -№278. -С 21.

² Справка из Российского Государственного военно-исторического архива (РГВИА) //Архив автора.

³ Казачий словарь-справочник. -Кливленд,1966. -Г.1. -С.30.

⁴ Акулинин И.Г. Оренбургское казачье войско в борьбе с большевиками. 1917-1920. -Шанхай, 1937. -С.5.

⁵ Акулинин И.Г. Справка по истории Оренбургского казачьего войска //Луч Азии (Харбин). -1937. -№34/6. -С.13.

⁶ В полковники И.Г.Акулинин был произведен не ранее 1916 г.

⁷ На этот пост И.Г.Акулинина избрал Оренбургский Войсковой Круг. -См.: Ганин А.В. Белые генералы. -М.,1998. -Ч.1. -С.8.

⁸ РГВА. Ф.39477. Оп.1. Д.1.Л.1.

- ⁹ Гражданская война и военная интервенция в СССР. Энциклопедия. -М., 1987. -С.202.
- ¹⁰ Лисовский Н.К. Разгром дутовщины (1917-1919гг.). -М., 1964. -С.52-53; Акулинин И.Г. Оренбургское казачье войско... -С.58; Енборисов Г.В. От Урала до Харбина. Памятка о пережитом. -Шанхай, 1932. -С.45.
- ¹¹ В советской историографии бой у Брисенского рассматривался как поражение белых. -См.: Лисовский Н.К. Разгром дутовщины. -С.53.
- ¹² РГВА. Ф.39477.Оп.1. Д.1.Л.538.
- ¹³ Например, А.И.Дутов был одновременно Войсковым атаманом и командующим армией. И.Г.Акулинин - помощником Войскового атамана и главным начальником военного округа, а генерал-майор В.Н.Половнико в был начальником штаба войска и начальником штаба военного округа.
- ¹⁴ РГВА. Ф.39477.Оп.1.Д.1.Л.327. Делегацию от войска в Уфе возглавлял лично А.И.Дутов.
- ¹⁵ РГВА. Ф.39768.Оп.1.Д.4.Л.1.
- ¹⁶ Акулинин И.Г. Оренбургское казачье войско... -С.104.
- ¹⁷ Из 168 депутатов за Акулинина проголосовало лишь 56, за Тимашева - 110. два депутата воздержались. -См.: Область войска Оренбургского. Войсковой Круг. Протоколы 3 очередного Войскового Круга.-Троицк, 1919. -С.57.
- ¹⁸ Западная армия считалась одним из наиболее опасных участков Восточного фронта. не случайно туда отправляли воевать лиц, приговоренных к смертной казни. -См., напр., приказ по Оренбургскому военному округу № 65 от 23 июля 1918 г. о замене смертной казни прапорщику Б.Мартынову отправкой его в Западную армию (по всей видимости речь идет о западном театре военных действий. поскольку Западной армии еще не существовало), «где бы он кровью мог смыть свой позор». -РГВА. Ф.39477.Оп.1. Д.1.Л.41.
- ¹⁹ См.: Область войска Оренбургского. -С.66.
- ²⁰ Лисовский Н.К. Разгром дутовщины. -С.135.
- ²¹ См.: Область войска Оренбургского. -С.476.
- ²² Там же. -С.476-477.
- ²³ Генерал-лейтенант Г.П.Жуков был отозван в тыл. вероятно, из-за бездействия. В течение июня и июля 1919 г. его корпус пассивно стоял под Оренбургом. -См.: Акулинин И.Г. Оренбургское казачье войско... -С.130.
- ²⁴ Акулинин И.Г. Уральское казачье войско в борьбе с большевиками //Белое дело. -Берлин, 1927. -Кн.2. -С.129.
- ²⁵ Масынов Л. Гибель Уральского казачьего войска. -Нью-Йорк, 1963. -С.134.
- ²⁶ Акулинин И.Г. Уральское казачье войско... -С.129.
- ²⁷ Масынов Л. Гибель Уральского казачьего войска. -С.140.
- ²⁸ Акулинин И.Г. Уральское казачье войско... -С.134.
- ²⁹ Масынов Л. Гибель Уральского казачьего войска. -С.134.
- ³⁰ Толстов В.С. От красных лап в неизвестную даль. Поход уральцев. -Константинополь, 1922. -С.99.
- ³¹ Акулинин И.Г. Уральское казачье войско... -С.147.
- ³² Акулинин И.Г. Оренбургское казачье войско... -С.152.
- ³³ Там же. -С.22.
- ³⁴ Енборисов Г.В. От Урала до Харбина. -С.114.
- ³⁵ Там же. -С.121.
- ³⁶ Казак(Париж). -1933. -№1. -С.12.
- ³⁷ Худобородов А.Л. Общественная и политическая деятельность оренбургских казаков в эмиграции (1920 - сер.1940х гг.)//Оренбургское казачье войско: воинская служба и общественная жизнь. Сб. науч. трудов. -Челябинск, 1997. -С.160.
- ³⁸ «Атаманский вестник» (член редколлегии с 1937г.): «Возрождение», «Иллюстрированная Россия», «Казачьи Думы», «Руль», «Часовой» и др.
- ³⁹ Акулинин И.Г. Оренбургское казачье войско... -С.22.
- ⁴⁰ Там же. -С.160.
- ⁴¹ Критика работы генерала Акулинина содержится в кн.: Урал и Прикамье (ноябрь 1917 - январь 1919). Док. и мат. -Париж, 1982. -С.227.
- ⁴² Акулинин И.Г. Ермак и Строгановы. Историческое исследование по сибирским летописям и царским грамотам. К 350-летию завоевания Сибири (1582-1932). -Париж, 1933. -С.8.
- ⁴³ Там же. -С.62.
- ⁴⁴ Историческая наука российской эмиграции 20-30х гг. XX века. Хроника. -М., 1998. -С.259.
- ⁴⁵ Акулинин И.Г. Справка по истории Оренбургского казачьего войска. -С.14.
- ⁴⁶ Хохульников К.Н. Генерал, исследователь, публицист //Сталица (Москва). -1999.- №1. -С.27.
- ⁴⁷ Акулинин И.Г. Справка по истории Оренбургского казачьего войска. -С.14.
- ⁴⁸ Часовой. -1948. -№ 278. -С.21.
- ⁴⁹ Казачий синодик - список имен выдающихся казаков, погибших в годы освободительных войн. которых принято поминать во время торжественных заупокойных богослужений в день казачьей скорби (11 февраля) и в казачий траурный день (1 июня).-См.: Казачий словарь-справочник. -Сан Ансельмо, 1969. -Т.3. -С.82-83.
- ⁵⁰ Денисов С.В. Белая Россия. Альбом № 1. -Нью-Йорк, 1937. -С.38.

СЕМЬЯ ОБУХОВЫХ НА ФОНЕ ВОЙНЫ И РЕВОЛЮЦИИ

В первые десятилетия XX века в Екатеринбурге было немало ярких людей, оставивших заметный след в истории города. Среди них - братья Обуховы. Авторы статьи совместно с краеведом В.К.Некрасовым давно собирают сведения о семье Обуховых. К сожалению, они далеко не полны, но мы надеемся, что, возможно, найдутся люди, которые откликнутся на статью, и тогда удастся восполнить недостающие звенья.

Обуховы не были коренными екатеринбуржцами, а происходили из Сарапульского у. Вятской губернии, где их отец Евлампий Обухов занимал скромный пост канцелярского служителя¹. Получая общее домашнее образование, братья один за другим покидали родное гнездо. Погодки Александр (1864 г.р.) и Василий (1865 г.р.) закончили Лисинское лесное училище и после отбытия воинской повинности вышли в запас армейской пехоты: первый - подпоручиком, второй - прапорщиком. Их гражданская служба проходила в корпусе лесничих.

Александр Евлампиевич долго не засиживался на одном месте. В 1887-1890 гг. и 1899-1902 гг. он состоял помощником лесничего, а затем лесничим в Мотовилихинской, Пыскорской и Висимской дачах Пермских пушечных заводов и Серебрянской лесной даче Гороблагодатского горного округа. В 1890-1899 гг. и 1902-1905 гг. он находился на частной лесной службе в Кыштымских и Сергинско-Уфалейских горных заводах. В 1905 г. А.Е.Обухов вновь возвратился на казенную должность лесничего Нижне-Исетской дачи и с этого времени обосновался в Екатеринбурге.

Василий Евлампиевич перебрался поближе к брату и с 1903 года работал лесничим Каменской дачи Екатеринбургского горного округа².

Младший брат Михаил Евлампиевич (1867 г.р.) сразу избрал для себя военную профессию и уже в восемнадцатилетнем возрасте поступил вольноопределяющимся в 87 пехотный резервный батальон на собственное содержание³. Через два года, в 1887-м, он был откомандирован в Казанское пехотное юнкерское училище. Окончив училище по второму разряду, Михаил Обухов больше года ждал вакансии и только 20 октября 1890 г. получил производство в подпоручики. Началась нелегкая жизнь армейского пехотного офицера. В Спасском резервном батальоне, квартировавшем в Казани, Михаил прослужил с 1891 г. по 1905 г., являясь заведующим оружием, делопроизводителем по хозяйственной части, квартирмейстером, заведующим учебной командой. В 1895 г. он был произведен в поручики, а в 1900 г. - в штабс-капитаны. В 1905 г. М.Е.Обухова назначили командиром вьючно-пулеметной роты 2 Сибирской пехотной дивизии, но в Маньчжурию попасть он не успел в связи с окончанием войны и расформированием роты. В 1907 г. штабс-капитан Обухов получил назначение в Одессу в 13 стрелковый полк знаменитой по боям на Шипке 4 стрелковой бригады. В 1907-1908 гг. вместе с полком он нес службу на о.Крит, где русские оккупационные войска совместно с войсками других великих держав призваны были гарантировать автономии острова. В 1908 г. Михаил Обухов получил свой первый орден Св. Станислава 3 степ. и производство в чин капитана. К этому времени он уже был давно женат и имел двух детей: сына Павла 1896 г.р. и дочь Ольгу 1901 г.р.

Александр Евлампиевич оказался из братьев наиболее энергичным и предприимчивым, занимаясь помимо службы в лесном департаменте активной общественно-политической деятельностью. В 1897-1899 гг. он избирался гласным Пермского губернского земского собрания, а в 1906 г. был избран гласным Екатеринбургской городской думы. В октябре 1908 г. титулярного советника А.Е.Обухова освободили от обязанностей лесничего Нижне-Исетской дачи в связи с занятием должности екатеринбургского городского головы. На его место из Каменской в Нижне-Исетскую лесную дачу был переведен коллежский секретарь В.Е.Обухов, самый многосемейный из братьев, имевший четырех сыновей и двух дочерей. Василий вскоре поселился по Глуховской набережной, №8, недалеко от усадьбы Александра (Глуховская набережная, №2).

В 1912 г. А.Е.Обухов был избран городским головой на второй срок и в этой должности встретил Первую мировую войну. Екатеринбургский голова помимо обычных обязанностей по руководству городским хозяйством приложил большие усилия для помощи военному ведомству. Недаром он был отмечен целым рядом наград: 1 января 1915 г. - орденом Св. Анны 3 степ., 12 февраля 1915 г. - медалью на ленте Белого Орла за труды по мобилизации, 29 мая 1916 г. -

орденом Св. Станислава 2 степ. за оказание помощи пострадавшим от военных действий.

Василий Евлампиевич был мобилизован 6 сентября 1914 г. в Государственное ополчение с назначением командиром 2 роты 577 Пермской пешей дружины. 23 сентября 1914 г. его откомандировали в г. Нолинск для исполнения должности уездного воинского начальника. После возвращения из командировки 21 ноября 1914 г. В. Е. Обухову был присвоен чин зауряд-капитана. С начала 1915 г. зауряд-капитана Обухова назначили командиром роты в 698 Пермскую пешую дружину, а с июня 1915 г. по февраль 1916 г. его служба проходила в Кав-Ивановском заводе Уфимской губернии, где Василий Евлампиевич являлся комендантом лагеря для военнопленных. В феврале 1916 г. В. Е. Обухов вернулся в Екатеринбург.

Если у старших братьев служба была тыловой, то командир 8 роты 13 стрелкового генерал-фельдмаршала Великого Князя Николая Николаевича полка капитан М. Е. Обухов с осени 1914 г. оказался в самой гуще боев⁴. 4 стрелковая бригада, именовавшаяся «железной», во время войны выделялась своей особенной доблестью. Ее бывший командир генерал А. И. Деникин вспоминал:

«Положение бригады (дивизии) в 8 армии было совершенно особое. Железным стрелкам почти не приходилось принимать участия в позиционном стоянии, временами длительном и скучном. Обычно, после кровопролитного боя, бригада выводилась Брусилковым в «резерв командующего армией» для того лишь, чтобы через два-три дня опять быть брошенной на чью-либо выручку в самое пекло боя, в прорыв или в хаос отступающих частей. Мы несли часто большие потери и переменили таким порядком четырнадцать корпусов. И я с гордостью отмечаю, что Железная дивизия заслужила почетное звание «пожарной команды» 8 армии⁵. 13 августа 1915 г. за отличия в боях Михаил Обухов был произведен в подполковники, а 10 ноября 1915 г. награжден орденом Св. Анны 4 степ. с надписью «За храбрость». Во время наступления Юго-Западного фронта в бою 23 мая 1916 г. батальон подполковника М. Е. Обухова прорвал несколько рядов проволочных заграждений и выбил противника из трех линий окопов. Батальон взял шесть орудий, четыре бомбомета и два пулемета, а также шестьсот семь нижних чинов и четырнадцать офицеров. За это лихое дело Михаил Обухов получил орден Св. Георгия 4 степ., а 12 августа 1916 г. его произвели в полковники. Через два дня, 15 августа 1916 г., Михаил Евлампиевич был тяжело ранен в ногу осколком гранаты с раздроблением кости и эвакуирован в Киев⁶. Лечение продолжалось долго, и по-настоящему ногу восстановить не удалось. Летом 1917 г. Михаил Обухов прибыл в отпуск в Екатеринбург для окончательной поправки здоровья, и здесь его догнал Высочайший приказ о награждении орденами Св. Владимира 4 степ. с бантом «за 25 лет» и Св. Владимира 3 степ. с мечами. 10 октября 1917 г. полковник Обухов принял командование стоявшим в Екатеринбурге 126 запасным пехотным полком, но руководил им очень недолго. По требованию Екатеринбургского совета рабочих, крестьянских и солдатских депутатов 28 октября 1917 г. он был отстранен от командования и даже арестован. Правда под арестом ветеран пробыл недолго и, уволенный со службы, проживал в Екатеринбурге, скорее всего, в доме у старшего брата.

После Февральской революции попытки екатеринбургского головы сохранить стабильность ситуации в городе и преемственность власти наталкивались на резкое сопротивление горсовета и революционизированных рабочих и солдат. Гласный городской думы Владимир Петрович Аничков вспоминал: 5 марта 1917 г. в здании театра проходил митинг. Зал был набит так, что становилось страшно. Колыхалось почти сплошное море солдатских шинелей. Городской голова, только что приехавший из думы, обратился к толпе с речью, в которой говорил о признании думы единственной законной властью депутациями и всех полков екатеринбургского гарнизона. «Обухов - вор! - закричал кто-то. - Долой его! Какая ему, вору, власть! Толпа заулюлюкала, и городской голова скрылся за кулисами»⁷. Назначенный затем на должность комиссара Временного правительства А. Е. Обухов вскоре однако был вынужден уйти в отставку.

Обухов Александр Евлампиевич

Обухов Василий Евлампиевич
Фото из коллекции Свердловского государственного объединенного историко-краеведческого музея

Балтымского отряда полковника С.М.Торейкина. 5 сентября 1918 г. у дер.Мостовка пять рот красных атаковали отряд. В завязавшемся бою был убит студент-доброволец Василий Васильевич Обухов - первая жертва семьи в Гражданской войне. Его тело привезли в Екатеринбург и похоронили на воинском уголке Михайловского кладбища⁹.

В течение трех месяцев полковник Михаил Обухов формировал и обучал свой полк. 7 декабря 1918 г. полк получил имя 46 Исетского стрелкового и вскоре убыл на уфимский фронт в составе 12 Уральской стрелковой дивизии. В феврале 1919 г. за отличие в боях, когда дивизия остановила наступление красных восточнее Уфы, Михаил Евлампиевич Обухов был произведен в генерал-майоры.

Известно, что Александр и Михаил Обуховы в 1920 г. оказались в Харбине. В тридцатые годы генерал-майор и георгиевский кавалер Михаил Обухов работал сторожем на Градохарбинском кладбище, затем за гроши занимался переплетом бухгалтерских документов¹⁰. Видимо Александр Евлампиевич к тому времени уже умер и ничем не мог помочь своему младшему брату. В июне 1944 г. генерал М.Е.Обухов был еще жив и занимал должность председателя Союза российских военных инвалидов¹¹.

Революция раскидала по свету великое множество российских семей. В Екатеринбурге остались старшая дочь Александра Евлампиевича Обухова - Вера Александровна и его сестра - Лидия Евлампиевна, по мужу Таланкина, со своими сыновьями Борисом и Игорем. Все они проживали в доме по Глуховской набережной, №2, ставшем коммунальной квартирой. Обстановку в этих квартирах показывает заявление в секцию РКИ Свердловска от жильца ЖАКТА №140 Г.И.Серкова¹² (орфография подлинника сохранена):

«Настоящим прошу прислать комиссию в жакт №140 для выяснения чуждого элемента проживающего по ул.Глуховска-набережная дом №2, так как хозяин этого дома Обухов Александр был главою г.Свердловска и уехал с белыми за границу и в настоящее время проживает в г.Харбине и до сих пор имеет переписку с дочерью Верой Александровной и сестрой Лидией Евлампиевной Таланкиной и ее сыновьями Борисом и Игорем Ивановичами, так как они до сих пор проживают все в его доме и считают сами себя хозяевами, несмотря на то, что дом находится в распоряжении жакта, устраивая разные гулянки по своему старому обычаю недавая никакого покоя другим жителям, так как они люди являются бывшей старой буржуазной расы. Муж Веры Александровны Семен Захарович Радиков был офицером, а Таланкина Лидия Евлампиевна жена

Весной и летом 1918 г., когда воинствующий коммунизм проводил конфискации и брал заложников из среды имущих классов, офицерства и интеллигенции, обратях Обуховых ничего не было слышно. Только после падения большевистской власти они вновь появились на сцене и активно включились в борьбу.

Зауряд-капитан Василий Обухов в первый же день занятия города добровольцами, казаками и чехами 25 июля 1918 г. поступил добровольцем в роту 9 комендантского района, а через два дня перешел в 1 офицерскую роту полковника С.М.Торейкина. 1 августа 1918 г. трое старших сыновей Василия Евлампиевича: Юрий - 25 лет, Василий - 20 лет и Борис - 19 лет - вступили в студенческую добровольческую роту⁸. Вследствие развертывания 1 офицерской и студенческой рот в 25 Екатеринбургский полк горных стрелков отец и три сына оказались в одном соединении.

23 августа 1918 г. полковник Михаил Обухов приступил к формированию 6 уральского кадрового стрелкового полка. В этот же день с согласия командования зауряд-капитан Василий Обухов был переведен под руководство брата и назначен на должность начальника хозяйственной части. Сыновья остались в 25 Екатеринбургском полку и пошли в бой в составе

бывшего чиновника и до сих пор сама себя считает барыней, а сын ее Игорь был белым офицером, а жена его дочь бывшего помещика. Борис мною до сих пор не установлен. Я лично подозреваю в ихних посетителях таких же близких граждан по их классовому чутью, каковые приезжают из разных городов советского союза и ведут темные беседы, например вот 10 окт. 29 г. было 5 мужчин пришли с 6 час. вечера и беседовали до 12 час. ночи за выпивкой и угощениями и этим самым эксплуатируя прислугу, а также и беспокоя меня, так как я живу в проходной комнате. А они по числу жильцов имеют лишнюю жил площадь сверх положенной нормы. Каковые по своему происхождению не имеют права пользоваться жактовскими квартирами... И при обследовании жил площади обратить внимание на их движимое имущество и в особенности заглянуть в альбомы в каковых находятся фотографии и знаки отличия кто где служил, каковые находятся у Лидии Евлампиевны в комнате. А посему убедительно прошу выяснить это дело в кратчайший срок времени, к сему и подписуюсь житель этого дома.

17 окт. Серков»¹³.

Подобные заявления только подхлестывали и без того неумолимую карательную машину страны социализма.

Борис Иванович Таланкин, член партии социалистов-революционеров, уже арестовывался трижды: в 1920, 1922 и 1924 гг. В 1936 г. он был вновь арестован, осужден на три года и умер в 1937 г. в Сиблаге. Игорь Иванович, арестованный еще раньше, в 1936 г. отбывал ссылку. Неизвестно, что стало с Ольгой Михайловной Обуховой, вышедшей в 1919 г. замуж за военной врача Дица. Неизвестно, какова судьба других представителей этой семьи¹⁴.

Совсем недавно, летом нынешнего года, при начавшемся строительстве храма на месте Ипатьевского дома мы осматривали район строительства, надеясь найти следы старого Екатеринбургa. У северного и западного подножья Вознесенской горки уже была прорыта громадная траншея, прошедшая через фундамент какого-то дома. Ясно различались каменная и кирпичная кладка, деревянные полы подвальных помещений. Траншея прошла через дом Александра Евлампиевича Обухова.

¹ ГАСО. Ф.62.Оп.1.Д.446.

² РГВА. Ф.40215.Оп.1.Д.138.

³ РГВИА. Ф.409.Оп.1.Д.24717.

⁴ РГВА. Ф.40215.Оп.1.Д.138.

⁵ Брусиллов А.А. Мои воспоминания. -М.,1946. -С.136; Деникин А.И. Путь русского офицера. - М.,1991. -С.256. В 1915 г. стрелковые бригады были развернуты в дивизии.

⁶ Зауральский край (Екатеринбург). -1916. -8 сент.

⁷ Аничков В.П. Екатеринбург - Владивосток (1917-1922 гг.). -М.,1998. -С.9.

⁸ РГВА. Ф.39813.Оп.1.Д.10.

⁹ Уральская жизнь (Екатеринбург). -1918. -11 сент.

¹⁰ Дубинина Н.И. Горький хлеб чужбины //Белая армия. Белое дело. -1997. -№ 3. -С.122.

¹¹ Время (Харбин). -1944. -9 июня.

¹² РКИ - рабоче-крестьянская инспекция. ЖАКТ - жилищно-акционерное кооперативное товарищество.

¹³ ГАСО. Ф.286.Оп.3.Д.66.Л.10.

¹⁴ ГААОСО. Ф.1.Оп.2.Д.19260.Л.164.

Вишняков М.Е.

ЗОЛОТО КОРОНЫ*

15. НЕТ НИ ГОРЯ, НИ БОЛИ

Сбиты ноги босые. Взгляд. как горькая весть.
Русский ищет Россию. Только где она есть?
Где? В Москве злагоглавой? Или в мерзлой Чите?
Можно мирно ла справно жить и жить во Христе?

Ту - с дождями и солнцем. с родниковой водой.
С вечным хлебом и солью. с путеводной звездой.
Где в колодце - колодец. как в матрешке. - живой?
Где народ и народец за нее - головой.

Где не вест угаром ни парад. ни конвой.
Не висит Божья Кара над его головой?
Всюду взгляды косые. камень. сжатый в горсти.
Русский ищет Россию. и не может найти.

Где ни горя. ни боли не встречается.
Только спелое поле чуть покачивается.
Кто стучится так сильно. как старинная честь?
Русский ищет Россию. Где-то есть она. Есть.

16. ЗОЛОТО КОРОНЫ

Как привидения, за рядом ряд
Сквозь нас прошли бесплотные идеи.
И выжгли дом. которым мы владели,
В нем окна. словно танкеры. горят.

Начался в ней таинственный посев.
Трепетет дух от осознанья силы.
Так Белая идея для России -
Особый. трансфизический резерв.

Штабс-капитан. взгляни на эту синь:
Какой простор для безоглядной воли!
Но черный плуг в широком русском поле
Все запахал... И расцвела польнь.

Она встает над смутой и бедой.
Над чадом бойни. над исчальем ада
Незримой. созидающей громадой.
Лично-державной. смелой. молодой.

Но. ледяными выюгами дыша.
Мы не сдаем духовной обороны.
Так нам сияет золото короны!
Так царственна славянская душа!

Да! Жизнь и смерть не стоят ни гроша.
Пока слышны серебряные звоны.
Так нам сияет золото короны!
Так царственна славянская душа!

17. ДОМОЙ, ЗЕМЛЮ ПАХАТЬ...

Хорошо. что мы проиграли
От Поволжья до Забайкалья,
И в Манчжурию унесли
Горстки мерзлой русской земли.

Прах Отечества отряхать
- Я вернулся землю пахать.

Не иссякнуть белой отваге
В Озерлаге или Бамлаге.
Лишь чернеет в душе угар.
Как серебряный портсигар

- А что было - памятью будет
- Я устал от гула орудий.
Никакой не белый герой.
Батареец. номер второй.

- Божий перст - кровавая драма...
- Но преступно в рубцах и шрамах

Грязь распутицы подсыхает.
За рской земля отдыхает.
- Будет. братцы. пашкой махать.
Я вернулся землю пахать.

* Окончание. Начало см.: Белая армия. Белое дело. -2000. -№7.

18. СТОРОЖ КОЛЫМСКОЙ ЗЕМЛИ

Скажешь ли, сторож колымской земли.
Где здесь фамильные кости мои?
Где побелели и смотрят в упор
Целые гнезда родных черепов?

Поодиночке, пунктиром и веером
Вскрылись могилы по стылому Северу.
Из мерзлоты выпирает лобасто
Белая кость, словно Белая каста.

Дождь не замост и ветер не выветрит
Эти проломы и страшные вывертны,
Эти бурты среди мерзлых делян -
Прах казаков, офицеров, крестьян.

Дождь не замыл, не зарюют бульдозеры
Это - костями забитое озеро.
Жаль, только редко сюда залетает
Плачущих ангелов белая стая.

19. ПРОЩАНИЕ С ТРЕХРЕЧЬЕМ. 1945 г.

С великодержавной печалью
Глядим за дорожный откос.
Где ветер поводит плечами
Высоких, но тонких берез.

Что, время, твой рокот над нами.
Над этой землею сырой.
Когдамы еще семенами
Прошли сквозь пожар мировой?

Обуглились и обгорели.
Потом, затаившись, взонили.

В сырую смоляную одежду
Глубинные корни свои

Страшат ли нас дни погрязенья
С их вечным полярным быльем?
Грехи наши и предрешенья
Лишь в том, что живем да живем.

Страна, словно русский священник.
Лишь глубже запрягала взгляд.
.. Спросить бы у деду Конца -
Чьи вицки пад нами свистят?».

20. СЛОВО И ДЕЛО

Здесь работала русская мысль.
Было царственным слово и дело.
Оболочка земная исгела,
Скрепки лопнули, швы разошлись.

Как минер, здесь оставил писец
Знак ошибки - пусть некто приметит.
Расшифрует и все рассекретит.
Разминирует белый ларец.

Соберется закатный народ
Посмеяться над тайной славянства.
Вставят ключ в мировое пространство.
Тут вторая защита рванет.

Ал восстанет, как черный венец,
Чтобы ведали сукины дети,

Что не все им подвластно на свете,
Что тельна пожирает стрелец.

Что спрессовано в белом ядре
В виде образа вещее слово.
Смысл взогнут горячей подковкой -
Свет живет не во тьме, а в заре

.. Это все уцелевший атлант
Диктовал до последнего мига.
Как составила некая книга,
Улей слов - Золотой Фолиант.

Самолов, настроженный вывесь,
Что у нас в языке не готово,
То писец заминировал в Слово
Так работала русская мысль.

21. СОН РОССИИ

Этот спор до сих пор не закончен:
Что - Россия? Что - мы? Что - народ?
Те же демоны то же пророчат -
Кровь и смуту, и новый исход.

С куполов позлащенных и вышек
Осыпается ржавая соль.
И мучительно слышать, как дышит
Хор молчанья среди голосов.

Дети вьюги, огня и раскола
Отрыдали, чтоб впасть в немоту,
Чтобы сам Злагоуст да Никола
Отнесли нашу боль ко Христу.

Сон России: у синих околиц,
Где прошли мятежи, как дожди,
Собери нас, святой чудотворец,
Объясни и, простив, поведи.

Дай нам чистое светлое знамя,
Потому что в пределах судьбы
Нет идей, не расхищенных - нами
Не растленных во имя борьбы.

Нет итога, и спор не прервется.
Но никто не поймет, отчего
У Георгия Победоносца
Конь устал, затупилось конье.

22. ОБРАТНАЯ СВЯЗЬ

Российскую корону поднимем - дайте срок.
Путь колокола к звону далек и не далек.
Как вестовой из штаба. Архангел на коне.
Библейского масштаба события в стране.
Горячие молитвы, скорбящие глаза.

Взлетят метеориты обратно в небеса.
Настанет утоленье. Все боли отболят.
За черным поколеньем приходит Белый ряд.
Издалика-далека покажется, светя,
Путь Белого пророка, длань смелого вождя.

23. Я НЕ ВЕРЮ ЧУЖИМ НЕБЕСАМ

На отъезд В С Д

Ни соборность. ни новый раскол
Не заставят тебя измениться.
По былинному гол, как сокол.
Уезжаешь совсем за границу.

Двое суток. и вещей Харбин
Приоткроет такие зеницы.
Что от их потаенных глубин
Содрогнулся б и сам Солженицын.

Старый циник. давно, неспроста
Ты искал Голубиную книгу.
Ю тебя раздавила. как иго.
Православных крестов нагота.

Это - есть! И останется так:
Третий слой подкладом иконы -

В синем небе сверкающий знак
Восходящей российской короны.

Я не верю чужим небесам.
А масоны - наивные дети -
Ткали-ткали оккультные сети.
Рок порезал их и разбросал.

И пустил. словно пал на жнивье.
Град каленый и пепел на крыши.
Преисподня открылась и дышит -
Желтый атом глядит из нес.

Верю я не словам, а глазам.
Протокол мировой, словно сито.
Все процедит. что слышал ты сам.
... Мчит состав по степям и лесам.
Так горит под ногами Россия.

24. ЧЕТВЕРО

Один сказал: «Молчи. Убью за святотатство».
И выбросил ключи от мирового братства.
Другой слова запел «Интернационала».
Но белый свет был бел. а ночь грозой стонала.

Коней лихой молвы седлали вестовые.
И семя трын-травы летело по России.
Ключам в земле ржаветь. пока на склоне века
Не сблизятся на треть четыре человека.

... Сошлись и обнялись. составив круг зиянья.
И задушили мысль во имя пониманья.
Один в глухой ночи отплыл в иные дали.
Другого за ключи свои же расстреляли.

Четвертый ждет впотьмах святого воскресенья.
Лишь третий... он в умах роит землетрясение.

25. НОЧНОЙ ХАРБИН

Александр Макарову

По ночному Харбину я гуляю, как франт.
Город желт и рубинов - миллионный гигант.
Польхают рекламы. серебро и хрусталь.
И сидит за столами всекитайская шваль.

Но не пьян я от ветра. от чужого вина.
Здесь земля на три метра солоним-солона.

Две сестренки-березы робко тянутся ввысь.
А российские слезы в их корнях запеклись

Возле малой церквушки я за тех помолюсь,
Чьи походные кружки не вернулись на Русь.
Чьи на горькой чужбине затерялись пути.
Чьи могилы в Харбине не сумел я найти.

26. СОСНЫ В ЧИТЕ ШУМЯТ

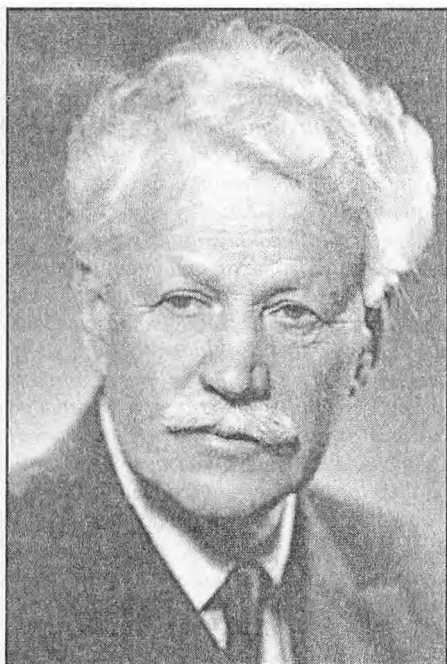
- Внучка штабс-капитана... - Маша. радость моя!
Вся - походкой и станом вылилась - русская!
Как меня отыскали? - Родина помогла.
В синих снах Забайкалья долго вьюга мела.

Снилась береза в поле белой и золотой.
Кони у водопоя. сопки за Ингодой.
Как. смеясь, говорила бабушка: снег «пуржит».
- Маша? - Бабка Мария в Сан-Франциско лежит.

Может. ее молитва нас в пути берегла.
Чтоб у этой калитки я постоять могла.
Клятвы... Детские грезы. Все. как снег. пролетит.
Брызнет солнце сквозь слезы. Родина нас простит

Родина и Всевышний... Снег пушист, не примят.
... Это ж надо услышать - сосны в Чите шумят.

ТРУДНОЕ НАЧАЛО (ВОСПОМИНАНИЯ)

Гвоздев Влас Семенович.
Фото 1970х г.

Автор этих воспоминаний Влас Семенович Гвоздев прожил девяносто лет бурного XX века. За эти годы он испытал все, или почти все - и потрясения, и взлеты, и падения, но всегда оставался при этом большим русским патриотом.

Родившись 23 февраля 1895 г. в Кисловодске в семье небогатых помещиков, В.С.Гвоздев окончил реальное училище и в 1914 г. поступил на инженерно-мелиоративный факультет Донского политехнического института в Новочеркасске. Гибель на Первой мировой войне под польской деревней Воля Вержбовская старшего брата Семёна привела Власа к мысли о добровольном вступлении в Русскую армию. Он оканчивает ускоренный курс обучения в Тифлисском военном училище и вскоре командует саперным взводом в глубине Понтийского Тавра на Кавказском фронте. Февраль 1917 г. молодой подпоручик воспринял восторженно, Октябрьский переворот и приход к власти большевиков открытию напугали. Фронт разваливался. В декабре батальон Гвоздева самовольно покинул позиции, погрузился в Трапезунде на военный транспорт и отбыл на Родину.

Влас Гвоздев вновь стал студентом. Но учение оказалось недолгим. В начале 1918 г.

он был мобилизован в армию. Воевал в районе Новочеркаска, попал в красный плен, бежал, скрывался и вновь служил в Белой армии, сначала в Донской железнодорожной сотне, затем в железнодорожной роте Добровольческой армии. Управлял движением в районе Царицына, восстанавливал железную дорогу в Чечне, вместе с действующими войсками ушел на Ростов и Харьков. За фактическое спасение от окружения дивизии генерала Т.М.Старикова В.С.Гвоздев был награжден орденом Св.Владимира 4 степ.с мечами и бантом.

В июле 1919 г. началось наступление на Москву. В.Гвоздев в составе 1 роты организованного железнодорожного батальона дошел до Касторной. Однако отступление армии привело его в Новороссийск, откуда 13 марта 1920 г. за несколько часов до прихода в город красных пришлось эвакуироваться в Феодосию. Начался Крымский этап службы, в течение которого Власу Семеновичу довелось прокладывать рельсы в Северной Таврии, водить составы на Джанкой, Керчь, Перекоп до Юшунь и за Сиваш. В ноябре на пароходе «Аскольд» он эвакуировался в Константинополь, попал в Галлиполийский лагерь, но вскоре бежал из него. В 1921-1922 гг. В.С.Гвоздев скитался по Греции в постоянном поиске работы и куска хлеба. В какой-то момент, возглавив Общество русских студентов-эмигрантов, появилась реаль-

ная возможность отправиться для продолжения образования в Прагу, но Влас счел недостойным использование своего общественного положения. В августе 1922 г. В.С.Гвоздев вновь оказался в Константинополе, чтобы отбыть в Аргентину, а затем в Парагвай. Но задержка парохода и неожиданное письмо от матери из Советской России круто изменили планы. Вместо Южной Америки Влас Семенович в октябре возвратился в Новороссииск, прошел фильтрационный лагерь, особый отдел ЧК и тюрьму в Ростове-на-Дону и через два месяца вдруг оказался на свободе. Следуют вновь студенческая скамья в Донском политехническом, защита в сентябре 1924 г. диплома и приглашение в Налчик в качестве заместителя начальника проекта мелиорации земель в Малой Кабарде. Вскоре Влас Семенович уже находился во главе строительства Мало-Кабардинской оросительной системы, пущенной в строй в мае 1929 г. и, кстати говоря, безаварийно функционирующей до настоящего времени.

Отклонив предложения о работе в Москве и Ленинграде, В.С.Гвоздев с энтузиазмом взялся за свою вторую большую стройку - оросительную систему в Кум-Курганской степи в Узбекистане. Однако завершить ее не удалось. 31 декабря 1930 г. в Термезе Влас Семенович был арестован по делу «Промпартии», отправлен в Ташкент, а позднее в ростовское ГПУ. Между тем дело стало быстро разваливаться. Правда Гвоздев успел получить «свои» пять лет концлагерей, но с исполнением приговора не спешили, а вскоре поступило предложение занять пост главного инженера треста по проектированию и строительству объектов водного хозяйства на Северном Кавказе.

Сороковые годы Влас Семенович встретил начальником технического отдела на строительстве Ковровской ГЭС на р.Клязьме. Но осенью 1941 г. строительство было свернуто. В.С.Гвоздев получил направление Главгидростроя в Свердловск. Уральские предприятия работали на фронт, электроэнергия катастрофически не хватало, и опыт и знания гидротехников призваны были помочь решению возникшей проблемы.

После войны Влас Семенович не покинул Урал. Став кандидатом технических наук, работая в водноэнергетическом хозяйстве, создавая научно-исследовательский институт комплексного использования и охраны водных ресурсов, он внес немалый вклад в решение водохозяйственных проблем края. Умер Влас Семенович Гвоздев в Свердловске 9 сентября 1989 г.

В заключение хотелось бы несколько слов сказать о самих воспоминаниях. Написанные в начале шестидесятых годов в полном виде они состоят из пяти частей и двадцати глав и охватывают период с начала Первой мировой войны до середины 1930х годов, представляя собой довольно объемный том. В советское время как сам автор, так и его дочь, журналист Ираида Власовна Очеретина неоднократно пытались организовать издание мемуаров отдельной книгой. Однако, получая хвалебные отзывы (которых по объему накопилось пожалуй не меньше основного произведения), неизменно получали отказ или указание на несвоевременность и неактуальность. Наш альманах постарается хотя бы отчасти восполнить имеющийся пробел и планирует в дальнейшем опубликовать на своих страницах ту часть воспоминаний, которая непосредственно затрагивает историю Белого движения и Белой эмиграции.

Дмитриев Н.И.

* * *

ЧАСТЬ 1. ЛЕС РУБЯТ - ЩЕЛКИ ЛЕЯТ

Глава I. В kaleйдоскопе гражданской войны

В просторном помещении многолюдного вокзала, вскочив на стол, я взволнованно читал собравшейся вокруг взбудораженной толпе только что появившийся в газетах царский манифест:

- «Божьей милостью мы, Николай Второй, император и самодержец Всероссийский... объявляем всем нашим подданным... Австро-Венгрия предъявила Сербии неприемлемые требования... открыла бомбардировку беззащитного Белграда... Германия внезапно объявила России войну... Предстоит не только заступаться за родственную страну, но оградить честь, достоинство, целостность России и положение ее среди великих держав...».

- Да здравствует Россия? - в патриотическом подъеме крикнул я после чтения манифеста.

Это произошло в июльский день четырнадцатого года на станции Кавказская. Я - студент Новочеркасского политехнического института - проводил там свои первые каникулы и подрабатывал на мелких корреспонденциях в областной газете. Мне исполнилось девятнадцать лет -

возраст самый подходящий для участия в надвигавшихся бурных событиях, и я безбоязненно, с любопытством смотрел в будущее.

Началась Первая мировая война, в которой армии «Антанты» Англии, Франции и России - противостояли армиям «Тройственного Союза» - Германии, Австро-Венгрии и Италии, - а потом и присоединившейся к ним Турции. Русская армия одерживала успехи только в войне с Турцией. На западных же фронтах она претерпевала одно поражение за другим. В тылу возникали вследствие этого слухи о бесталанных полководцах, об изменах и предательстве.

Не прошло и года, как в боях с немцами, где-то восточнее Варшавы, у фольварка Пржедвоево, был убит мой старший брат. Вместе с извещением о смерти полк прислал фотографию скромного памятника, поставленного рядом с дощатым, под черепичной крышей, костелом. «Павший смертью храбрых...» - было высечено на нем.

Наши армии были плохо вооружены, несли тяжелые потери убитыми, ранеными, пленными. Для восполнения потерь на фронте, царское правительство объявляло одну мобилизацию за другой. Весной шестнадцатого года в армию были призваны и студенты младших курсов. В то время я был страстно увлечен учебой на инженерно-мелиоративном факультете, работал гидротехником Донской области и мечтал о поездках в страны древней ирригации - Индию и Египет. Чувство долга взяло, однако, верх, и я отправился на призывной пункт.

- Ты же не подлежишь мобилизации, у тебя сдано предметов больше, чем у нас, возьми справку в деканате, - убеждали меня приятели, уклонившиеся от призыва.

Нет. Оставаться безразличным к поражениям, которые терпела русская армия, я не захотел, я уже через несколько месяцев командовал саперным взводом на Кавказском фронте.

В политических вопросах я, как впрочем и другие окружавшие меня молодые люди из интеллигентных семей, был тогда совершенно невежественным. Возмущался царским строем; распространял, случалось, листовки о свержении самодержавия; с увлечением декламировал запрещенные цензурой стихи - дальше этого моя «революционность» не шла. Я имел некоторое представление о политических партиях, соперничавших в Государственной Думе - кадетах, эсерах, монархистах - но никогда даже не слышал о большевиках, о Ленине.

Неудачи на фронте, разруха в тылу, разложение государственной власти, и особенно распутинщина, породили буквально какую-то ненависть к существующему режиму. Февральская революция, как свержение самодержавия, была воспринята мною и всеми окружавшими меня с восторгом. Создание Временного правительства породило надежды на улучшение положения на фронте. Отмена почтительных «ваше благородие» и «ваше превосходительство» понравилась однако уже не всем, а создание «солдатских комитетов» совсем насторожило: не отзовется ли это на дисциплине?

Октябрьский переворот, приход к власти большевиков во главе с Лениным и последовавшая за этим ломка привычных устоев старой армии определенно напугали.

* * *

В декабре семнадцатого года наш батальон под влиянием общих настроений, порожденных Октябрьским переворотом, самовольно покинул свои позиции в глубине Турции, погрузился в Трапезунде на военный транспорт и потребовал отвезти себя в ближайший русский порт - Туапсе. Оттуда все потянулись по домам. Возвратился и я в родной Новочеркасск. С неделю пощеголял там среди старых друзей в офицерском френче с серебряными погонами саперного

**Гвоздев
Семен Семенович**

подпоручика, а потом без сожаления сменил его на старенькую студенческую тужурку, полтора года без нужды занимавшую место в семейном платяном шкафу. Еще сильнее, чем до мобилизации, увлекли меня лекции, лаборатории, семинары, новые книги по гидротехнике и орошению.

Бурлила в те дни, наполнилась слухами донская столица. Войсковой атаман генерал А.М.Каледин широко открыл ее двери недоброжелательным генералам и офицерам русской армии, отступавшей под ударами немцев. В Новочеркасск приехал генерал М.В.Алексеев, еще недавно всеильный начальник штаба Верховного главнокомандующего, прибыли главнокомандующие армиями Северного фронта - генерал А.М.Драгомиров и Юго-западного фронта - генерал А.И.Деникин со своим начальником штаба генералом С.Л.Марковым, приехал командующий Особой армией генерал И.Г.Эрдели и многие другие. Переодетым появился в Новочеркасске и новый Верховный главнокомандующий генерал Л.Г.Корнилов, открыто, с оружием в руках выступивший против революции. Город кишел офицерами, не желавшими мириться с новыми порядками в армии, изгнанными из своих частей революционными солдатскими комитетами.

Среди этого скопища людей были непримиримые монархисты, желавшие восстановления царской власти, были военные профессионалы, мечтавшие о возрождении в армии старых порядков, были либералы, которые, уступая новшества, хотели всего только вернуть боеспособность русской армии, были политики, озабоченные целостностью государства. Но в своих замыслах все были едины: выступить против советской власти. Поговаривали об организации Белой армии.

В это же время, разрозненные и плохо оснащенные отряды молодой Красной армии, укомплектованные добровольцами и одержимые общей идеей, двигались со всех сторон к Новочеркасску с намерением уничтожить зарождающийся антибольшевизм. Каждый день приносил новые сведения об их успехах, и каждый день все тревожнее становилось в городе. Как бы в подтверждение безнадежности замыслов генералов, собравшихся в Новочеркасске, застрелился атаман Каледин.

* * *

Я вернулся домой поздно вечером и прошел прямо к Сашке, вспугнув засидевшуюся у него свою сестру Руфину.

- Объявлена мобилизация всех офицеров. Уклонившихся грозят предать военно-полевому суду. Что будем делать?

Сашка Поляков, сын богатого донского казака из станицы Генерал-Ефремовская, мой лучший товарищ еще по реальному училищу, как и я, был мобилизован и служил тоже на Кавказском фронте, в Эрзеруме, офицером железнодорожного батальона. После демобилизации он задержался в Новочеркасске и что-то не спешил домой, проводя все время с Руфиной.

- Я к коменданту города не являлся и сейчас не явлюсь, обо мне никто не знает, - быстро решил Сашка.

- А что мне делать? Неужели опять бросать учебу? Инженером я хочу быть, а не воевать с большевиками, - возмущался я.

В списке, вывешенном в вестибюле института, были перечислены фамилии студентов, отчисляемых вследствие мобилизации. В нем значилась и моя фамилия. Я испытал даже некоторое облегчение от того, что прекращалась возможность колебаний, и побрел домой.

Мать встретила меня на пороге:

- Что, мобилизуют в Белую армию? Против большевиков воевать?

- Да.

- А ты не ходи, оставайся дома.

- Я же офицер.

Она с сокрушением покачала головой, но ничего больше не сказала.

Через два дня меня с небольшой командой казаков отправили на станцию Персияновка, километрах в двенадцати от Новочеркасска, с неясным заданием «что-нибудь взорвать» при подходе Красной армии.

* * *

Всего несколько дней оставались мы в Персияновке.

- Господин поручик, красные близко, все уезжают, мы тоже собрались, - как бы ненароком сказал мне старший команды, бородастый урядник из станицы Кривянская.

Я не стал возмущаться самостоятельностью казаков, а просто вскочил вслед за ними в товарный вагон, уже двигавшийся в сторону Новочеркасска.

Зловеще опустевшие улицы города вызвали у меня растерянность и опасения. Скорей, скорей домой... Дом оказался на замке. Соседи рассказали, что расторопный Сашка еще утром привел с базара две подводы: на одной отправил мать в станицу Мелиховская, где жила ее приятельница, на другой вместе с Руфиной уехал в станицу Старочеркасская, куда отступали все воинские части сформированной Белой армии. Не раздумывая, я бросился вслед за ними. Я пешком убежал из города на юг в то самое время, когда конные отряды Красной армии уже занимали его с севера.

В стороне от дороги, утопая по щиколотку в свежее выпавшем снегу, я изо всех сил старался не отставать от всадников, занявших всю дорогу. Что гнало меня? Почему я так боялся большевиков?

Отношения с солдатами у меня всегда были хорошими. Именно из-за близости с ними в батальоне меня считали «большевиком» и по службе не продвигали. Тот саперный взвод, которым я командовал, прокладывал вьючные тропы в горах, в непосредственной близости к фронту, а я был единственным офицером среди солдат. В глубине Турции, в глухих ущельях Понтийского Тавра, мы были одиноки, и это особенно сближало нас. Вечерами все собирались у костра, который всегда жгли около моей палатки, над обрывом, и под вой шакалов - их было там множество - разговаривали, шутили, делились впечатлениями. Я знал каждого солдата, они обо мне тоже все знали. И вот, когда готовились выборы в Учредительное собрание, появился у нас кто-то в штатском. Солдаты сказали, что это агитатор-большевик. Ко мне он не зашел, не поговорил и, кажется, даже не видел меня. Это не помешало ему настраивать против меня солдат, они сами рассказали об этом, только потому, оказывается, что на мне были офицерские погоны, и что я окончил школу прапорщиков. Во мне зародилась тогда обида на большевиков.

Второй раз, это произошло, когда наш батальон покинул фронт, и на открытом трапезундском рейде погрузился на транспортное судно. Погрузка велась в сильный шторм, с шаланд, да еще вечером, в темноте. Многих, в том числе и меня, укачало прежде, чем мы оказались на палубе. И не успел транспорт отправиться, как на нем появились большевики-агитаторы и организовали митинг. «Сбрасывайте офицеров в море!» - требовали они от солдат. Меня жестоко рвало, я валялся тут же на палубе... и ждал, что меня вот-вот схватят и выбросят за борт. Опять только потому, что я офицер. Вот тогда-то, к обиде добавилась у меня еще и боязнь большевиков.

* * *

Из станицы Старочеркасская донская конница под командованием Походного атамана генерала П.Х. Попова ушла в Сальские степи, а части, сформированные из не казачьих офицеров во главе с генералом Л.Г. Корниловым, двинулись на Кубань, где краевая Рада оставалась оплотом антибольшевистских сил. Сашка легко уговорил меня ехать вместе с Руфиной к нему в станицу Генерал-Ефимовская. Найденный им подводчик, бывалый казак, обещал миновать места, куда уже проникли большевики.

Памятник на могиле подпоручика Гвоздева С.С.
Дер. Воля Вержбовская (Польша). 1915 г.

Станица Генерал-Ефремовская - и Сашкины родители, и казаки настороженно встретили незваных гостей - меня и Руфину

- Знаешь, Влас, - смущенно сказал Сашка, - казаки и ко мне-то относятся с предубеждением и уже совсем не мирятся с тем, что я привез в станицу чужого офицера. Тебе лучше уехать отсюда.

Уезжать мне было некуда, но опасность положения я понимал.

- Ну что ж, постараюсь пробраться в армию Попова.

По слухам, казачья армия генерала Попова была в районе Великокняжеской, и пробираться туда я решил вдоль железной дороги, шедшей от Царицына по ту сторону Дона. Я сменил офицерскую шинель на старенькое пальтишко и нахлобучил семинаристский картуз. Сашка снабдил меня деньгами и запиской к знакомому казаку, жившему на хуторе за Доном по пути моего следования, и на следующий день, рано утром, подвез на санях к реке.

Наступала весна, лед растрескался, появились широкие забереги. Как переправляться?

- Возьми эту доску, - предложил Сашка, - если лед не будет держать, положи ее и вместе с ней ползи.

Начало было трудным. Надо было прыгать со льдины на льдину, выбирая те, что покрупнее, так как они устойчивее, и одновременно смотреть вперед, чтобы не попасть в разводья. Постепенно я наловчился, боязнь прошла, забросил доску. Увлечшись, я прыгал и прыгал. Какой же он широкий, этот Дон! И вдруг остановился в испуге: ледоход! Оказывается, я добрался только до середины реки, а здесь, в фарватере, лед уже тронулся. Приостанавливаясь и нагромождаясь одна на другую, льдины тихо двигались по течению. Прыгать дальше, казалось, нельзя, страшно..., но ведь и назад возвращаться нельзя! Раздумывать было некогда, я прыгнул на плывущую льдину. Она оказалась маленькой и стала крениться, погружаясь в воду. Скорее перепрыгнул на другую, сейчас же на третью, на четвертую... Теперь страшно было не только впереди, но и позади!

Вспотевший и вымокший, я вылез на другой берег, прощально помахал рукой оставшемуся далеко-далеко Сашке и стал взбираться по крутому склону.

* * *

С высоты обрыва за Доном открывались широкие просторы оставленных мною богатых казачьих земель, куда большевики проникали с трудом. На этом же берегу казачьи хутора и станицы стояли редкой цепочкой только вдоль реки, а дальше, к железной дороге, шли уже бедные «мужичьи» поселения.

Афанасий Никитич, бородатый казак лет под семьдесят, прочитал письмо, дружелюбно распросил обо всем, покормил и проводил меня на край хутора.

- На станции Ремонтная, куда тебе идти надо, мужики живут - они, почитай, все большевики, а в тебе ведь легко офицера признать: погоны снял, а дырочки-то на рубашке остались. Так ты с жителями не разговаривай, а проходи прямо к батюшке. Его дом зараз около церкви стоит. Батюшка хороший. Он тебе обязательно помощь окажет.

Афанасий Никитич показал дорогу, подробно объяснил как идти, и на прощание строго наказал:

- Ты мне потом непременно письмо напиши, я старик антиреспектный.

Слабая надежда пробраться в армию генерала Попова таяла по мере того, как я приближался к станции Ремонтная. «Дурак, - корил я себя, - надо было или дома остаться или уж не отбиваться от армии».

Батюшку я отыскал без труда. Разговаривать он повел меня на колокольню. - «Здесь никто не услышит», - отнесся очень участливо:

- Вам станцию Зимовники надо пройти, а там, имейте в виду, красные партизаны сидят. За ней Вы уж своих найдете. Будьте осторожны, расстреливают всех подозрительных. А Вы хоть и семинаристскую фуражку надели и выглядите молодо, но разговор Ваш под ученика не подходит...

Священник устроил меня ночевать узвоняря, а на следующий день достал верховую лошадь и верхового прожатого, - на санях было уже не проехать, «играли» овраги, - и отправил в Зимовники.

* * *

На станции Зимовники было многолюдно. Бабы с узлами и корзинами, мужики с мешками, партизаны с красными нашивками на шапках, - все ожидали поезд из Царицына, который потом должен был идти назад. Я потолкался на вокзале и на перроне, несколько раз прошелся по станции, оглядывая пути. Никто не обращал на меня внимания. Когда начало смеркаться, осторожно направился в сторону Великокняжеской.

- Стой! Ты куда?

Из маленькой будки стрелочника, стоявшей на выходе со станции, я не обратил на нее внимания, вылез партизан с карабином в руках. Ни о чем не расспрашивая, он повел меня назад на вокзал, к своему начальнику.

Совсем молодой командир с большим кольцом у пояса строго оглядел меня:

- Ты кто? Зачем шел к белым?

- Мне не к белым, мне в Новочеркасск надо. Я учусь там... в семинарии... - старался я говорить «под ученика».

Командир еще строже посмотрел на меня, на мои офицерские сапоги.

- Поезд придет, ты, Ващенко, отвези его в Царицын.

Не подав и виду, что меня ошеломил приказ командира, я покорно сел на лавку рядом с Ващенко, но сердце больно защемило, лихорадочно заработала мысль: «Признают во мне офицера или нет. Конечно, признают - сапоги, дырочки для погон на рубахе... нет никаких документов... расстреляют, обязательно расстреляют...». Я пытался представить себе, как произойдет расстрел, и не мог. Все протестовало во мне, охватывал ужас. «Но ведь нельзя же, чтоб тащили силой на расстрел, надо идти самому...».

Поезд опаздывал. Шли часы. Испуг постепенно сменился состоянием тупой обреченности. Почувствовались и усталость, и голод. Лихорадило.

- Товарищ, мне сходить надо.

Ващенко молча поднялся, вместе со мной вышел на перрон, проследил, как я зашел в уборную. Потом снова потянулись часы угрюмого ожидания. Мрачные мысли сменялись сонным оцепенением, временами наступало безразличие: «Черт с ними, пусть расстреливают...».

Приближалось утро. Внезапно я опять почувствовал настойчивое желание.

- Товарищ... - повернулся я к своему караульному и обнаружил, что он сладко спит, поставив карабин между ног. В душном, жарко натопленном вокзале, казалось, спали все. Я осторожно поднялся, постоял, осматриваясь вокруг, не спеша вышел на перрон, быстро обошел вагоны, стоявшие на путях, потом пакгауз, и пошел, все прибавляя шагу, в сторону от железной дороги в направлении к Дону.

Было уже светло, когда меня обогнали порожние сани.

- Садись, подвезу, - предложил казак-фронтовик и спросил:

- В Цымлу идешь?

- Да. Из Новочеркасска пробираюсь, в семинарии сейчас занятия не ведутся.

* * *

Через Дон, лавируя между поредевшими льдинами, ледоход уже кончался, меня перевезли в лодке. Был воскресный вечер. Веселые парни и девушки гуляли по берегу разлившейся реки, а я невесело побрел по темным улицам большой станицы, не зная, куда деваться.

Впереди стал вырисовываться силуэт церкви, и в это время рядом послышалась возня и девичий смех. Я подошел к обнимающейся паре:

- Скажите, где живет священник?

- Батюшка далеко живет, - ответила разбитная девчонка, - а дьякон вон в том доме, на втором этаже, со двора зайти надо.

Я зашел со двора, поднялся по наружной лестнице, робко постучал. После долгого ожидания за дверь послышался нарочито приглушенный бас:

Попов Петр Харитонович (1866-1960), в январе 1918 г. назначен Походным атаманом для продолжения борьбы с большевиками, в феврале 1919 г. избран председателем Донского правительства, в апреле 1919 г. назначен пожизненным Походным атаманом, произведен в генералы от кавалерии

- Кто там?

- Пустите переночевать, отец дьякон.

Опять наступило долгое молчание, но оба оставались у двери:

- Нельзя ведь сейчас пускать незнакомых людей.

- Пустите, отец дьякон, я человек неопасный.

Дверь открылась.

- Входите.

Меня встретил одетый в рясу, крупный, с пышной гривой волос дьякон. Я снял у вешалки котомку и пальто и хотел пройти в расположенную тут же кухню.

- Нет, проходите в комнаты.

Дьякон провел меня в гостиную, обставленную мягкой мебелью. Свет лился туда из расположенной за аркой столовой, где милостивая дьяконица кормила ужином маленького гимназистика. Она с любопытством поглядывала в нашу сторону, прислушивалась:

- Проходите ужинать, - приветливо пригласила женщина.

Растроганный идиллической обстановкой, отогревшийся и сытый, я рассказал дьякону обо всех своих злоключениях.

- Ну что же, поселим мы Вас в этом же доме, внизу. Уроков подыщем. Скоро в гимназии экзамены, и многие дети в репетиторах нуждаются. Постараюсь Вам документик поддельный достать. Знакомый человек есть у меня в здешнем исполкоме.

* * *

Хорошо жилось мне в станице Цымлянская. Вступавшая в свои права весна несла тепло, зелень и цветы. Старенькая хозяйка была полна доброты и заботливости. Дьяконица украдкой бывала ласкова. Гимназисты успешно выдерживали экзамены. «Документик» на небольшом клочке бумаги, но с подписью и печатью, придавал уверенность.

Мое спокойное существование нарушил дьякон, вернувшийся с воскресной обедни в прекрасном настроении:

- Степной поход окончился. Генерал Попов со своей армией, благодарение господу, благополучно возвратился в Новочеркасск. Чтобы окончательно выгнать с Дона большевиков, объявлена мобилизация.

Оказывается Германия, которая терпела жестокие поражения на западе, предприняла в ту весну интервенцию на восток, в Россию. Хорошо вооруженные и дисциплинированные немецкие дивизии почти не встречали противодействия со стороны разрозненных отрядов Красной армии. Когда немцы, пройдя Украину, вошли в пределы Дона, белые казацкие генералы вернулись в Новочеркасск и при поддержке немецкой армии предприняли новые шаги против советской власти. Была объявлена мобилизация, созывался Войсковой Круг.

* * *

Сашка знал, где я, и вскоре приехал в станицу Цымлянская.

- Поедем в Генерал-Ефремовскую, казаки приглашают. Организуется отряд для борьбы с большевиками, не хватает офицеров.

Прощаясь, дьяконица утирала слезы, да и мне, говоря откровенно, не хотелось уезжать.

Это походило на мальчишескую игру. Казаки, сотни полторы фронтовиков, вооружились и сели на коней. Единственного оказавшегося в станице офицера, Сашку Полякова, назвали командиром отряда. Неважно, что он железнодорожник. зато «свой». Но какой же командир может обойтись без начальника штаба? Меня назвали начальником штаба конного отряда, хоть я был сапером. В дальнейшем все решалось без участия командира и начальника штаба, самими казаками. «Поход» длился дней десять. Высылали разведку, но ни одного красного не нашли. Случалось, что стреляли, но никого не ранили и не убили. Сами тоже не понесли никаких потерь. В пятницу на страстной неделе дружно порешили, что надо возвращаться в станицу: скоро Пасха.

Вернувшись, обнаружили, что станичный атаман получил из Новочеркаска распоряжение направить на Войсковой Круг двух делегатов и конечно же «участвовавших в действиях против большевиков». Никто из казаков ехать не хотел. Делегатами направили Сашку и меня. Поехала с нами и Руфина, ставшая, похоже, Сашкиной невестой.

* * *

Заседания Войскового Круга («Круга спасения Дона»), как называли его) проходили в большом зале Судебной палаты - лучшем здании города. Многочисленные выступления против большевиков казались однообразными, а пререкания между отдельными группировками донских политиков были понятны только им самим. Делегаты скучали. Зал оживился, когда кандидатом в атаманы назвали донского казака П.Н.Краснова и на трибуне, под дружные аплодисменты, появился представительный гвардейский генерал. Его мало знали на Дону, и теперь делегаты громко обменивались добытыми сведениями:

- Георгиевский кавалер!
- Из свиты Его Императорского Величества...
- Полководец!
- Знаменитый писатель...

- Бавахская конница поит своих ышадей в мутных водах Тихого Дона - заговорил Краснов, и в словах его прозвучала подкупившая всех делегатов тревога: немцы оставались врагами.

Генерал слегка грассировал и не произносил «л», отчего возрастало впечатление его светскости. Он много говорил о России и о большевиках, но больше всего об исторической роли донских казаков. Прерываемый одобрительными возгласами, кандидат в атаманы закончил призывом к полной самостоятельности Дона, освобожденного от большевиков.

На большинство делегатов Краснов произвел прекрасное впечатление, и его выбрали атаманом. Однако прежде чем принять власть, он попросил Круг утвердить основные законы «Всевеликого Войска Донского». Законы наделяли атамана подлинно монаршей властью.

- Ого! - понимающе воскликнул сидевший рядом со мной немолодой делегат из интеллигентов.
- Я согъасен обсуждать только статьи о фъаге, гехбе и гимне, - закончил генерал.

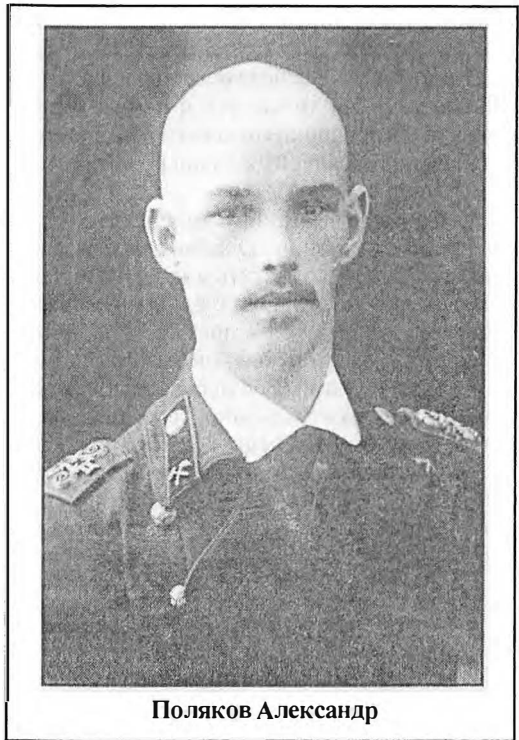
Круг без обсуждения принял все законы нового государства, включая герб, на котором вместо двуглавого орла царской России был изображен нагой казак в папахе, с шашкой и ружьем, сидящий верхом на винной бочке.

* * *

Из похода на Кубань вернулись офицерские части. Генерал Л.Г.Корнилов был убит под Екатеринодаром и командование этой Добровольческой армией перешло к генералу А.И.Деникину. Ядро ее составляли три полка: Корниловский, офицеры которого носили на рукаве эмблему смерти - череп с перекрещенными костями под ним; Марковский - здесь носили черные бархатные погоны в знак траура по убитому командиру генералу С.Л.Маркову; и Дроздовский, сформированный из отрядов, подошедших на Дон с Румынского фронта. Они носили обыкновенную офицерскую форму. Объединенное командование Донской и Добровольческой армиями было, казалось бы, необходимо, но решалось трудно. П.Н.Краснов, глава «суверенного» государства, не хотел подчиняться Деникину, а А.И.Деникин, сохранивший верность странам Антанты, не мирился с немцами, которые сделались надежными союзниками Краснова. Армии оставались независимыми: Добровольческая действовала на Кубани и Кавказе, Донская при помощи немцев освобождала от большевиков земли Всевеликого Войска Донского.

* * *

Через Царицын - крупный железнодорожный узел и порт на Волге - с юга шло снабжение Советской республики хлебом, углем и нефтью. Большевики крепко держались за этот город, непрерывно слали туда с севера подкрепления и военное снаряжение. Пока Царицын оставался

Поляков Александр

у них в руках, Донская армия постоянно находилась под угрозой удара с фланга, а северные донские станицы оставались отрезанными от Новочеркасска.

Для атамана Краснова освобождение Царицына от большевиков стало главной военной задачей. Поэтому как только его армия приблизилась к железной дороге, шедшей из центра в этот город, была предпринята попытка прервать снабжение Царицына. В связи с чем из Новочеркасска направили саперных офицеров - поручика Кузьминского и меня с заданием взорвать мост через реку Бузулук.

Мы прибыли в станицу Анненская в распоряжение старенького генерала, которому поручили провести операцию. Она была уже разработана и заключалась в том, чтобы внезапным налетом с двух сторон захватить мост, находившийся около станции Филоново, взорвать его и отойти назад. Для этого конница с одним из саперов должна была ночью, тайком перейти железную дорогу и прорываться к мосту с тыла, а пехота с другим сапером двигаться к нему в лоб, от Анненской. Кузьминский - он был старшим - назначил меня идти с конницей в тыл, а сам решил двигаться с пехотой. Все рисовалось очень просто: если не одному, так другому саперу обязательно удастся взорвать мост. Генерал не знал только, с какими силами красных предстоит столкнуться, а потому не спешил, требуя подкрепления конными и пешими казаками.

Через два дня вся станица уже знала о готовившемся взрыве моста. Пожилые казаки с уважением поглядывали на «подрывников». Босые мальчишки с восторгом бежали показывать самые рыбные плесы Бузулука, где мы глушили рыбу. Девушки, зардевшись, наперебой вступали в разговор с высоким красавцем Кузьминским.

* * *

Стояло тихое безоблачное утро. Я пересек церковную площадь, где располагался штаб старенького генерала, и повернул в сторону тенистой роши у реки. Навстречу два казака вели пленного красноармейца со связанными сзади руками и с остервенением полосовали его нагайками по спине. С разметанными волосами, в разодранной гимнастерке, он молча шел и только чуть-чуть пригибался при каждом ударе.

Допрос у генерала был короток. Красноармейца передали какому-то ухмылявшемуся парню. Он повел его в ту самую тенистую рошу, куда направлялся и я, а после двух выстрелов, все такой же ухмылявшийся, вышел из роши. В руках у этого мерзавца были кавалерийские красные брюки и сапоги убитого.

«Скорей, скорей», - бежал я домой. Утро потеряло свое очарование, тенистая роша не манила.

* * *

Операция не раз назначалась и отменялась из опасения, что в лагере противника о ней узнали. И все-таки настала наконец ночь, когда мы выступили. Старенький генерал не напутствовал нас, и только девушки прощально махали руками, желая ни пуха, ни пера.

Конный отряд в шестьсот сабель без шума перекатился через железную дорогу, только шуршал балласт под копытами да изредка подковы лязгали о рельсы, и пошел в обход станции Филоново. Двигались долго. Покачиваясь в мягком казачьем седле, я размышлял об опасности и проверял свою решительность.

- Вы первый раз участвуете в конной атаке, поручик? - подъехал ко мне командир сотни - есаул, которому было поручено «прикрывать» саперов.

- Да,

- Трусите?

Есаул заставил меня поспешить с выводами.

- Я думаю, нетрусливых людей нет. Важно уметь владеть собой.

Уже под утро отряд вышел на позицию и занял оба склона неглубокой балки, шедшей вдоль железнодорожного поселка прямо к мосту, который надо было захватить и взорвать. Стало светать. Напряжение, владевшее мною всю ночь, достигло предела. Я почувствовал нервную дрожь. Наконец взвилась и погасла зеленая ракета - сигнал, что пехота с Кузьминским двинулась к мосту. По всему нашему отряду, начиная от передних всадников, прокатилось «Ура-а-а!», перешедшее в неистовый крик без слов. И конница лавиной ринулась вниз по балке.

Атака не оказалась внезапной. Одиночные выстрелы и пулеметные очереди обрушились на нас тотчас же. У меня над головой возник и опускался все ниже и ниже назойливый свист пуль.

- Нагнитесь! - крикнул мне есаул.

Свист прекратился внезапно. Это казаки достигли пулеметов и уничтожили прислугу. Попри- тихли пулеметные очереди и впереди. Казалось, мы вот-вот захватим мост.

И вдруг совсем близко, сбоку, опять раздались выстрелы. От станции Филоново без дороги мчался броневой автомобиль, в амбразурах которого торчали дула пулеметов. Это чудовище сеяло смерть, оставаясь неуязвимым. Число наших всадников стало быстро уменьшаться. Падали кони, придавливая людей. Падали люди, и освобожденные кони шарахались в сторону. Оставшиеся в седлах всадники поворачивали назад, сбиваясь в беспорядочную массу. Я сбросил вьюки с подрывным имуществом, свернул в сторону от ошалевших казаков, за которыми гнался автомобиль, и поскакал назад, забираясь все дальше и дальше в тыл к большевикам, пока усталый конь не начал спотыкаться. Только тогда, не видя никого вокруг себя, я перешел на рысь и стал постепенно подворачивать к железной дороге. Показавшийся впереди бронепоезд заставил меня приостановиться и переждать. Потом я буквально кубарем перелетел через дорогу и помчался в станцию Анненская.

От станции Филоново большевики шли в наступление. Сотни конных казаков покидали станицу. Старенький генерал со своим штабом уже бежал из нее. Кузьминский ждал меня с подводой, и мы тоже без промедления загрохотали от железной дороги.

Когда стемнело, мы были уже далеко от Анненской. Позади небо вспыхивало сполохами. Это стреляла красная артиллерия.

* * *

Не прошло однако и месяца, как части Донской армии под командованием генерала В.П. Фицхелаурова захватили все же железную дорогу, уходящую на север от Царицына. Эта линия позволяла быстро перебрасывать войска вдоль фронта, из одного места в другое. На эксплуатацию ее Донская железнодорожная сотня послала своих солдат и двух офицеров - Сашку Полякова и меня. Под нашим контролем оказались путь и сооружения на нем, паровозы и вагоны, станции и гражданский обслуживающий персонал.

Война шла своим чередом. Войска Фицхелаурова то распространялись почти от самого Царицына до Поворино, и участок железной дороги, находившийся в наших руках, вырастал за триста километров. То, под нажимом частей Красной армии, он сокращался километров до пятидесяти. Случалось, что мы бежали с дороги, оставляя ее совсем, а потом возвращались опять. Обязанности наши при этом были самыми разнообразными.

* * *

В районе большой станции Себряково для переброски подкреплений надо было спешно восстановить взорванный при отступлении мост. Я приказал выровнять площадки и укладывать на них клетки из шпал.

- Что вы собираетесь делать? - испуганно спросил приехавший на помощь начальник дистанции, опытный инженер-путеец.

- Уложить по шпальным клеткам пакеты рельс и пропустить поезд.

- Это невозможно, пакеты будут сильно прогибаться.

- Ну и пусть!

- Шпалы дадут осадку!

- Ничего.

Рельсы скрипели и гнулись. Шпалы потрескивали под ними и сминались, когда паровоз медленно переходил на другую сторону оврага. Побледневший от волнения инженер подошел, когда я осматривал повреждения клеток.

- Ну, знаете ли, я так не смог бы. Ведь это большой риск: вдруг паровоз свалился бы!

* * *

На станцию Бударино я прибыл под вечер, через несколько часов после того, как ее заняли казаки. Со мной было две платформы, груженных шпалами и рельсами. Шло наступление на север, и для подтягивания тылов надо было с утра начать ремонт пути.

С рассветом я обнаружил на станции зловещую пустоту, и вскоре стало ясно, что наши боевые части отступали, не предупредив меня.

- Скорее на паровоз? - скомандовал я и тут же обнаружил, что машинист сбежал. За рычаг пришлось взяться самому, и я отчаянно погнал назад прыгавший по рельсам коротенький состав. Вдогонку свистели пули, а подалее несколько человек возились на полотне дороги.

«Не успели бы разобрать путь!» - мелькнуло опасение, и, нисколько не замедляя скорости, состав промчался мимо отскочивших в стороны людей. Всего несколько выстрелов успели сделать с той и другой стороны. На паровозе ранили солдата, что стоял рядом со мной. На путях свалился тот, что держал в руках гаечный ключ.

* * *

По тяжелому подъему медленно двигался железнодорожный состав, уходивший от красной конницы, которая вслед за вечерней темнотой ворвалась на станцию Лог. В классном вагоне состава находился штаб крупного соединения белоказачьих войск. За ним, по-видимому, и охотились большевики. Паровоз трудно тащил вагоны. Колеса его буксовали, давление в котле падало. Я шел рядом, подбрасывая песок под колеса паровоза. Моих усилий было однако недостаточно, и паровоз остановился.

- Господин поручик, Вас генерал просит в вагон, - позвал адъютант.

В штабном вагоне все были взбудоражены, генерал кричал:

- Я прикажу расстрелять машиниста. Он хочет, чтобы нас захватили большевики!

- Машинист не виноват. Ваше превосходительство, здесь очень большой подъем, а состав тяжелый. Было бы хорошо, если бы Ваши люди помогли бросать песок под колеса.

Через несколько минут все штабные солдаты и офицеры, дружно загребая горстями песок, сыпали его под колеса паровоза. Поднявший давление в котле, паровоз двинулся и, постепенно набирая скорость, вытянул наконец состав на площадку. Опасения рассеялись. Довольные, все разошлись по вагонам. Старый машинист благодарно посмотрел в мою сторону. Он понимал, какая опасность угрожала ему.

В таких эпизодах проходила война на железной дороге, за эти месяцы я научился укладывать путь, управлять паровозом, регулировать движение.

* * *

Пехота белоказачьих успешно продвигалась на Царицын вдоль железной дороги. Конная гвардия генерала Т.М.Старикова пошла в обход города, предполагая выйти к Дубовке на Волге. На станции Качалино, в ближайшем тылу наступавшей пехоты, я едва успевал принимать и отправлять поезда, нагружать и выгружать вагоны. К концу жаркого душного дня оживление внезапно кончилось. На путях остался только мой небольшой состав с командой казаков, да на вокзале задержалось несколько человек невоенного персонала. Не зная, чем занять себя, я слонялся по опустевшей станции.

Верховой казак, опасливо оглядываясь по сторонам, подъехал вплотную, передал мне распоряжение командующего пехотными частями и сейчас же исчез. Аллюр - два креста, лаконичное содержание: «Взорвите мост через Тишанку, отступите на Иловлю». И не успел я еще осмыслить эту внезапную перемену на фронте, как на путях появился еще один казак на взмыленной лошади. Аллюр - три креста: «Немедленно отступайте на Иловлю».

- В чем дело? - успел я задать вопрос второму гонцу.

- Большевики наступают, наши ушли за Дон.

* * *

Станция Иловля оказалась такой же безлюдной, как и Качалино. Не было никого, кто рассказал бы, что происходит. Быстро темнело. Собиралась гроза. Из Себряково позвонил начальник штаба генерала В.П.Фицхелаурова. Голос его был едва слышен:

- Генерал Стариков с дивизией ночует в Васильевке, под Дубовкой... Красная конница выходит ему в тыл... Связь порвана. Мы не можем сообщить ему об этом... Надо, чтобы он немедленно, этой же ночью, отошел на станцию Лог... Помогите связаться со Стариковым.

- Что я могу сделать?

- Надо послать ему записку... Только имейте в виду, что дорога от Иловли на Васильевку занята большевиками.

Генерал Т.М.Стариков, я встречался с ним несколько раз, был самым симпатичным из тех, что действовали в этом районе. Мне очень хотелось помочь ему. Но кто же доставит записку?

Опять позвонил начальник штаба:

- Ну что, удалось вам послать кого-нибудь к Старикову?
- Я сейчас сам выеду к нему, - ответил я, чувствуя себя обязанным выполнить это трудное поручение начальника штаба.
- Это, конечно, было бы самое лучшее.

* * *

- До Васильевки верст сорок будет, не боле, - сказал парень, взятый в провожатые, когда наши кони тронулись с места.

Едва миновали пристанционный поселок, разразилась гроза. Шум дождя и раскаты грома глушили шлепанье копыт. Молнии, бликами вспыхивая в лужах, освещали дорогу. Пригибаясь к гривам коней, мы скакали во весь дух, молча вглядываясь в темноту. Каждый раз, когда нас окликали, я бросал короткое «свои» и сильнее прищипывал лошадь. Никто не гнался за нами, да и безнадежно это было. В ночной пелене дождя мы быстро исчезали.

При тусклом свете маленькой лампы среди людей, спавших в комнате, я нашел генерала Старикова только тогда, когда он сам приподнялся на походной кровати.

- Это вы, Гвоздев? В чем дело? - спросил он и, не дождавшись конца моего рассказа, бросил кому-то: - Скомандуй по коням!

Собрался он очень быстро и, выходя из комнаты, предложил:

- Поедемте с нами прямо на Лог.
- Нет, мне надо вернуться на Иловлю. Там моя команда и состав. Кроме того, отступая, очевидно, придется взорвать мост.

* * *

Утром, когда мой состав приближался к станции Лог, всадники Старикова, вышедшие из окружения, покрывали уже все поле у железной дороги. Под вечер ко мне пришел сам Стариков:

- Поезд из Себряково еще не запрашивался к Вам?

- Нет. А что это за поезд?

- Генерал Фицхелауров едет сюда. Вы сами его встретите и отпрапортуйте.

Из вагона вышел обрюзгший, с длинными седыми усами генерал. Я приблизился, взял под козырек:

- Подпоручик Гвоздев, начальник головного железнодорожного участка...

Генерал был важен, но мой рапорт принял благосклонно:

- Благодарю, поручик. Вы спасли дивизию. Я Вас к Владимиру представляю.

Во мне вспыхнула обида: «Да разве я из-за награды!» Однако через месяц я не без удовольствия приколот к груди редкий офицерский орден - эмалевый, вишневого цвета крестик с перекрещивающимися золотыми мечами.

* * *

В переменных боевых успехах прошли лето и осень. Наступила зима. Особого воодушевления, порыва к победе у белоказаков не наблюдалось даже и тогда, когда стояла теплая погода и воевать было нетрудно. С наступлением же холодов, а конца войне не было видно, казаков потянуло по домам, и они стали дезертировать. Красная армия наоборот к зиме окрепла: подошло надежное подкрепление, появились опытные командиры, поднялась дисциплина. Поэтому именно зимой, армия генерала П.Н.Краснова понесла крупные поражения, и части ее стали отступать на юг. На железной дороге Поворино - Царицын мы эвакуировали одну станцию за другой. Наступил момент, когда в наших руках осталась только станция Иловля. Оттуда путь отступления лежал уже в сторону от железной дороги, за Дон, в станцию Сиротинская.

Штаб конного отряда, удерживавшего Иловлю, расположился километрах в пяти от вокзала, ближе к Дону. В случае внезапного наступления красных мы, безоружная команда железнодорожников, оказывались первыми, лицом к лицу с ними.

- При отступлении взорвешь мост и выйдешь прямо на дорогу. Мы будем ждать тебя с подводами, - распорядился Сашка.

Рано утром, когда красная конница налетела на станцию, я с двумя казаками вскочил на паровоз и помчался к мосту. Заранее приготовленный заряд мы быстро привязали к нижнему,

много раз взорванному, поясу фермы, и я зажег бикфордов шнур. Казаки юркнули в укрытие, и я, не было времени прятаться и ждать, я просто побежал от моста, стараясь до взрыва возможно дальше уйти в сторону нашего отступления. Слева за рекой была видна дорога, по которой в страхе перед красной конницей мчались подводы, неслись всадники, бежали пешие. «Там Сашка, но ведь ждать меня он не будет», - сообразил я, отклоняясь в сторону от этой опасной дороги.

Мы не пожалели динамита. Раздавшийся позади взрыв был оглушительным. Почти одновременно, поближе, послышался разрыв артиллерийского снаряда. И тотчас же я почувствовал удар по кисти руки, удар такой сильный, что хотя рука и была наотмашь, он свалил меня.

«Что это? Осколок артиллерийского снаряда? Рваный кусок железного пояса моста?» Я взглянул на раздувшуюся и окровавленную кисть руки, вскочил и побежал дальше. Впереди лежала песчаная равнина, вдоль которой тянулись невысокие гряды и холмы, иногда задернованные, с редким кустарником. Каждый мой шаг болью отдавался в руке. Я поглядывал на бесформенную кисть с запекшейся кровью, пытался шевелить раздувшимися пальцами: «Отрежут!» Не слушая просьб о помощи, изредка обгоняли меня конные казаки.

Я стал бояться, что остался один и попаду в плен, но вдруг увидел, как от дороги, в мою сторону, в пески убежал, придерживая шашку, спешенный казак. Бежал он очень быстро и скоро должен был пересечь мой путь. А потом я увидел, как догнал его всадник, видел взмах сабли, видел, как падало тело, и мне почудился такой же взмах сабли надо мной. В одну секунду я упал и буквально зарылся в песок. Не двигаясь, я переждал, пока всадник не скрылся за песчаными буграми, и побежал в ту же сторону. Бежать по песку было трудно. В распахнутом грязно-желтом полушубке, в сбившейся на затылок шапке, совершенно мокрый от пота, я все бежал и бежал, изнемогая от усталости.

Прошло полчаса, час... Я не представлял себе время. Внезапно слева появился броневик, быстро приближавшийся ко мне. Прятаться было уже поздно. На небольшом расстоянии пулеметчик, выпустил длинную очередь. Пули засвистели над головой, и я упал, изображая убитого, а броневик, ему некогда было терять время на одного человека, помчался дальше. Как змея прополз я к песчаному бугру и спрятался за него. Положение казалось безнадежным. Сердце бешено стучало. Я уже выхватил револьвер, чтобы застрелиться.

Броневик не вернулся. Впереди по-видимому шел бой с отступающими казаками. Я подождал, успокоился, положил револьвер обратно в кобуру и осторожно отправился вслед за броневиком. Чтобы спастись от плена, мне надо было пройти через линию фронта.

Уже в темноте я миновал переправу через Дон и оказался в Сиротинской.

- Все кости целы, - сказала сестра, перевязывая мне руку.

* * *

Рука моя быстро заживала, но оставалась на перевязи, и в часть меня не отправляли. Капитан Филиппов, ведавший в объединенном штабе всеми железнодорожными войсками, попросил:

- Мне хочется, чтобы Вы помогли коменданту станции полковнику Иванову. Один он не справляется с работой, а у меня кроме Вас нет специалистов.

Чтобы остановить стремительное наступление Красной армии, которая уже вышла к Северному Дону и угрожала донской столице, на станцию Новочеркасск с Кубани спешно перебрасывалась конница генерала В.Л.Покровского. Эшелон за эшелоном - люди, кони, артиллерия, обозы, снаряды - лихорадочно, днем и ночью, разгружались около единственной небольшой платформы. Изнемогавший от усталости старый полковник Иванов, пересыпая свою речь отборным матом жаловался:

- Как только уйду спать, все замирает. Разгрузка прекращается, составы не принимают. И не могу разобрать, кто виноват - то ли дежурный по станции, то ли сами кубанцы?

Полковник подкупил меня своей простотой и манерой держаться на равной ноге с молодым подпоручиком. Мне очень хотелось помочь ему. Освоившись с обстановкой, уже на второй вечер я предложил:

- Идите спать, господин полковник.

- А Вы справитесь? Ведь «движенцы» - народ тяжелый, их надо знать. А кубанцы очень дисциплинированы, Вам будет трудно заставить себя слушаться.

- Постараюсь справиться, господин полковник, идите спать.

Всю ночь я метался между комнатой дежурного, откуда давалась команда поездам, и платформой, где шла разгрузка. Появившийся утром полковник молча уткнулся в журнал и, просматривая его, подсчитал:

- Послушаете, Гвоздев, Вы приняли за ночь одиннадцать поездов! Этого мне ни разу не удавалось! Ой, молодец! - он тискал меня в крепких объятиях, колот усами.

* * *

Приехавший с фронта Сашка рассказал, что командир Донской железнодорожной сотни полковник Голубев недоволен мною.

- Почему?

- Кто его знает? Считает, что нельзя было награждать тебя без его согласия. А я думаю, что он просто завидует. Ведь ни у кого из железнодорожников нет такого ордена.

Когда пришла пора ехать на фронт, я попросил капитана Филиппова перевести меня из Донской сотни в железнодорожную роту Добровольческой армии.

- Какое же основание для этого?

- Я ведь не донской казак.

Капитана, благодарного мне за помощь полковнику Иванову, уговаривать долго не пришлось.

* * *

Большой Войсковой Круг, собравшийся в феврале девятнадцатого года (на нем присутствовал и генерал А.И.Деникин), отстранил П.Н.Краснова. Официальной причиной отставки назывались неудачи Донской армии на фронте. Однако в офицерских кругах поговаривали, что более существенным мотивом было недовольство союзников Деникина - стран Антанты - немецкой ориентацией Краснова. Новый атаман А.П.Богаевский и новый командующий Донской армией генерал В.И.Сидорин тоже придерживались старого союза и быстро наладили контакты с Деникиным, армия которого к этому времени распространилась на всю Кубань и вышла к Черному морю. Через порты Новороссийск и Туапсе в армию Деникина обильным потоком текли английское и французское вооружение, обмундирование и продовольствие.

* * *

Деникинская армия, используя бронепоезда, легко продвигалась вдоль железной дороги, все дальше на юг. Она захватила Моздок и Нальчик, Кизляр и Владикавказ и остановила свое продвижение только тогда, когда достигла Чечни. Здесь железная дорога оказалась разрушенной.

Чеченцам не нужна была железная дорога. Она являлась символом их порабощения. После революции горцы буквально уничтожили ее, не оставив ни рельсов, ни шпал. Даже тяжелую металлическую ферму стащили они с каменных устоев моста через реку Сунжу.

Отряд добровольческой железнодорожной роты, в котором я оказался, настойчиво, изо дня в день, восстанавливал разрушенный путь. Работы прикрывал бронепоезд, из бойниц которого хмуρο выглядывали дула пулеметов и орудий. Они вращались иногда, как бы прицеливаясь, но никогда не стреляли. Стрелять в чеченцев было строго запрещено. Белое командование пыталось привлечь их на свою сторону.

Каждое утро, едва начиналась укладка шпал и рельсов, нас окружали чеченцы. У каждого за плечами была винтовка, у пояса револьвер. У каждого сбоку болталась шашка, а на животе самое привычное его оружие - кинжал. И каждое утро на полотне дороги мы находили новый знак - поставленные крест-накрест рельсы.

- До этого места дойдешь, - говорил обвешанный оружием чеченец, - воевать будем. У нас все есть. Винтовка есть. Пулемет есть, птичка железный есть, - угрожал он, с сокрушением добавляя, - только кучер нету.

Взгляд его был прикован к бронепоезду.

- Зеленый арба - шибко яман, очень плохо.

Когда солдаты, продвигаясь вперед, убирали знак, мешавший укладке рельсов, бывало, что вдали показывались группы скачущих всадников. Но они тоже не стреляли. Их сдерживал вид бронепоезда. Только вечером, когда мы возвращались назад за Терек, из густых зарослей у реки раздавались безобидные выстрелы по нашему составу.

* * *

Войска Деникина быстро продвигались не только на юг, но и на северо-запад от Ростова. Они захватили весь Донбасс, овладели Крымом, распространились по низовьям Днепра, заняли Харьков и Одессу. Железнодорожники днем и ночью ремонтировали путь, чинили мосты и организовывали движение. Было уже в разгаре лето, когда наша рота остановилась, наконец, на отдых и для пополнения на станции Основа у Харькова.

(Продолжение следует)

ПОД СЕНЬЮ СТАРОГО ЗНАМЕНИ (ОТКЛИК НА СТАТЬЮ ГЕРАСИМОВА М.Н. «ЗНАМЯ 3-ГО ПЕРНОВСКОГО ГРЕНАДЕРСКОГО ПОЛКА В БЕЛОЙ СИБИРИ» - НОВЫЙ ЧАСОВОЙ (САНКТ-ПЕТЕРБУРГ). -2000. -№10)

В бывшем областном партийном архиве Свердловской области, ныне Центре документации общественных организаций Свердловской области, сохранилась подшивка военно-литературной газеты «Голос Сибиряка» за 1918-1919 г., издателем которой являлся штаб 7 Уральской дивизии горных стрелков.

В номерах от 10,14 и 17 ноября 1918 г. газета опубликовала материалы о знамени 3 Перновского гренадерского полка.

4 ноября 1918 г. в приказе №75 начальник 7 Уральской дивизии горных стрелков генерал-майор В.В. Голицын объявил, что к нему явился 3 Перновского гренадерского полка подполковник Милюков и вручил знамя, привезенное им и прапорщиками этого же полка Коссополянским и Александровичем из Москвы. Знамя приказывалось передать в 28 Ирбитский полк горных стрелков¹.

13 ноября 1918 г. на Монастырской площади Екатеринбурга состоялись торжества по вручению старого знамени горным стрелкам. Подразделения 28 полка выстроились в каре вокруг аналога, около которого стояли три священника и на котором находилось знамя. По окончании молебна вице-адмирал А.В.Колчак вручил знамя командиру Ирбитского полка полковнику М.Н.Некрасову. Знамя было пронесено по фронту и поставлено на место. После этого полк прошел церемониальным маршем мимо принимавшего парад военного и морского министра вице-адмирала А.В.Колчака и почетных гостей².

Вечером этого же дня состоялся банкет в честь вручения знамени, на котором корреспонденту дивизионной газеты удалось взять интервью у подполковника Ю.А.Милюкова. Последний рассказал следующее. Настоящее знамя было пожаловано полку в 1910 г. в честь двухсотлетнего юбилея. После Брестского мира полк отправился в Москву, где последний выборный командир полка при демобилизации спрятал знамя и сохранил у себя. Группа офицеров решила вступить в формируемую в Перми советскую дивизию, чтобы, выбрав удобный момент, уйти со знаменем к белым. Из Москвы знамя повезли прапорщики В.З.Коссополянский и А.А.Александрович (младшим офицерам это было проще) и благополучно добрались до Перми. Из Перми бежали втроем - Милюков, Коссополянский и Александрович - и после сорока дней скитания по уральским лесам и деревням перешли фронт и добрались до Екатеринбурга³.

Еще три офицера Перновского гренадерского полка добрались из Москвы до Екатеринбурга и вступили в 28 Ирбитский полк. Это были подполковник Н.Н.Трухин и прапорщики П.Е.Де-Бур и А.А.Круглов⁴.

В дивизионной газете дважды подчеркивалось, что знамя, врученное 28 Ирбитскому полку горных стрелков - это Георгиевское знамя, пожалованное перновцам в 1910 г. в честь двухсотлетнего полкового юбилея. Следовательно, это Георгиевское знамя образца 1900 года с изображением на правой стороне Спаса Нерукотворного и надписями: «За взятие у французов двух знамен в сражениях при Гейльсберге 29 мая и при Фридланде 2 июня 1807 года» и «За взятие Карса 6 ноября 1877 года», и с изображением на левой стороне вензеля Николая II и надписью «1710-1910»⁵.

28 Ирбитский полк горных стрелков, четвертый полк 7 Уральской дивизии горных стрелков, формировался в Екатеринбурге с 13 августа 1918 г. сначала как 8 Красноуфимский полк горных

стрелков, затем 16 августа 1918 г. он был переименован в 8 Ирбитский полк горных стрелков, а с 19 августа 1918 г. - в 28 Ирбитский полк горных стрелков⁶. Основой полка послужили офицеры 4 офицерской роты численностью в сто пять человек, мобилизованные в Екатеринбурге 5-7 августа 1918 г. и двести сорок добровольцев, прибывших 20 августа 1918 г. из Березовского и Старопышминского заводов и деревень Сарапулки и Становой Екатеринбургского у. Позднее полк пополнялся мобилизованными Екатеринбургского уезда⁷.

Полк в составе 7 Уральской дивизии горных стрелков прошел весь ее боевой путь и особенно отличился в сражениях за Нижне-Баранчинский завод, Кунгур и Уфу. Офицеры Перновского гренадерского принесли горным стрелкам не только знамя, но и славные боевые традиции одного из старейших русских полков

По свидетельству офицеров 28 полка прапорщика И.И.Шкарубы, подпоручика Б.В.Соловьева и поручика М.И.Троицкого, остатки Ирбитско-Перновского полка горных стрелков попали к красным в плен перед Ачинском⁸. Отдельные группы и одиночные бойцы 28 полка в составе колонн из различных частей прорвались дальше на восток. Что же случилось со знаменем? Скорее всего оно было сожжено вместе с древком.

В заключение нам бы хотелось привести краткие биографические данные об офицерах 3 Перновского гренадерского полка, оставшихся верными своему знамени.

Подполковник Милюков Юрий Александрович, 1882 г.р., из потомственных дворян Тверской губернии, окончил 3 Московский кадетский корпус и Александровское военное училище. Подпоручик с 1902 г., участник русско-японской и Первой мировой войн, награжден орденами Св. Станислава 3 степ. с мечами и бантом, Св. Станислава 2 степ. с мечами, Св. Анны 4 степ. с надписью «За храбрость», Св. Анны 3 степ. с мечами и бантом, Св. Анны 2 степ. с мечами, Св. Владимира 4 степ. с мечами и бантом. С 6 ноября 1918 г. помощник командира 28 Ирбитского полка горных стрелков, командующий полком с 8 февраля по 28 марта 1919 г. Дальнейшая судьба неизвестна⁹.

Полковник Трухин Николай Николаевич, 1877 г.р., сын купца из Тобольска, окончил четыре класса Тобольской духовной семинарии и Киевское военное училище. Вольноопределяющийся с 1899 г., подпоручик с 1902 г., подполковник с 1916 г., полковник с 1919 г. Участник русско-японской и Первой мировой войн, награжден орденами Св. Станислава 3 степ. с мечами и бантом, Св. Станислава 2 степ. с мечами, Св. Анны 4 степ. с надписью «За храбрость», Св. Анны 3 степ. с мечами и бантом, Св. Анны 2 степ. с мечами, Св. Владимира 4 степ. с мечами и бантом и Георгиевским оружием. С 24 ноября 1918 г. командир 2 батальона 28 Ирбитско-Перновского полка, командующий полком с 28 марта по октябрь 1919 г. Убит в октябре 1919 г.¹⁰

Прапорщик Коссополянский Валерий Зенонович, 1879 г.р., из дворян Тверской губернии, окончил Алексеевское военное училище, прапорщик с 1917 г. Младший офицер 9 роты 28 полка. Дальнейшая судьба неизвестна¹¹.

Прапорщик Александрович Александр Адамович, 1895 г.р., из мещан Гродненской губернии, окончил четыре класса гимназии и 5 Московскую школу прапорщиков. Прапорщик с 1917 г. Младший офицер 9 роты 28 полка. Дальнейшая судьба неизвестна¹².

Подпоручик Де-Бур Петр Евгеньевич, 1888 г.р., из мещан Москвы, окончил Московское промышленное училище, четыре курса Высшего технического училища и Александровское военное училище. Вольноопределяющийся с 1916 г., прапорщик с 1917 г. Младший офицер 12 роты 28 полка, младший офицер кабельной роты штаба 7 Уральской дивизии. Дальнейшая судьба неизвестна¹³.

Левая сторона Георгиевского знамени
3 Перновского гренадерского полка

Прапорщик Круглов Александр Андрианович, 1895 г.р. Младший офицер 11 роты 28 полка. Дальнейшая судьба неизвестна¹⁴.

¹ Голос Сибиряка (Екатеринбург). -1918. -10 нояб.

² Голос Сибиряка. -1918. -14,17 нояб.

³ Голос Сибиряка. -1918. -17 нояб.

⁴ РГВА. Ф.39812.Оп.1.Д.14.

⁵ См.: Звездинцев В.В. Знамена и штандарты русской армии. -Париж,1964. -Ч.2. -С.56-58.

⁶ РГВА. Ф.39812.Оп.1.Д.4.Л.1; Ф.39517.Оп.1.Д.35.Л.8,11.

⁷ РГВА. Ф.39812.Оп.1.Д.1.Л.2.

⁸ ГААОСО. Ф.1.Оп.1.Д.П-48191.Л.6; Д.19420.Т.3.Л.282; Д.П-40329.Л.6.

⁹ РГВА. Ф.39812.Оп.1.Д.14.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же.

¹² Там же.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же.

* * *

В редакцию поступило письмо от нашего орловского автора Р.М.Абинякина. Он пишет: «Ознакомившись в седьмом номере альманаха с отзывом Д.А.Лобанова на мою статью «К предстории Белого движения: «Добровольческая Революционная армия» 1917 г.», хотелось бы прежде всего поблагодарить за внимание к ней и высказанные соображения. Однако, исходя из убеждения, что в спорах рождается истина и, имея целью только приближение к ней, не могу в свою очередь не отметить следующие моменты.

Со вторым из высказанных положений (касательно штурмовых частей) трудно не согласиться. Но, если быть точными до конца, то собственно «штурмовые» подразделения формировались исключительно как временные, для решения конкретных задач¹. Штурмовое же назначение «ударных» частей неоспоримо, но не было единственным. Их задачи формулировали так: «1). штурм особо важной части неприятельской позиции; 2). поддержка уже ворвавшихся воинских частей, задержанных противником; 3). контратака неприятеля, ворвавшегося на нашу позицию; 4). поиск для разрушения оборонительных линий противника, особенно вредящих нашей обороне или задуманному наступлению»².

Безусловно, «ударные революционные» батальоны (из волонтеров тыла, солдат запасных частей и нередко учащейся молодежи) и фронтовые «части смерти» (из добровольцев-фронтовиков) отличались **по методу комплектования**, уровню подготовки и опытности личного состава. Уважаемый Д.А.Лобанов видимо не заметил первую часть названия статьи, между тем она указывает ракурс рассмотрения добровольческих частей. Поэтому главным оказывается назначение и психологический облик личного состава как социального материала Белого движения. Указанные же параметры у «ударных» и «частей смерти» существенного различия не имели. Более того, сами организаторы порой вопиющим образом смешивали и «путали» понятия «ударников» и «смертников». Тот же командир **батальона смерти** 19 пехотной дивизии А.В.Туркул (будущий дроздовец) в мемуарах упорно именует свою часть **ударным** батальоном. Наконец, «Список революционных ударных батальонов» (цитируемый А.Кибовским), то есть батальонов тыла, наряду с таковыми содержит минимум три чисто фронтовые части: Кавказский дивизион смерти (правильнее - дивизион смерти Кавказской кавалерийской дивизии), 8 ударный революционный батальон (о котором в скобках было сказано «бывший батальон смерти ныне расформированной 174 дивизии») и батальон смерти 120 дивизии³.

По третьему пункту уважаемый Д.А.Лобанов действительно ошибается, как он того и опасался. Славянский, или даже Юго-Славянский ударный отряд только сформировался, причем из пленных солдат-славян, под началом русских офицеров⁴, и к переименованным корниловцам прямого отношения не имел.

Единственный боевой эпизод 1 Женской команды при всем уважении трудно сопоставить с эффективностью **постоянного** боевого применения, особенно учитывая необходимость представлять к добровольцам караул для защиты от «демократизированных» своих же солдат. Кроме того, данная команда не была «единственной женской частью прибывшей на фронт». Так, «30 сентября сего года [1917-го - Р.А.] на Западный фронт прибыло два эшелона в составе 420 доброволиц [2-го - Р.А.] Московского женского батальона смерти», которые были «направ-

лены в виду расформирования батальона и желания самих добровольцев». Они вошли в состав 27 дивизии 10 армии⁵.

Касаясь последнего пункта замечаний, наблюдаем смещение понятий. А.Кибовский, если вчитаться внимательно, пишет про батальон «Свобода, Равенство и Братство», что «геройское участие в боях не спасало его солдат от политических веяний», и ни слова не говорит о наличии среди ударников большевиков-офицеров. В нашей же статье утверждается игнорирование Красной армии только офицерами-ударниками. Кроме того, даже членство солдат в РСДРП(б) еще не означает автоматического добровольного вступления в РККА, хотя и допускает это. Штабс-капитан, затем капитан М.А.Муравьев некоторое время был председателем Всероссийского центрального комитета по организации Добровольческой революционной армии, однако в ударных частях не служил и поэтому считать его офицером-ударником невозможно. Если же такое допустить, то ударниками придется числить и любого из членов данного комитета, - например, известного оратора и авантюриста эсера Федора Баткина, а также великобританского подданного профессора Перса⁶.

В заключение хотелось бы вновь поблагодарить уважаемого Д.А.Лобанова за внимание к данной публикации и возможность более конкретно прояснить те моменты, которые в ней прозвучали недостаточно отчетливо. Столь обстоятельный ответ вызван исключительно стремлением к объективности, и высказанные здесь соображения представляются принципиальными. Занимаясь историей добровольчества весьма обстоятельно в течение семи лет, я не мог не ответить на высказанные замечания».

¹ Капустин М.И. Заговор генералов: из истории корниловщины и ее разгрома. -М.,1968. -С.83.

² РГВИА. Ф.2003.Оп.2.Д.348.Л.27.358.

³ Там же. Д.350.Л.325-326.

⁴ Там же. Л.83.

⁵ Там же. Д.349.Л.54.

⁶ Там же. Д.350.Л.115.

* * *

В Санкт-Петербурге в издательстве Российской национальной библиотеки вышла книга «Белое движение. Каталог коллекции листовок (1917-1920 гг.)». В редакцию поступил отзыв на данное издание, подписанный научным сотрудником Санкт-Петербургского филиала Института Российской истории РАН, кандидатом исторических наук В.И.Мусаевым, который мы публикуем с небольшими сокращениями: «Издание каталога коллекции белогвардейских листовок, хранящихся в фондах Российской национальной библиотеки, представляется исключительно важным и своевременным делом. В последние годы исследователи истории Гражданской войны в России получили возможность изучать и использовать воспоминания участников Белого движения, белогвардейскую печать, архивные документы, отложившиеся в результате деятельности антибольшевистских сил, благодаря рассекречиванию архивных и библиотечных фондов, изданию и переизданию белогвардейской литературы. Это безусловно помогает создавать более полные

и объективные исследования по истории Гражданской войны. Однако такой массовый вид печати того периода, как листовки, особенно те, которые издавались противниками советского правительства, оставался почти невостребованным. Российская национальная библиотека располагает обширной коллекцией (около 2500 названий) белогвардейских листовок. Во многих из них содержатся ценные сведения, касающиеся внутренней политики антибольшевистских правительств и организаций на занятых ими территориях, другие служат ярким памятником менталитета эпохи, демонстрируют способы пропагандистского и агитационного воздействия на сознание солдат, как своих, так и противной стороны, и местного населения. Однако эта коллекция до самого последнего времени была очень плохо известна специалистам, занимающимся изучением истории интервенции и Гражданской войны. Дело в том, что поиск документов в фондах РНБ крайне затруднен, исследователи не могли должным образом ориентироваться в коллекции. Теперь такая возможность появляется.

Нельзя не отметить достоинства данного издания. Принцип построения каталога исключительно удобен, перечень листовок составлен по комбинированному географически-хронологическому принципу, что заметно облегчает поисковую работу. О каждой из помещенных в каталог листовок дается подробная информация, указывается даже ее формат. Важным подспорьем для исследователя должны служить помещенные в конце книги указатели (именной, географический, заглавий, учреждений и организаций, мест издания, издательств и типографий) и приложения. Издание оживляют образцы самих листовок, которые приведены с сохранением оригинального шрифта и орфографии. Авторы каталога (руководитель - доктор педагогических наук Г.В. Михеева) проделали огромный объем работы, собрали большое количество ценной информации. Каких-либо слабых мест и недостатков в данном издании практически нет. Можно было бы лишь высказать пожелание, чтобы в случаях, когда листовки издавались иным способом, чем типографский, указывался способ воспроизведения, а также по возможности их тираж».

* * *

В Санкт-Петербурге в издательстве «Бельведер» увидела свет книга **В.М.Алексеевой-Борель «Сорок лет в рядах русской императорской армии: Генерал М.В.Алексеев»**. Работа принадлежит перу дочери генерала Веры Михайловны. На протяжении долгих лет эмиграции она кропотливо трудилась над мемуарным трудом, который содержит ее личные воспоминания, мемуары и свидетельства участников описываемых событий, документы знаменитого Аргентинского архива семьи Алексеевых. Книга являет собой повествование о жизни и судьбе Михаила Васильевича Алексеева, о драматических моментах русской истории, о трудном выборе, который сделали наши соотечественники в трагические годы гражданского противостояния. Работа написана в мемуарном ключе, при этом на ее страницах воспроизводятся документальные источники - письма, дневниковые записи, телеграммы и др. В результате автор сумела достичь удивительной гармонии оригинального текста и подлинных документов ушедшей эпохи. Часть богатейшего документального наследия основателя Добровольческой армии -

фрагмент его дневника - была опубликована еще в 1929 г. в пражском «Русском историческом архиве». В 1989-1997 гг. отдельные главы из книги В.М.Алексеевой-Борель и документы Аргентинского архива выходили на страницах «Военно-исторического журнала», в журналах «Наши вести», «Родина», «Источник», «Наше наследие», «Дружба народов». Однако в полном виде эту объемную монографию (48 п.л.) долгое время издать не удавалось.

* * *

В Москве в издательстве государственного университета сервиса вышла монография **Ю.П.Свириденко, В.Ф.Ершова «Белый террор? Политический экстремизм российской эмиграции в 1920-1945 гг.»**. Политический экстремизм не умер. Он вновь и вновь возрождается в мире, в том числе и в нашей стране. В обществе растут озлобление, в политике властно заявляют о себе такие факторы, как месть, ненависть, национальная нетерпимость. Поэтому совсем не случайно проблемы эмигрантского реваншизма становятся предметом научных исследований и дискуссий. Авторы книги сочли необходимым заявить тему белоэмигрантского экстремизма 1920-1940х гг. как новое самостоятельное направление научного поиска. В отличие от предшественников, которые рассматривали проблему белого террора лишь фрагментарно, в виде отдельных вопросов, Ю.П.Свириденко и В.Ф.Ершов предприняли попытку изучить всю проблему в целом, сведя воедино все ее компоненты: практику, идеологию, персоналии. Авторы убеждены, что лишь комплексное исследование темы, свободное от политических оценок, опирающееся в том числе на неизвестные архивные материалы, позволит дать исчерпывающий ответ на вопрос: что же из себя представлял белоэмигрантский экстремизм и белый террор 1920-1940х гг.?

НЕСКОЛЬКО СЛОВ ОБ АВТОРАХ

ВИШНЯКОВ Михаил Евсеевич, пресс-секретарь губернатора Читинской области, член Союза писателей России, заслуженный работник культуры Российской Федерации, автор десяти книг, выпущенных издательствами Москвы и Сибири, постоянно печатается на страницах различных литературных журналов («Дальний Восток», «Сибирь», «Наш современник», «Москва» и др.).

ГАНИН Андрей Владиславович, студент исторического факультета Московского государственного университета, занимается изучением генералитета Белых армий, автор ряда научных публикаций.

ГВОЗДЕВ Влас Семенович, участник Белого движения на Юге России, подпоручик, инженер-мелиоратор, кандидат технических наук, создатель научно-исследовательского института комплексного использования и охраны водных ресурсов Урала (Екатеринбург).

ГЛЕЗЕРОВ Сергей Евгеньевич, аспирант Санкт-Петербургского государственного университета культуры, занимается изучением издательского дела Белого движения на Северо-Западе России, автор ряда публикаций по теме, а также по истории Санкт-Петербурга.

ДМИТРИЕВ Николай Иванович, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России Уральского государственного технического университета (Екатеринбург), руководитель научно-исследовательского центра «Белая Россия», специалист по проблемам Гражданской войны и Белого движения на Востоке России, автор более 120 научных работ.

КРУЧИНИН Александр Михайлович, инженер-технолог Свердловской железной дороги, председатель Екатеринбургского военно-исторического клуба «Горный щит», занимается историей Русской армии первой трети XX в., автор научных публикаций и монографии.

НЕУЙМИН Николай Борисович, юрист (Екатеринбург), коллекционер, занимается изучением истории Русской армии конца XIX - начала XX вв.

НОВИКОВ Павел Александрович, аспирант Иркутского государственного технического университета, автор нескольких научных публикаций по истории антибольшевистской борьбы в Восточной Сибири.

ПОСАДСКИЙ Антон Викторович, кандидат исторических наук, старший преподаватель Поволжской академии государственной службы (Саратов), изучает историю правоохранительных органов Белого движения, автор ряда научных публикаций.

СМИРНОВ Сергей Викторович, аспирант кафедры всеобщей истории исторического факультета Уральского государственного педагогического университета (Екатеринбург), занимается изучением проблем, связанных с историей российской эмиграции в Китае.

ШУЛДЯКОВ Владимир Александрович, кандидат исторических наук, старший преподаватель Омского общевоинского командного училища, изучает историю Сибирского казачьего войска, автор многочисленных публикаций.

СОДЕРЖАНИЕ

Отредактора.....	3
Извещение	4

НА ФРОНТАХ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

Новиков П.А. Части Чехословацкого корпуса в Восточной Сибири (май-август 1918 г.) (окончание).....	5
---	---

В БЕЛОМ ТЫЛУ

Шулдяков В.А. Материалы к истории Сибирского казачьего войска периода Гражданской войны: охрана порядка и борьба с восстаниями и партизанами в тылу (1918-1919 гг.).....	21
Посадский А.В. Из истории Саратовской губернской бригады Государственной стражи...	39
Глезеров С.Е. Издательское дело Белого движения на Северо-Западе России. 1918-1920 гг. (продолжение).....	47

СТРАНИЦЫ БИОГРАФИИ

Дмитриев Н.И., Смирнов С.В. Жертва общественного долга.....	75
--	----

НА СЛУЖБЕ РОДИНЕ

Ганин А.В. Генерал-майор И.Г.Акулинин.....	85
Кручинин А.М., Неуймин Н.Б. Семья Обуховых на фоне войны и революции.....	92

ЗНАКИ И СИМВОЛЫ

Вишняков М.Е. Золото короны (окончание).....	96
--	----

МЕМУАРЫ

Гвоздев В.С. Трудное начало (воспоминания)	99
--	----

ХРОНИКА

Кручинин А.М. Под сенью старого знамени (отклик на статью Герасимова М.Н. «Знамя 3-го Перновского гренадерского полка в Белой Сибири» - Новый Часовой (Санкт-Петербург). -2000. -№10).....	114
Несколько слов об авторах	119

БЕЛАЯ АРМИЯ. БЕЛОЕ ДЕЛО. Исторический научно-популярный альманах № 8.
Ответственный редактор Дмитриева Т.В.
Компьютерная верстка Пряхина Н.Н., Фишев И.Н.

Подписано в печать 25.12.2000. Формат бумаги 70x108 1/16.
Бумага книжно-журнальная. Офсет. Усл. печ. листов 16,0. Тираж 800 экз. Заказ № 252.
Отпечатано ООО «Издательство УМЦ УПИ». 620002, г.Екатеринбург, ул.Мира, 17.

**ЗАБЫТАЯ
ФОТОГРАФИЯ**

**Неизвестный выпускник Уральского горного училища,
рядовой пулеметной команды
25 Екатеринбургского полка горных стрелков.
*Фото конца 1918 г.***

